Л. Я. ЛОЗИНСКАЯ

# ВО ГЛАВЕ ДВУХ АКАДЕМИЙ



ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия
«Страницы истории нашей Родины»

Л. Я. ЛОЗИНСКАЯ

# ВО ГЛАВЕ ДВУХ АКАДЕМИЙ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. — Л72 М.: Наука, 1978. — 144 с., ил., 0,4 л. ил.

Эта книга — рассказ о замечательной русской женщине Екатерине Романовне Дашковой. С 1783 по 1794 г. она была директором Академии наук и президентом Российской академии, объединявшей тогда крупнейшие литературные силы страны. Поразительно разнообразны были дарования Дашковой. Она писала стихи, сочиняла музыку, была знатоком искусства, незаурядным филологом, редактировала журнал, переводила. Характерна для своего времени и человеческая судьба Дашковой. Личность сильная, с деятельным характером и независимыми суждениями, она не смогла приспособиться к миру придворного угодничества и часть своей жизни провела в изгнании.

Л. Я. Лозинская — кандидат филологических наук, занимается проблемами культуры XVIII в., автор книги о Шиллере, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1961), и ряда статей.

63. 3(2)46

Ответственный редактор

доктор исторических наук

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

На первой странице обложки

Е. Р. Дашкова. Гравюра И. Майра по портрету Д. Г. Левицкого. 1780-е годы.

Л $\frac{10604 — 018}{054\ (02) — 78}$ 33 — 77 НП 

## ВСТУПЛЕНИЕ

С 1783 по 1794 г. во главе двух академий— Академии наук и Российской академии — стояла Екатерина Романовна Дашкова.

Кем была она, эта женщина, более 11 лет руководившая крупнейшими научными учреждениями страны?

Писателем.

Она пишет пьесы, стихи, статьи, мемуары — «Записки», переводит. Герцен, почитатель и биограф Дашковой, называет «Записки» документом чрезвычайно важным для изучения XVIII столетия.

Знатоком искусств.

Ее суждения об архитектурных памятниках и произведениях живописи поражают точностью и глубиной.

Педагогом.

Она знакома со многими выдающимися достижениями педагогической науки, придерживается прогрессивных взглядов в вопросах воспитания, исповедуемых философами-просветителями, и детально разрабатывает примерную систему образования передового русского юноши.

Филологом.

По ее инициативе издается первый толковый словарь русского языка. Она участвует в его составлении и берет на себя объяснение понятий, «имеющих отношение к нравственности, политике и управлению государством».

Редактором.

Под ее руководством выходит журнал «Собеседник любителей российского слова», к участию в котором она привлекает многих талантливых литераторов. Добролюбов посвящает «Собеседнику» свое первое исследование.

Натуралистом.

Во время путешествий она составляет гербарий и коллекцию минералов. Она изучает садоводство и сажает сады.

Музыкантом.

Она увлекается народными песнями, прекрасно поет, пробует — и успешно — свои силы в композиции.

Хирургом.

С ланцетом в руках она спасает человека от гибели.

«Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о таком,— пишет о Дашковой своим родным в Ирландию ее гостья Кэтрин Уильмот.— Она учит каменщиков класть стены, помогает делать дорожки, ходит кормить коров, сочиняет музыку, пишет статьи для печати, знает до конца церковный чин и поправляет священника, если он не так молится, знает до конца театр и поправляет своих домашних актеров, когда они сбиваются с роли; она доктор, аптекарь, фельдшер, кузнец, плотник, судья, законник...» [1]

Это письмо характеризует Дашкову последних лет жизни. Крестница императрицы Елизаветы, подруга Екатерины II еще до восшествия той на престол, Дашкова значительную часть своей жизни проводит в немилости, ссылке, изгнании.

К этим годам и относится широко известный в свое время эстамп. Пожилая женщина, с лицом открытым и энергичным, сидит на деревянной лавке, опершись о маленький, грубо сколоченный письменный стол. Под рукой у нее — книга. Женщина в мундире со звездой, на голове ее чепец или колпак. Она сидит прямо, высоко подняв голову. В углу горницы большая, в полкомнаты, кирпичная печь, под низким потолком — две полки с книгами. Дашкова — в простой деревенской избе. В ссылке...

«...Несмотря на то что я была графиней Воронцовой по отцу и княгиней Дашковой по мужу, я всегда чувствовала себя неловко при дворе»,— неоднократно повторяет она в своих «Записках» [2].

Она умна и образованна, кругозор ее широк, характер деятелен, суждения независимы — где ей приспособиться к миру придворных сплетен, угодничества и рутины. Не всесильные временщики, а Вольтер и Дидро становятся ее друзьями и собеседниками.

Недолго играет она при дворе блестящую роль, которая, казалось, была ей предназначена рождением и политическими событиями. Но в истории русской культуры, русского Просвещения ей, несомненно, принадлежит роль значительная и, пожалуй, еще недооцененная.

## ЕКАТЕРИНА «МАЛАЯ»

Екатерина Романовна Дашкова родилась в 1743 (1744?) г. в Петербурге. Она рано потеряла мать. Отец ее, граф Роман Илларионович Воронцов (генерал-поручик и сенатор), детьми своими интересовался значительно меньше, чем светскими развлечениями. Из пяти детей после смерти матери дома остался только один — старший сын Александр (впоследствии крупный государственный деятель). Второй сын — Семен Воронцов (будущий известный дипломат, русский посол в Англии) воспитывался у деда. Старшие дочери были назначены фрейлинами и жили при дворе. Екатерину, самую младшую, взял на воспитание дядя — Михаил Илларионович Воронцов, в ту пору вице-канцлер, а с 1758 г. «великий канцлер».

Вероятно, девочке повезло, что она не осталась в отчем доме. Роман Воронцов, человек не слишком высоких нравственных правил, для просвещенных людей своего круга служил и неким эталоном невежества. Не случайно его имя упоминает вице-президент Адмиралтейской коллегии И. Г. Чернышев в письме будущему куратору Московского университета И. И. Шувалову в связи с событием 26 июля 1753 г. В тот день при безоблачном небе был убит молнией во время опытов по изучению атмосферного электричества Г. В. Рихман. Ломоносов выразил опасение, что сей случай может быть истолкован «противу приращений наук», и, словно вторя ему, И. Г. Чернышев пишет: «Любопытен я знать теперь, что говорит об электрической машине Роман Ларионович: он и прежде, когда мы еще не знали, что она смертоносна, ненавидел ее» [1].

И еще штрих к портрету. Назначенный наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний, Роман Воронцов до того разорил поборами эти земли, что слух о его «неукротимом лихоимстве» дошел до императрицы.

Сохранился анекдот о том, что во время праздничного обеда по случаю дня рождения графа Романа ему при гостях был вручен подарок от государыни — длинный пустой кошелек [2]. Роман Илларионович не перенес афронта и вскоре скончался. Нашелся, правда, стихотворец, сочинивший эпитафию, где прославил именно те до-

бродетели, коих очевидно начисто был лишен Р. И. Воронцов,— бескорыстие и сострадание к ближним. Но эта эпитафия, напечатанная в журнале, во главе которого стояла дочь покойного, не изменила мнения о Р. Воронцове — за ним прочно закрепилась кличка: «Роман — большой карман».

О матери Е. Р. Дашковой — Марфе Ивановне, урожденной Сурминой, известно немного. Слыла она красавицей и плясуньей и будто бы попала в число тех девушек, которых привели к императрице Анне, чтобы продемонстрировать ей русскую пляску. Девушки так испугались грозной подруги Бирона, что и плясать не смогли: ноги приросли к полу. Говорят еще, что Марфа Ивановна Сурмина обладала значительными капиталами, которые нередко выручали мотовку Елизавету Петровну до восшествия той на престол да в какой-то мере и способствовали этому событию: к помощи невестки не раз прибегал М. И. Воронцов, лицо близкое великой княжне (в годы царствования Елизаветы Петровны М. И. Воронцов стал одним из наиболее влиятельных вельмож). «Семья Воронцовых,— пишет Герцен,— принадлежала к тому небольшому числу олигархического барства, которые вместе с наложниками императриц управляли тогда, как хотели, Россией, круто переходившей из одного государственного быта в другой. Они хозяйничали в царстве точно так, как теперь у богатых помещиков дворовые управляют дальними и ближними волостями» [3].

Талантами государственного деятеля М. И. Воронцов не обладал. По мнению большинства историков, был человеком слабохарактерным, подверженным чужому влиянию. Однако он искренно интересовался развитием отечественной науки и литературы, покровительствовал Ломоносову. И по всем свидетельствам, в отличие от своего старшего брата, был человеком порядочным.

Екатерина Романовна воспитывалась вместе со своей двоюродной сестрой, дочерью канцлера. «Мой дядя не жалел денег на учителей. И мы — по своему времени — получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать; некий статский советник преподавал нам итальянский язык, а когда мы изъявили желание брать уроки русского языка, с нами занимался Бехтеев; у нас были изысканные

и любезные манеры, и потому немудрено было, что мы слыли за отлично воспитанных девиц. Но что же было сделано для развития нашего ума и сердца? Ровно ничего...»

Началом своего нравственного воспитания Дашкова считает время первой разлуки с домом канцлера.

В 14 лет она заболела корью, и ее отправили в деревню. Корь и оспа, пишет Герцен, были «не шуткой в те времена, а чуть не государственным преступлением» [4] (опасались за здоровье малолетнего Павла Петровича).

В деревне девушка находит обширную библиотеку.

«Глубокая меланхолия, размышления над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум»,— вспоминала Дашкова. Она со всей страстью отдается чтению. С тех пор и на всю жизнь ее лучшие друзья — книги.

Что же читает в деревне 14-летняя графиня?

«К чести ее,— пишет один из биографов,— это не были произведения французской, порой довольно разнузданной, литературы — то до приторности сентиментальные, то пошло-скабрезные, жидкие книжонки, которыми пробавлялись тогдашние читатели из высшего общества...» [5] Девушка читает серьезную литературу, и прежде всего писателей и философов-просветителей, представителей передовой для того времени мысли. «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескьё, Вольтер и Буало...»

Блестящую критику существующего порядка — неразумности современных форм правления, испорченности нравов высшего общества, лицемерия церкви, отсталости и варварства, на которое обречена основная масса населения, господства предрассудков, жалкого положения, до которого низведены науки,— вот что находит будущий президент Российской академии на страницах первых прочитанных ею серьезных книг. С тех пор и до конца дней мысль Дашковой привлечена к кругу больших проблем эпохи.

Она возвращается в дом дяди повзрослевшей. Часто задумывается. Ищет уединения. К ней посылают докторов... Со всех сторон девушку терзают нелепыми расспросами родные, твердо уверенные, что тут не без «сердечной тайны». «А она просит об одном,— говорит Герцен,— чтоб ее оставили в покое: она тогда читала «De l'entendement» («Об уме» Гельвеция.— *Л. Л.*)» [6].

В эти годы складывается ее характер. Она независима, самолюбива (иногда — резка), впечатлительна, доверчива... Она не миловидна и не грациозна, ей неинтересны балы, где живой ум и оригинальность суждений котируются несравненно ниже светской болтовни. К тому же она решительно отказывается белиться и румяниться, как было тогда принято, и, пожалуй, это ее первая маленькая фронда, первая попытка не быть «как все».

Рано выйдя из-под опеки гувернантки, девушка теперь предоставлена самой себе...

К 15 годам у нее собрана библиотека в 900 томов. Особенно радуется она приобретению словаря Луи Морери, разящего существующий порядок оружием юмора, и знаменитой «Энциклопедии», многие из составителей которой станут впоследствии ее друзьями. «Никогда драгоценное украшение не доставляло мне больше наслаждения, чем эти книги...»

Но не только из книг черпает Екатерина Романовна познания, сделавшие ее вскоре образованнейшей женщиной своего времени.

Ее «безжалостная наблюдательность» находит в доме дяди, первого сановника государства, где бывает немало заезжих знаменитостей, богатую пищу. Она не упускает случая расспросить обо всем, что касается законов, нравов, образа правления...

«...Я сравнивала их страны с моей родиной, и во мне пробудилось горячее желание путешествовать; но я думала, что у меня никогда не хватит на это мужества, и полагала, что моя чувствительность и раздражительность моих нервов не вынесут бремени болезненных ощущений уязвленного самолюбия и глубокой печали любящего свою родину сердца...»

Прекрасный психологический портрет юной Дашковой дает писатель-историк Д. Л. Мордовцев. «Рано проявилось в ней неясное сознание своей силы и чувство богатых внутренних задатков, и это обнаружилось в ней, с одной стороны, какою-то гордостью, признанием за собой чего-то большего, чем то, что в ней думали видеть, а с другой — страстным желанием раздела чувств, впечатлений, знаний — желанием дружбы и любви. Но отзыва на все это она не могла найти ни в ком: с совоспитанницей своей она не сошлась душою, а других родных никого близко не имела, и только глубокую дружбу вос-

питала она в себе к своему брату Александру, к которому питала это чувство всю жизнь, как и вообще все ее привязанности отличались полнотою и какою-то законченностью: она всякому чувству отдавалась вся» [7].

На 16-м году «девица Воронцова» выходит замуж за блестящего гвардейца князя Михаила Дашкова.

В «Записках» сохранился рассказ о том, как Екатерина Романовна, возвращаясь из гостей в сопровождении хозяев дома (в эту прекрасную ночь решили пройтись пешком, кареты следовали поодаль), впервые увидела рослого гвардейского офицера, имя которого ей суждено было прославить. Это рассказ о любви с первого взгляда, о «божьем промысле» и безоблачном счастье.

Имеется и другой, «сниженный» вариант изложения того же события. «Однажды князь Дашков, один из самых красивых придворных кавалеров, слишком свободно начал говорить любезности девице Воронцовой. Она позвала канцлера и сказала ему: «Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки». Не смея признаться первому сановнику империи, что слова его не заключали в себе именно такого смысла, князь женился на племяннице канцлера...» [8]

Насколько точно описал секретарь французского посольства в Петербурге Клод Рюльер предысторию замужества Екатерины Романовны, пожалуй, не столь уж существенно. Даже если это просто исторический анекдот, он знакомит нас с чертами, которые, действительно, были с младых ногтей присущи Дашковой: находчивостью и решительностью.

«Лета тысяча семьсот пятьдесят девятого февраля во второй на десять день генерал-поручик действительный камергер и кавалер Роман Ларионов сын Воронцов сговорил я дочь свою, девицу Катерину Романову, в замужество лейб-гвардии Преображенского полку за подпоручика князь Михаила Иванова сына Дашкава, а в приданое ей, дочери моей, дал ценою вещей, а именно...»

За «сговорной» идет перечень, который начинается образом спасителя «в серебряной ризе кованой и вызолоченной» (далее следуют венчальная роба, епанчи, мантильи, робропы, исподние юбки, ночные корнеты, «пять перемен на постелю белья» и четыре дюжины «утиральников») и финиширует мужским шлафроком.

«...А всего приданого по цене и с деньгами на двадцать на две тысячи на девятьсот на семнадцать рублев...

Сговорную писал санкт-петербургской крепостной конторы писец Петр Иванов... По сей рядной принял я, князь Михайла Дашков, все исправно» [9].

Свадьба прошла тихо: была больна жена канцлера, двоюродная сестра императрицы Елизаветы.

Дашкова попадает в патриархальную московскую семью, воспринимающую ее, петербуржку, чуть ли не как иностранку.

«Передо мной открылся новый мир, новая жизнь, которая меня пугала тем более, что она ничем не походила на все то, к чему я привыкла. Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка».

Чтобы угодить свекрови, Екатерина Романовна берется за изучение русского языка.

Первые годы супружеской жизни Дашковой проходят вдали от двора... Мужа она горячо любит, и, когда по приказу великого князя (будущего Петра III), он должен на короткое время уехать в Петербург, «безутешна при мысли о горестной разлуке и печальном прощании».

На обратном пути Дашков заболевает и, не желая пугать жену, которая ждет ребенка, заезжает в Москве к тетке. Но Екатерина Романовна каким-то образом узнает о болезни мужа и решает во что бы то ни стало немедленно его увидеть. Она упрашивает повивальную бабку проводить ее, уверяя, что в противном случае пойдет одна и никакая сила в мире ее не остановит. Подавляя приступы боли, цепляясь за перила, она тайком выбирается из дома, проходит пешком несколько улиц, доходит до дома тетки и только тут, увидев больного, лишается чувств.

Часом позже у нее родился сын.

Приводя этот эпизод, Герцен говорит: «Женщина, которая умела так любить и так выполнять волю свою, вопреки опасности, страха и боли, должна была играть большую роль в то время, в которое она жила, и в той среде, к которой принадлежала» [10].

*

В 1761 г. после двухлетнего отсутствия Дашковы возвращаются в Петербург. Завершается царствование Елизаветы Петровны. Официальный наследник престола — великий князь Петр популярностью не пользуется. Да это и понятно: Петр не умеет соблюсти даже необходимый минимальный декорум. Он наводняет гвардию голштинскими генералами, о которых Дашкова говорит, что они «набирались большой частью из прусских унтер-офицеров или немецких сапожников, покинувших родные дома. Кажется, никогда в России не бывало генералов менее достойных своего чина, за исключением гатчинских генералов Павла...»

В глубине души Петр Федорович все тот же голштинский князек Карл-Петер-Ульрих, кумиром которого был Фридрих II.

Натура неуравновешенная, истерическая, он ни с чем не желает считаться. Он пренебрегает православными церковными обрядами, откровенно демонстрирует неприязнь к своей августейшей супруге и связь с веселой толстушкой Елизаветой Воронцовой, «Романовной», как он ее величал (старшей сестрой Дашковой, ни в чем с ней, впрочем, не схожей), не скрывает намерения отделаться от жены, не интересуется сыном.

А. И. Герцен отмечает его грубое простодушие, вульгарный тон и высокомерное самодовольство. На «куртажные попойки» Петра вынуждены были иногда являться и Дашковы. Екатерину Романовну неизменно коробил их казарменный характер.

Любопытная зарисовка развлечений Петра Федоровича сохранилась в «Записках» Екатерины II (этот уникальный документ долгое время существовал только в рукописи, впервые опубликован в герценовской Вольной типографии; в России издан уже после революции 1905 г.) [11].

«Однажды, когда я вошла... в покои его императорского высочества, я была поражена при виде здоровой крысы, которую он велел повесить, и всей обстановкой казни среди кабинета, который он велел себе устроить... Я спросила, что это значило; он мне сказал тогда, что эта крыса совершила уголовное преступление и заслуживает строжайшей казни по военным законам, что она

перелезла через вал картонной крепости... и съела двух часовых на карауле, сделанных из крахмала, на одном из бастионов, и что он велел судить преступника по законам военного времени; что его лягавая собака поймала крысу и что тотчас же она была повешена, как я ее вижу, и что она останется, выставленная напоказ публике в течение трех дней для назидания. Я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться над этим сумасбродством, но это очень ему не понравилось, ввиду той важности, какую он этому придавал; я удалилась и прикрылась моим женским незнанием военных законов, однако он не переставал дуться на меня за мой хохот» [12].

*

Узнав, что дни его тетки Елизаветы сочтены, великий князь решает завоевать популярность: он начинает срочно приближать к себе влиятельную придворную знать, прежде всего гвардейских офицеров.

Так попадают в Петербург и Дашковы. Им велено прибыть в Ораниенбаум, где находился двор «их высочеств». Но Екатерина Романовна не стремится скрыть антипатию к своему крестному, которого помнит еще по дому дяди.

Вскоре происходит и первое столкновение, принесшее Дашковой славу женщины смелой, как скажет она сама в своих «Записках», репутацию искренней и стойкой патриотки.

На одном из дворцовых обедов в присутствии 80 гостей Петр, уже в достаточной степени пьяный, решил преподать присутствующим урок нравственности. «Под влиянием вина и прусской солдатчины,— рассказывает Дашкова,— он стал разглагольствовать на тему о том, что некоему конногвардейцу, у которого была как будто связь с племянницей Елизаветы, следовало бы отрубить голову, чтобы другим офицерам неповадно было ухаживать за фрейлинами и царскими родственниками».

Голштинские приспешники не замедлили выразить свое одобрение. Но Дашкова не считает нужным молчать. Она возражает Петру: вряд ли подобное «преступление» заслуживает смертной казни, в России, к счастью, отмененной, да и не забыл ли Петр Федорович, что он еще не царствует? «...Взоры всех присутствующих устремились на меня. Великий князь в ответ показал мне язык...»

Герцен считает этот застольный поединок началом политической карьеры Дашковой. Ее популярность в гвардейских кругах растет.

Но если Петр Федорович глубоко несимпатичен Дашковой, то женой его она ослеплена. «Я увидела в ней женщину необыкновенных дарований, далеко превосходившую всех других людей; словом — женщину совершенную...»

Дашкова рассказывает, что однажды Петр Федорович, заметивший антипатию к нему и к «Романовне», которую юная княгиня и не считала необходимым скрывать, и явное предпочтение, отдаваемое Екатерине, отвел ее в сторону и сказал: «Дитя мое, вам бы очень не мешало помнить, что гораздо лучше иметь дело с честными простаками, как я и ваша сестра, чем с великими умниками, которые выжмут сок из апельсина, а корку выбросят вон».

*

Сколько написано о трезвом уме, хладнокровии и чарующей улыбке Екатерины — в исторических сочинениях, мемуарах и даже депешах послов! Эти, казалось бы, личные качества становились оружием дипломата.

Расчетливое обаяние, великолепное, ни разу не обманувшее умение разбираться в людях немало содействовали ее удачам. Она обладала даром быть такой, какой только и следует быть в данных обстоятельствах и именно с этим человеком, чтобы убедить, пленить, привлечь. Причем в отношении самых разных, как пишет академик Тарле, «до курьеза непохожих друг на друга людей» — от Дидро, Вольтера, Державина до Станислава-Августа и Иосифа II, от ультрароялиста до фанатика-якобинца [13].

Во время первой встречи с будущей «Семирамидой Севера» нашей героине около 15 лет, вдвое меньше, чем великой княгине, когда та, сопровождая императрицу Елизавету, заехавшую попить чайку к канцлеру Воронцову, впервые обратила внимание на девушку с умными глазами, поднявшую с пола ее веер.

О начитанности этой девушки она уже знала от иностранцев, бывавших в доме канцлера.

Вскоре между ними завязываются отношения доверительные, почти дружеские: обмен записками, книгами, мыслями о прочитанном, собственными сочинениями.

Екатерина Романовна посвящает великой княгине восторженные строки — надпись к ее портрету:

Природа, в свет тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верх тебя величия возвесть,
И, награждая всем, она нас наградила.

Этим четверостишием 25 лет спустя откроется журнал «Собеседник любителей российского слова»: должно быть, даже став главой Академии, Дашкова не охладела к своему юношескому поэтическому опусу.

«Какие стихи и какая проза!.. И в семнадцать лет! Я прошу, нет, я умоляю Вас не пренебрегать таким редким талантом...— с преувеличенным жаром откликается Екатерина.— Только заклинаю продолжать любить меня; будьте уверены, что моя пламенная дружба никогда не изменит Вашему сочувствию...» [14]

Сохранилось 46 писем Екатерины к Дашковой. Они подписаны: «Ваш преданный друг», «Ваш неизменный друг»... Письма Дашковой Екатерина из предосторожности тут же сжигала: в те годы за ней велась постоянная слежка.

Любопытно, что даже историк Д. И. Иловайский, несвободный от монархических пристрастий, отмечает юношеский восторженный энтузиазм Дашковой и «игру в чувства», искусственность, «присутствие задних мыслей» в дружеских излияниях Екатерины. «Так пишут... к женщине, которой отличные способности и гордую энергичную натуру очень хорошо понимают и которую хотят приковать к своим интересам...» [15]

Екатерине это вполне удается: Дашкова горячо к ней привязывается. Молодой женщине импонирует образованность Екатерины («я смело могу утверждать, что, кроме меня и великой княгини, в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением»), общность их увлечения писателями-просветителями. Они единодушны в том, что просвещение — залог общественного блага, мечтают о наступлении «царства разума», рассуждают о необходимости ограничить самодержавие «определенными твердыми законами», о «государе, любящем и ува-

жающем своих подданных...» «...Легко представить, до какой степени она должна была увлечь меня, существо 15-летнее и необыкновенно впечатлительное...»

Юная Дашкова ослеплена Екатериной, демагогическое красноречие которой привлекало к ней умы и гораздо более зрелые, политиков более искушенных!

В одну из декабрьских ночей 1761 г., когда стало известно, что Елизавете осталось жить недолго, Дашкова, в жестокой простуде, закутанная в шубу, в валенках пробирается тайком в деревянный дворец на Мойке, по черной лестнице проникает в апартаменты Екатерины и, жарким шепотом заверяя ее в своей слепой преданности, в своем рвении и энтузиазме, уговаривает «действовать во что бы то ни стало».

Какая наивность! Екатерина уже действует. Действует планомерно и давно. С тех самых дней, должно быть, когда она, полунищая принцесса Софья-Августа-Фредерика Анхальт-Цербстская, впервые попадает в Россию, навсегда в нее влюбляется, самоуверенно задумывает, не имея ни малейших прав на русский престол, здесь царствовать, и царствовать одна, и начинает умно и тонко плести сеть интриг при хмельном и беспечном дворе Елизаветы.

*

25 декабря 1761 г. Елизавета скончалась.

Петербург мрачен...

Веселится один Петр Федорович, теперь уже император Петр III — «самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета», как остроумно заметил историк В. О. Ключевский[16]. Он попрежнему кутит и кривляется, придирается к офицерам по поводу одному ему заметных непорядков в их новых — на прусский лад — мундирах, передразнивает церковнослужителей да поднимает на смех знатных старух, дежуривших шесть недель у траурного ложа той, что была некогда «роскошной и сластолюбивой императрикс Елисавет».

Он дурачится и во время похорон.

«...Нарочно отстанет от везущего тело одра, пустя оного вперед сажен на тридцать, потом изо всей силы добежит; старшие камергеры, носящие шлейф епанчи его черной, паче же обер-камергер граф Шереметьев...

не могши бежать за ним, принуждены были епанчу пустить, и как ветром ее раздувало, то сие Петру III пуще забавно стало, и он повторял несколько раз сию шутку, от чего сделалось, что я и все за мною идущие отстали от гроба, и наконец принуждены были послать остановить всю церемонию...»,— писала Екатерина [17].

Но одним шутовством дело не ограничивается. 24 апреля 1762 г. Петр заключает позорный мир с Фридрихом II, уступая ему завоевания русской армии. Более того, он присоединяет свои войска к прусским, чтобы вместе с ними действовать против австрийцев, в союзе с которыми русская армия вчера еще воевала против пруссаков. Событие это, с недоумением воспринятое в придворных кругах, а среди солдат и офицеров вызвавшее громкий ропот возмущения, отмечается во дворце парадным обедом.

В интересах своего Голштинского герцогства Петр затевает войну с Данией, для России абсолютно бессмысленную. Требует, чтобы в поход отправилась и гвардия, чем вызывает ее особое недовольство.

Дашкова рассказывает о том, как на одной из обычных дворцовых пьянок, еще до заключения официального мира с Пруссией, Петр откровенно хвастался тем, что во время войны он сообщал Фридриху обо всех тайных повелениях, посылаемых в русскую действующую армию.

«Поутру быть первым капралом на вахтпараде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастие Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважения...»

Талантливо написано — энергично, образно! И все же характеристика царствования Петра III в «Записках» Дашковой в достаточной мере субъективна. Екатерина Романовна обходит молчанием немаловажные законодательные акты, опубликованные во время этого короткого царствования. Манифест о вольности дворянства — освобождение от принудительной 25-летней службы, военной или государственной, которое должно было обрадовать очень многих, а отнюдь не узкий круг придворного дворянства, занимавшего высшие должности: они-то как раз,

писал историк С. М. Соловьев, «имели все побуждения продолжать службу, дававшую им значение и выгоды». Последовавший затем указ о ликвидации Тайной канцелярии, где формально упразднялось «слово и дело государево» как система сыска. Канцелярия давала возможность, говорилось в этом указе, «злым, подлым и бездельным людям... злостнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей... Ненавистное выражение «слово и дело» не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем — не употреблять онаго никому»[18].

Велика ли была роль самого Петра III в появлении этих манифестов? Установилось мнение, что незначительна: человек слабохарактерный, Петр III предоставил управление высшей администрации (А. И. Глебову,

Mon Histoire

partie premiere

Заглавие «Записок» Е. Р. Дашковой, написанное ее рукой

М. И. Воронцову, Д. В. Волкову), она и провела некоторые мероприятия в интересах дворянства.

С. М. Соловьев не опровергает рассказа французского историка Жана Кастера о том, что манифесты о вольности дворянства и об упразднении Тайной канцелярии были переданы канцлером Воронцовым адъютанту Петра III А. В. Гудовичу, а последним — императору, который, не рассматривая их, прочел в сенате...[19]

Впрочем, ссылаясь на свидетельства (нередко анекдотические) и исследования, не будем забывать, что изображать Петра III эдаким недоумком стало своего рода исторической традицией. Одни внесли в нее свою лепту, не умея быть объективными (Дашкова), другие — демонстрируя на этом колоритном примере «повреждение нравов» в самых верхах общества (Щербатов), третьи, официальная историография,— желая прославить потеснившую

Петра с престола «Премудрую Великую Матерь Отечества» (этот титул, где каждое слово писалось с заглавной буквы, был поднесен Екатерине II 27 сентября 1767 г. и вошел в Полное собрание законов за № 12 978).

Может быть, не так непричастен был Петр Федорович к упразднению Тайной канцелярии, к некоторым другим манифестам и замыслам манифестов? Да уж очень неумело, истерично, без учета реальных обстоятельств Петр III за них брался, наживая с каждым шагом все больше врагов.

Намерение отобрать у монастырей землю и крепостных вызвало негодование духовенства. Роспуск лейб-кампании насторожил гвардейцев, а слух о том, что гвардия — дворянские сыны,— не воевавшая уже четверть века, будет тянуть ту же лямку, что и армия, состоявшая из простолюдинов, вызвал в гвардии недовольство.

28 июня 1762 г. силами гвардейских полков Петр III был свергнут и на престол была возведена Екатерина.

Какова роль Дашковой в этом перевороте? Должно быть, меньшая, чем, судя по «Запискам», представляется ей самой.

Через мужа, служившего в Преображенском полку, она знала многих гвардейских офицеров, недовольных Петром, подогревала это недовольство разговорами об опасности, которая грозит Екатерине и наследнику, если Петр узаконит свои отношения с Елизаветой Воронцовой (а он якобы собирался это сделать).

Среди близких Дашковой молодых гвардейцев — поручик Пассек и капитан Бредихин из Преображенского полка, офицеры-измайловцы — Ласунский, братья Рославлевы... Роль всех их в последующих событиях оказалась несравненно менее значительной, чем той части гвардии, недовольство которой разжигали и направляли братья Орловы, более тесно связанные и с низшими военными чинами, и с душой заговора — Екатериной.

А Екатерине Романовне казалось, что она стоит во главе целой партии заговорщиков, и эта ее «партия» — единственная! Она ведь твердо решила, что совершит государственный переворот и они с Екатериной Алексеевной осуществят прекрасные рекомендации своих философских наставников!

Бывало от молодой самоуверенности Дашкова даже пыталась открыть глаза на готовящиеся перемены

людям, несравненно более опытным и лучше ориентированным, чем в ту пору она,— гетману Малороссии командиру измайловцев Кириллу Григорьевичу Разумовскому и воспитателю великого князя — Никите Ивановичу Панину — и вовлечь их в свою «партию».

Некоторые биографы Дашковой, Герцен в их числе, утверждают, что в этом последнем случае Екатерина Романовна добилась успеха, вскружив голову своему почтенному родственнику (Панины доводились двоюродными дядями Михаилу Дашкову). Вряд ли такое утверждение справедливо: Никита Иванович был чересчур осмотрительным политиком, чтобы его можно было куда-нибудь «вовлечь».

Умный и осторожный вельможа уговаривает племянницу не совершать необдуманных поступков: действовать надо «законно», через сенат. Впрочем, антипатии к Петру III он не скрывает. Еще при императрице Елизавете ее фаворит И. И. Шувалов и Н. И. Панин помышляли о том, чтобы выслать Петра из России в его Голштинию (по одним вариантам — с супругой, по другим — одного), а наследником престола объявить Павла. Елизавета Петровна была как будто бы в курсе этих планов, да сомневалась...

Была в курсе их и жена наследника. «...Н. И. (Панин.— *Л. Л.*) мне тотчас о сем дал знать, сказав мне при том, что больной императрице, если б представили, чтоб мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая на то вероятность, что она на то склониться может...»[20]

Не до конца доверяя своей юной родственнице, восторженность и нетерпение которой казались ему для политика неподходящими, Никита Иванович скрыл от нее, что в последние месяцы не раз беседовал с Екатериной Алексеевной (имел к ней доступ как воспитатель великого князя), развивал перед ней свой план передачи престола Павлу Петровичу и назначения самой ее (до совершеннолетия сына) регентшей, хвалил институт конституционной монархии, симпатией к которому проникся за годы службы в Швеции.

Отвергнутая жена Петра внимательно слушала и Никиту Ивановича не оспаривала; ей в ту пору грозила опасность несравненно более реальная, чем стать «всего лишь» правительницей: арест, изгнание, заточение в монастырь... (Впрочем, пройдут годы, и при определен-

ных обстоятельствах Екатерина подчеркнет, что, выслушивая Панина, она никогда не давала ему обещания удовольствоваться ролью регентши.)

Но не только с хитроумным Паниным, Екатерина не откровенна и с юной своей поклонницей, хоть и не сомневается в ту пору в ее беззаветной преданности. Она обманывала Дашкову еще во время их ночной встречи на Мойке: скрыла, что давно составила план действий и что Григорий Орлов уже начал вербовать офицеров. Она ограничивается чувствительной сценой: умоляет Дашкову не подвергать себя из-за нее опасности, рыдая, заключает в свои объятия... Дашкова не замечает фальши в чересчур уж упорных заверениях Екатерины: она говорит другу только чистую правду, нет, она не хочет ничего предпринимать, вся ее надежда исключительно на бога.

Роль, которую Екатерина предоставляет играть Дашковой в июньских событиях 1762 г., скорее эффектная, чем значительная.

Дашковой не было в петергофском павильоне Монплезир ранним утром 28 июня, когда разбуженная спокойным голосом Алексея Орлова: «Пора вставать, все готово, чтоб провозгласить вас», Екатерина, быстро надев будничное черное платье, села в коляску. Лошади помчали ее в Петербург[21].

Екатерина Романовна в то время была у себя дома; заснула она поздно — разволновалась: подвел портной, не принес вовремя «мужское платье». Утром она мирно спала и, что «началось», не знала.

Она не была рядом с Екатериной и когда та, уже поддержанная Измайловским, Семеновским и Преображенским полками, направилась по Невской «першпективе» в Казанскую церковь, а после благодарственного молебна и провозглашения ее «самодержавнейшею императрицею всея России» перешла в Зимний дворец, незадолго перед тем достроенный, где началась церемония приношения присяги.

Исход дерзкого предприятия был фактически уже предрешен, когда, разбуженная небывалым шумом, Екатерина Романовна появилась в Зимнем. «...Мы бросились друг другу в объятия: «Слава богу! Слава богу!»... Я не знаю, был ли когда смертный более счастлив, чем я в эти минуты...»

Вечером того же 28 июня обе Екатерины, одетые в гвардейские мундиры старого петровского покроя, верхом, во главе нескольких полков, выезжают из Петербурга в Петергоф, чтобы сразиться с защитниками фактически низложенного и все же остававшегося еще императором Петра III. Дашкова как будто даже несколько раз выхватывала шпагу.

Зачем Екатерине нужна была Дашкова?

Екатерина была немкой, и в ту пору ей еще следовало об этом помнить; Дашкова принадлежала к высшему кругу русской аристократии: дочь сенатора, племянница канцлера, княгиня... Дружба с Дашковой укрепляла в глазах многих позицию жены Петра III. А в рискованной и расчетливой игре, которую вела в те дни Екатерина Алексеевна, ей не следовало пренебрегать ни одним козырем, она это отлично понимала. Итак, они отправились бок о бок, чтобы вступить в сражение, которому не суждено было состояться.

Немногочисленная свита, окружавшая Петра в любимом его Ораниенбауме, куда он в ту ночь поехал поразвлечься, быстро таяла. Вельможи, которых он посылал к Екатерине с письмами — поначалу грозными, затем увещевательными и наконец жалостливыми, видя, какой оборот приняли события, от него отрекались и присягали новой государыне. (В числе немногих, остававшихся верными Петру III, был канцлер Воронцов, за что вскоре и подвергся домашнему аресту; Екатерине он присягнул только после смерти Петра.)

Перепуганный Петр немного пометался и, окончательно сбитый с толку разноречивыми советами, отрекся от всех прав на престол. В одном из последних писем он умолял Екатерину сохранить ему скрипку, любимую собачку, арапа и Елизавету Воронцову, выражал намерение поселиться в уединении и стать философом...

А обе дамы — Екатерина и Дашкова — на пути в Петергоф отдыхают на одной кровати, разостлав на ней плащ гвардейского капитана, в захудалом Красном Кабачке, и Екатерина читает Дашковой проекты своих первых манифестов.

Нечего и говорить, что Дашкова в восторженном, приподнятом состоянии духа. «Я была счастлива, что революция завершилась без пролития крови. Множество чувств, обуревавших меня, неимоверное физическое на-

пряжение, которое я испытала в 18 лет при моем слабом здоровии и необычайной впечатлительности, все это не позволяло мне ни видеть, ни слышать, ни тем более наблюдать происходившее вокруг меня».

Дашкова наивно убеждена, что участвует в революции. Именно к революции она ведь и готовилась. «...Я была поглощена выработкой своего плана и чтением всех книг, трактовавших о революциях в различных частях света...» — пишет Екатерина Романовна о времени, предшествовавшем перевороту.

Даже значительно разочаровавшись в Екатерине, полвека спустя, она продолжает считать 28 июня 1762 г. «самым славным и достопамятным днем» для своей родины.

Но мечты о доверительной дружбе с императрицей и о влиянии на судьбы отечества рушатся.

Понадобились не дни, а часы, чтобы Дашкова убедилась: Екатерина не полностью доверяла ей, действовала за ее спиной.

«Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя она хочет приписать себе всю честь этого переворота,— писала Екатерина Понятовскому,— была на весьма худом счету благодаря своей родне, а ее девятнадцатилетний возраст не вызывал к ней большого доверия. Она думала, что все доходит до меня не иначе как через нее. Наоборот, нужно было скрывать от княгини Дашковой сношения других со мной в течение шести месяцев, а в четыре последние недели ей старались говорить как можно менее». В том же письме Екатерина отдает должное уму Дашковой: «Правда, она очень умна, но ум ее испорчен чудовищным тщеславием и сварливым характером...».

В очерке, посвященном Дашковой, Б. И. Краснобаев, приводя это письмо, подчеркивает, как разнятся здесь характеристика «младшей сестры Елизаветы Воронцовой» и восторженные оценки, на которые не скупилась Екатерина в письмах к Дашковой. «А ведь совсем недавно она писала ей: «Во всей России едва ли отыщется друг, более достойный Вас», «Нельзя не восхищаться Вашим характером...» Но теперь речь шла о реальной власти, об охране этой власти от малейших посягательств на ее авторитет и абсолютность. И сразу рухнули и дружба, и совместные мечты, и чувство благодарности» [22].

На следующее же утро после переворота Дашкова узнает, что существовали люди, несравненно более близкие к Екатерине, чем она.

Неожиданно наткнувшись во внутренних апартаментах Летнего дворца на Григория Орлова, который, лежа на диване, небрежно распечатывал секретные государственные бумаги, Дашкова сперва недоумевает, даже пробует высказать свое возмущение. А поняв характер взаимоотношений с государыней, вспыхивает к Орлову неукротимой ревнивой ненавистью. С годами этой ненависти суждено было все более разгораться: ладить с фаворитами Екатерины Дашкова так никогда и не научилась. Впрочем, пройдет немного времени и Екатерина Романовна, как и все ее здравомыслящие современники, поймет: на Екатерину II никто не влияет — ей служат.

Остроумно написал о самовластии Екатерины II хорошо ее изучивший де Линь: «Сколько говорят о петербургском кабинете. Я не знаю меньшего... в нем лишь несколько дюймов. Он простирается от виска до виска, от носа — до корней волос...» [23]

«Все делается волей императрицы...» — сообщала Дашкова брату в мае 1766 г. [24] Александр Романович Воронцов, в ту пору посланник в Голландии, намеревался вернуться в Россию, чтоб служить в Коллегии иностранных дел; Дашкова отговаривает его: «Простите, мой дорогой друг, если дружба и самая большая нежность требуют, чтоб я сказала вам искренно, что вовсе не одобряю ваше желание... Имея какой угодно ум и способности, тут ничего нельзя сделать, т[ак] к[ак] здесь нельзя ни давать советы, ни проводить систему: все делается волею императрицы — и переваривается господином Паниным, а остальные члены коллегии или переводят из газет или переписывают бумаги Панина...»

В том же письме есть полные горечи строки, свидетельствующие о начавшемся отрезвлении, разочаровании Дашковой в своем кумире: «Маска сброшена... Никакая благопристойность, никакие обязательства больше не признаются...»

Но в первые часы нового царствования «преображенскому поручику» еще некогда предаваться горьким размышлениям. Солдаты вломились в дворцовые погреба и черпают касками бургундское — Дашкова устремляется

туда и увещевает их. Надо повидать маленькую дочь. Надо наведаться к отцу. Возле его дома она обнаруживает вооруженную охрану, весьма многочисленную, присланную, чтобы стеречь Елизавету Воронцову. Дашкова вызывает офицера и приказывает уменьшить стражу; тот беспрекословно подчиняется.

Этот эпизод послужил поводом для первого открытого выражения недовольства Екатерины: императрица делает Дашковой выговор за самоволие и за то, что она позволила себе говорить в присутствии солдат по-французски. (Екатерина в ту пору особенно стремилась демонстрировать приверженность ко всему русскому.) Правда, чтобы подсластить пилюлю, она тут же награждает Дашкову орденом св. Екатерины.

«...Я вас упрекнула за вашу опрометчивость, а теперь награждаю вас за ваши заслуги,— сказала она, собираясь возложить на меня орден.

Я не стала на колени, как это полагалось в подобных случаях, и ответила:

— Простите мне, ваше величество, то, что я вам сейчас скажу. Отныне вы вступаете в такое время, когда, независимо от вас, правда не будет доходить до ваших ушей. Умоляю вас, не жалуйте мне этого ордена: как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то я должна сказать, что, какими бы ничтожными они ни являлись по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены и за них нельзя ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами.

Ее величество поцеловала меня.

— Позвольте мне, по крайней мере, удовлетворить мое чувство дружбы к вам.

Я поцеловала ей руку и очутилась в офицерском мундире, с лентой через плечо, с одной шпорой, похожая на четырнадцатилетнего мальчика».

Это первое столкновение и одна из последних чувствительных сцен, происшедших между императрицей и Дашковой.

Екатерина «отдалилась от нее,— говорит Герцен,— с быстротой истинно царской неблагодарности» [25].

Общие возвышенные мечты о благе отечества, доверительное обсуждение совместных планов о будущих

«просвещенных преобразованиях», где Дашковой, само собой, отводилось место рядом с ее державной подругой,— все это было вчера. И за мечты, да и за реальность — преданность, находчивость, отвагу молодой женщины в деле, которое в случае неудачи грозило ей эшафотом,— Екатерина сочла возможным расплатиться в буквальном смысле этого слова. Известна записка: «Выдать княгине Дашковой за ее ко мне и к отечеству отменные заслуги 24 000 рублей». (В деньгах Дашковы нуждались: князь Михаил, щеголь и кутила, наделал долгов на сумму не меньшую — еле хватило, чтобы выкупить у кредиторов его векселя.)

Дистанция между Екатериной «великой» и Екатериной «малой», как прозвали Дашкову, была означена. И бесповоротно.

Во время коронации она занимает самое скромное место, какое полагалось жене полковника,— в последнем ряду. Правда, вскоре получает высокое звание статс-дамы, чему не придает особого значения. В письме в Лондон брату Александру событие это упомянуто между прочим.

«Любезной братец.

Я не хотела пропустить, чтоб Вам не сообщить, что вчерашнего дня государыня изволила благополучно окороноваться и после обедни изволила жаловать произвождениями... всех армейских генералов и всех тех, которые в знатном сем происшествии участие имели. Меня изволила пожаловать в штатс-дамы, князя Мих. Иван. в камер-юнкеры и оставляя притом ему полк его. Прошу ко мне прислать три дюжины ножей без черенков, но одно железо, для того что железо здесь дурно делают, а аглицкия эти лезвия я приделаю к серебряным моим черенкам; а за оныя, так как и за часы, я по счету здесь, кому назначишь, заплачу. В прочем остаюсь с искренней любовью

Вам, государь мой братец, верный друг
княгиня Дашкава» [26].

(Письмо запечатано черным сургучом: продолжался траур по императрице Елизавете Петровне.)

В «Записках» Дашковой, там, где речь идет об отношении к ней Екатерины, немало горечи. Она даже склон-

на пофилософствовать на тему о непрочности дружбы государей. Может быть, усугубили эту горечь и воспоминания о пережитой личной драме.

Во время короткого царствования Петра III князь Михаил стараниями жены был отправлен послом в Константинополь. Екатерина Романовна опасалась за него, так как Петр успел выразить Дашкову свое недовольство за какой-то промах на одном из разводов. Однако существовали, очевидно, и другие причины, по которым ей хотелось отослать мужа подальше от двора. Удалось это, увы, ненадолго.

Сразу же после воцарения Екатерины князь Дашков был отозван из Константинополя и получил командование Кирасирским полком, где полковником числилась сама императрица. По ее желанию Дашковы переезжают во дворец. Вечерами у них собирается маленькое общество. Часто бывает государыня.

Екатерина Романовна очень любила музыку и по-настоящему чувствовала ее. Она музицирует, поет. Екатерина Алексеевна и князь Михаил, оба к музыке совершенно равнодушные, устраивают пародийные дуэты — они называют это «небесной музыкой», фальшивят и резвятся вовсю. Должно быть, нелегкими оказались для молодой женщины эти несколько месяцев дворцовой жизни: дочь Дашковых, Анастасия Щербинина, рассказывала Пушкину на балу в своем доме в 1831 г., что ее отец был влюблен в Екатерину [27].

Не был ли рассказ Щербининой бальной болтовней, рассчитанной на то, чтобы заинтересовать поэта, а заодно и отомстить своей знаменитой матери, с которой Анастасия упорно враждовала («Мучительница моя, безбожная дочь!..» — яростно восклицала Дашкова в одном из предсмертных писем [28])?

Но если рассказ Щербининой отражал подлинные семейные дела Дашковых тех первых месяцев екатерининского царствования, то можно представить себе, каким источником двойного разочарования должны они были быть для Дашковой.

«Знаю только два предмета, которые были способны воспламенить бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна на светлой короне Екатерины»,— писала она много лет спустя своей приятельнице Гамильтон [29].

Почему же о «грязных пятнах светлой короны» Дашкова в «Записках» умалчивает? Ведь довелось ей увидеть их немало.

Дашкова села за свои мемуары уже в старости, в 1805—1806 гг. Прошло много лет с того счастливого для нее дня, когда юная заговорщица, полная самых радужных надежд, под звуки военной музыки и колокольный звон въехала рядом с Екатериной в столицу.

Теперь Екатерина Романовна прекрасно понимала, что надежды не сбылись. И не только в том смысле, что самой ей была уготована трудная человеческая судьба: ранняя смерть мужа, горький разлад с детьми, немилость сильных мира сего, одинокая старость. В этой трудной судьбе были и счастливые, «неженские» свершения, наполнявшие воспоминания гордостью, годы, когда она стояла во главе двух Академий.

Надежды не сбылись в главном для Дашковой: жизнь наносила удары по ее вере в Екатерину как идеал в плане человеческом и общественном, по ее вере в «просвещенного монарха», «создателя блага» подданных, в «философа на троне», пресекшего самовластие «разумными законами» и опирающегося во всех начинаниях на рекомендации просвещенных советчиков (Дашкова отводила себе среди них не последнюю роль)...

Жизнь нанесла сокрушительные удары по этим прекраснодушным иллюзиям и основательно их поколебала. И все же Дашкова долго не могла окончательно с ними расстаться.

Ни неизменная ее заинтересованность в общественной жизни, ни острый ум, ни собственная судьба не способствовали безоговорочному принятию ею истины: «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-ли[бо] из своея власти, седяй на престоле» [30].

Автор этих слов, великий современник Дашковой Александр Радищев к тому времени, когда она сама взялась за свои воспоминания, уже окончил земной путь.

Была создана книга, рисующая процесс преодоления либеральных идей,— «Путешествие из Петербурга в Москву».

Была написана ода «Вольность», «совершенно ясно бунтовская, где царям грозится плахой», как правильно оценила ее перепуганная государыня.

А Дашкова в «Записках», нередко противореча самой себе, снова идеализирует то, что, пожалуй, давно перестало быть для нее идеалом. Она будто следует в них романтическому шиллеровскому призыву, который вряд ли знала (иначе непременно упомянула бы — очень уж он ей близок): «Уважай мечты своей юности!»

Вот почему не лишенные достоверности в описании придворной атмосферы в период царствования Петра III (характеристика Дашковой совпадает здесь со свидетельствами других современников), «Записки» сплошь да рядом перестают быть историческим документом, когда Дашкова переходит к Екатерине и своему участию в событиях 1762 г. Она описывает то время так, как ей хочется его видеть спустя полстолетия.

Отсюда, из этой дали, личные обиды и разочарования едва различимы, они блекнут, корона Екатерины снова кажется Дашковой «светлой», и она, насколько может, пытается не видеть ее «грязные пятна» — «бесчестие царствования Екатерины», как скажет она в одном из поздних писем.

*

На восьмой день царствования Екатерины Петр III был убит, задушен в наглухо занавешенной комнате ропшинского дворца, куда его отправили под охрану врагов — гвардейских офицеров Алексея Орлова, Федора Барятинского, Михаила Баскакова.

Дашкова не хочет верить в причастность Екатерины к убийству. «Слишком рано пришла эта смерть для Вашей славы и для моей» — вот, если верить «Запискам», ее единственные слова, обращенные к императрице. «Для Вашей и для моей...» — Дашковой еще казалось, что обе эти «славы» — рядом.

С того дня Екатерина Романовна откровенно игнорировала Алексея Орлова, а он ее вроде бы побаивался. Почти полстолетия не утихала вражда между этими двумя столпами екатерининской эпохи. «Она не простила ему, что сорок два года тому назад он запятнал ее революцию»,— замечательно точно сказал Герцен. Сменятся три царя, прежде чем они помирятся. Старик Орлов-Чесменский придет на поклон к старухе Дашковой, и она впервые взглянет на знаменитый, покрытый одним алма-

зом портрет императрицы на груди убийцы ее мужа: «Екатерина улыбается с него в своей вечной благодарности».

Закавычены не слова Дашковой. Она бы их себе никогда не позволила. Эти слова принадлежат молодой ирландке Кэтрин Уильмот, на воспоминания которой мы уже ссылались. Кэтрин Уильмот и ее сестра Мэри гостили тогда у Дашковой и были свидетельницами сцены примирения, поразившей их своей театральностью. Они сопровождали Екатерину Романовну и на празднество, устроенное старым екатерининским вельможей в честь долголетнего своего врага в его московском доме близ Донского монастыря.

Молодым девушкам, жившим интересами уже нового, XIX в., этот фантастический пир с иллюминацией, ряжеными дворовыми, карликами и карлицами, роговой музыкой и перегруженными столами показался историческим спектаклем об ушедшем «осьмнадцатом столетии». Дашкова же целиком принадлежала этому «безумному и мудрому» (так назвал его Радищев) XVIII в.

Возвращаясь мыслями к «своей революции» и к следующим за ней годам, она, как уже говорилось, тщательно обходит все, что может омрачить память о них.

Дашкова охраняет нравственный престиж государыни гораздо ревностней, чем делала это при жизни сама Екатерина. Впрочем, императрица тщательно берегла покаянное письмо Алексея Орлова, быть может ею самою инспирированное. Письмо это хранилось в специальной шкатулке, Дашкова его видела.

«Матушка милосердная государыня!
Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя. Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили душу навек» [31].

Заслуживает внимаиия и судьба этого документа. Письмо Алексея Орлова было найдено среди бумаг Екатерины на пятый день после ее смерти внуком Александром и А. А. Безбородко (в 1797—1799 гг.— канцлером) и передано императору Павлу. Тот прочитал письмо, вернул Безбородко, а на следующий день опять его «востребовал» да и бросил в камин.

Этим рассказом мы обязаны Ф. В. Ростопчину, в ту пору любимцу Павла I (будущему главнокомандующему в Москве в 1812—1814 гг.). Но не только рассказом. Когда, прочитав письмо в первый раз, Павел его вернул, оно ненадолго попало к Ростопчину, и тот снял с него копию («...Я имел его с 1/4 часа в руках. Почерк... Орлова...»), которую и переслал в Лондон Семену Романовичу Воронцову. Так копия сохранилась в Архиве Воронцовых[32].

Но Дашкова-то, естественно, знала не копию, а оригинал. Должно быть, Екатерина его показывала — для «пресечения слухов».

Только мимоходом говорится в «Записках» и о другом кровавом эпизоде начала царствования Екатерины II — убийстве Ивана VI Антоновича, этой русской «железной маски».

Провозглашенный в двухмесячном возрасте императором, свергнутый Елизаветой Петровной, он содержался в Шлиссельбургской крепости как «секретный узник». Существовало предписание, согласно которому Иван Антонович должен был быть убит, в случае если кто-нибудь попытается его освободить. Такую попытку и предпринял в 1764 г. В. Я. Мирович.

Историю Мировича изучил В. В. Стасов, выдающийся художественный критик и серьезный исследователь русской старины.

Внук одного из приспешников Мазепы, Василий Мирович, приехал из Малороссии в Петербург ходатайствовать о возвращении ему фамильных земель, конфискованных еще Петром I. Просил он слезно: «сколько из милости ея императорского величества пожаловано будет...» Екатерина отказала. Отменять Петровы указы ей было ни к чему.

Тогда Мирович решил предпринять что-нибудь такое-этакое, что прославило бы его и вывело из нищеты. («...Его жажда была еще более распалена невозможно-

стью быть при дворе, присутствовать на придворных балах и театрах»,— писал Стасов.)

До Мировича и раньше доходили слухи о том, что «настоящий царь» — в Шлиссельбурге. Он задумал освободить Ивана Антоновича и возвести его на престол.

Пока Мирович с горстью солдат наводил на крепость где-то ими раздобытую пушку, тюремщики выполнили предписание, данное им два года назад (значит, Екатериной!): они вошли в камеру, где спал убогий Иван Антонович, и закололи его.

Мирович был казнен — «отрублением головы» — 15 сентября 1764 г. на Обжорном рынке. Три капрала и трое рядовых, его помощники, были прогнаны сквозь строй 10 раз и сосланы на каторжные работы. Убийцы же получили повышение по службе и «сделались столько ненавистны всей русской публике, что, когда они потом появлялись при дворе, каждый высказывал им презрение и отвращение»,— цитирует Стасов немецкого историка и географа А. Ф. Бюшинга, жившего тогда в Петербурге [33].

Авантюрный характер всего предприятия, веселая уверенность Мировича в безнаказанности — он смеялся и на допросах, и чуть ли не перед самой казнью — да и многие другие обстоятельства наводили на мысль, что за спиной Мировича кто-то стоял. Какой-то подстрекатель, который искал повод для уничтожения Ивана Антоновича. Многие современники считали, что исполнялась «императрицына воля».

Для Дашковой подобная мысль недопустима. И хотя в деле Мировича сама Екатерина Романовна оказалась лицом пострадавшим (об этом чуть ниже), касаясь его в «Записках», она преследует единственную цель — обелить императрицу. Слухи о причастности Екатерины II к убийству шлиссельбургского узника, уже второго российского императора, хоть в малой мере смущавшего покой государыни, Дашкова склонна объяснить кознями «извне».

«...За границей, искренно ли или притворно, приписали всю эту историю ужасной интриге императрицы, которая будто бы обещаниями склонила Мировича на его поступок и затем предала его. В мое первое путешествие за границу в 1770 году мне в Париже стоило большого труда оправдать императрицу в этом двойном предатель-

стве. Все иностранные кабинеты, завидуя значению, какое приобрела Россия в царствование просвещенной и деятельной государыни, пользовались всяким самым ничтожным поводом для возведения клеветы на императрицу...»

Ничего не пишет Екатерина Романовна и о похищении княжны Таракановой и скорой ее гибели в Петропавловской крепости.

Полотно художника Флавицкого сохранило для нас это имя, когда-то, в 70-х годах XVIII в., широко известное.

Наводнение, прекрасная узница в нарядном платье — все это остается в памяти с первых, детских посещений Третьяковской галереи.

Единственная реальность здесь — сам факт петербургского наводнения: оно имело место в 1777 г. Женщины, называвшей себя княжной Таракановой, тогда уже не было на свете, она погибла двумя годами раньше. Да и вряд ли эта несчастная, заключенная в полутемную камеру под круглосуточный надзор двух караульных солдат, измученная «строгостью содержания, уменьшением пищи, одежды и других нужных потребностей» (из доклада ее тюремщика, князя Голицына, Екатерине, требовавшей строгих допросов узницы), походила на героиню картины Флавицкого.

Кем была она, узница Петропавловской крепости? История ее не до конца ясна.

В 1770-х годах в Иране, потом на Балканах, затем в Западной Европе объявилась какая-то молодая женщина, образованная, красивая, состоятельная. Она кочевала из страны в страну, меняла покровителей и имена. То она фрейлен Франк, то мадам де Тремуйль, то дочь турецкого султана, то принцесса Азовская, то...— это была роковая фантазия! — русская, княжна Тараканова, дочь Елизаветы Петровны от тайного брака ее с Разумовским и, значит, претендентка на российский престол.

Претензии ее поддерживал князь Радзивилл. Может быть, еще кто-то играл этой дорогой куклой. Но всерьез ее в общем-то никто не принимал. Никто, кроме Екатерины.

Не будем забывать, что «принцесса Володимирская» — она и так себя величала — промелькнула в истории в грозные для русской царицы годы — годы Пугачевского восстания. «Принцесса» называла себя сестрой Пугачева

и заявляла — в письмах Панину, Орлову-Чесменскому и др. и в фантастических манифестах — о намерении с помощью Пугачева вернуть себе «родительский престол».

Попытки отнять у нее трон, сколь бы легкомысленны и нереальны они ни были, Екатерина всегда решительно пресекала. Она приказывает «схватить бродяжку». Выбор падает снова на Алексея Орлова. Генерал-адмирал, герой Чесмы и Наварина, поручением не побрезговал. Он едет в Пизу, где находилась в то время княжна Тараканова, знакомится с ней, притворяется влюбленным. Как-то после обеда у английского консула в Ливорно Орлов предлагает ей и ее спутникам осмотреть русский военный корабль, галантно вызывается сопровождать их. (По некоторым версиям — на корабле был инсценирован обряд венчания.) И... мышеловка захлопнулась. С корабля княжна Тараканова — будем называть ее так — попадает прямо в Петропавловскую крепость. Через семь месяцев ее уже нет в живых.

Сохранилось письмо Голицына Екатерине о том, что арестантка страдает чахоткой и вряд ли долго протянет. Должно быть, письмо было написано тогда, когда с Таракановой решили покончить. Екатерина тщательно берегла и этот оправдательный документ.

У Елизаветы Петровны и Разумовского, насколько известно, не было детей. Но полулегендарное их потомство еще долго тревожило покой Екатерины II.

Ходили слухи о какой-то монахине Досифее из московского Ивановского монастыря о том, что будто она и есть родная дочь Елизаветы Петровны и Разумовского — княжна Тараканова. Что якобы была она насильственно пострижена Екатериной и живет в полном уединении, даже богослужения совершаются для нее одной в потайной церкви над монастырскими воротами.

Какая-то Досифея действительно жила в этом монастыре, предназначавшемся для знатных вдов и сирот. На похороны ее в 1810 г. съехалась многочисленная родня Разумовских. Кто была она? Имела ли отношение к императрице Елизавете?

Княжна Тараканова, должно быть, личность мифическая, хотя и можно найти это имя в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где сказано, что именно инокиня Досифея и есть «подлинная Тараканова», дочь

Елизаветы, в отличие от самозванки, столь ловко «отловленной» Алексеем Орловым.

Ни о чем, что могло бы повредить славе кумира ее юности, Дашкова не упоминает в «Записках». Должно быть, она действительно не допускала мысли о причастности Екатерины к этим кровавым событиям и тогда, когда писала свои воспоминания, и в те годы, когда события эти были еще у всех на устах.

«Оттого-то, между прочим, что она верила и хотела верить в идеальную Екатерину,— пишет Герцен,— она и не могла удержаться в милости. А она была бы славным министром. Бесспорно одаренная государственным умом, она, сверх своей восторженности, имела два больших недостатка, помешавшие ей сделать карьеру: она не умела молчать, ее язык резок, колок и не щадит никого, кроме Екатерины; сверх того, она была слишком горда, не хотела и не умела скрывать своих антипатий, словом, не могла «принижать своей личности», как выражаются московские староверы»[34].

Уже вскоре после коронации Екатерины II Дашкова в немилости. Ей не прощают ни смелости высказываний, ни желания участвовать в государственных делах, ни популярности. Екатерина «великая» не забывает, что в тот самый июньский день, который решил ее судьбу, солдаты на руках пронесли через всю площадь до самого Зимнего дворца Екатерину «малую» — 18-летнюю Дашкову.

Вокруг Дашковой создается атмосфера подозрительности, недоверия.

Ее имя мелькает в депешах иностранных послов. Ее считают заговорщицей, подстрекательницей. Любое проявление недовольства приписывают ее участию или влиянию.

Полагают, что, имея все основания быть обиженной, она со своим «сумасшедшим нравом» (Г. Р. Державин), «каприсами и неумеренным поведением» (М. И. Воронцов) способна на любые сумасбродные выходки[35].

«Будучи лишь 22 лет от роду, она уже участвовала в полдюжине заговоров, первый из них удался, но, не получив заслуженной, по ее мнению, награды, она принялась за новые».

Вряд ли можно полностью доверять этому донесению, отправленному в 1767 г. из Петербурга в Лондон. Оно

не столько характеризует Дашкову, сколько «славу» о ней в придворных и дипломатических кругах.

И все же на чем-то основывалась эта «слава».

1763 год ... Обнаглевший Григорий Орлов метит на русский престол. Германский император заблаговременно уже пожаловал ему титул князя Священной римской империи.

Старик Бестужев, прежний великий канцлер, готовит петицию на имя императрицы: Екатерину умоляют довершить ее «благодеяния русскому народу» избранием супруга, ведь наследник слаб здоровьем. Собирают подписи.

Среди гвардейских офицеров, возмущенных скоропалительным возвышением Григория Орлова, зреет заговор. Решено убить Орловых, если только петиция Бестужева будет принята.

Очень возможно, что в хоре возмущенных голосов звучал и голос Дашковой. С фаворитом у нее отношения открыто враждебные. Как бы то ни было, в один весенний день секретарь императрицы приезжает к Дашковым и тайком от Екатерины Романовны, которая лежит больная, передает ее мужу следующую многозначительную записку: «Я искренне желаю не быть в необходимости предать забвению услуги княгини Дашковой за ее неосторожное поведение. Напомните ей это, когда она снова позволит себе нескромную свободу языка, доходящую до угроз».

Как непохожа эта записка «самодержицы всея Руси» на письма, сплошь состоящие из нежных слов и заверений в вечной дружбе, на которые так щедра была великая княгиня!

Двор уезжает в Петербург, Дашковы остаются в Москве. По словам Дидро, буквально записавшего рассказ Екатерины Романовны, только болезнь спасла ее от ареста.

В месяцы, предшествовавшие заговору Мировича, Екатерина Романовна с детьми жила во флигеле, а дом занимал Н. И. Панин. Мирович бывал у Панина. Не через этого ли доверенного человека, воспитателя великого князя Павла, передавались намеки и посулы государыни?!

Когда начался суд, распространились слухи, что вдохновительницей Мировича была все та же Дашкова и что только влиянию Панина обязана она своим спасением.

Английский посланник Букингем писал: «Захвачены печатные прокламации, которые одобряют предполагавшуюся революцию, и княгиню Дашкову подозревают в участии во всем этом. Очень вероятно, что, настойчиво требуя пытки Мировича, барон Черкасов и другие члены верховного судилища имели в виду раскрытие виновности Дашковой, о чем тогда носилось много слухов...»

Приводя эти слова Букингема в своей «Истории Брауншвейгского семейства», В. В. Стасов решительно отметает «предположение о зачине Дашковой в этом деле».

«...Уже в 1763 году дружба между нею и Екатериною рушилась, императрица не выносила более ее смелого, самостоятельного ума и нрава... Можно было... предположить, что участие Дашковой осталось нераскрыто... вследствие могущественного влияния Панина, которого, по тогдашним всеобщим слухам, она считалась не только незаконной дочерью, но и любовницей[36]. Но... трудно вообразить себе, чтоб какое бы то ни было влияние Панина на императрицу в состоянии было перевесить в ней страх, ненависть к предприимчивой сопернице, чтоб он в то же время в состоянии был совершенно исказить дело и закрыть от императрицы настоящие его пружины...»[37]

Надо полагать, что Екатерину вдвойне устраивали любые слухи, отводящие от нее подозрение в «зачине» шлиссельбургского дела, и слухи эти всячески поддерживались и раздувались.

«Я увидела, что мой дом или, скорее, дом графа Панина был окружен шпионами Орловых; я жалела, что императрицу довели до того, что она подозревала лучших патриотов...»

Вокруг Дашковой сгущается атмосфера подозрительности и недоброжелательства. Она одна. Князь Дашков отправлен во главе войск в Польшу. С родственниками — Воронцовыми — отношения натянутые: ей не могут простить крушение «карьеры» сестры.

От двора она отдалена. Ее нет на бесчисленных празднествах — балах, приемах, гуляньях, которые устраивала и поощряла Екатерина II в первые годы своего правления. Если императрица и вспоминает о вчерашней союзнице, то только с иронией.

Пожалуй, если бы Дашкова и была еще тогда в фаво-

ре, она бы все равно не удержалась. Век Екатерины начался как век веселый, век празднеств и пиров... Дашкова таким настроениям соответствовать не могла по самой своей натуре. Да и судьба в те годы обрушила на нее много лиха. В Москве умирает ее старший сын, остававшийся на попечении бабушки. А осенью того же года, когда случилась «мировическая авантюра», Екатерина Романовна пережила самое тяжелое горе в своей жизни: в Польше умер ее муж. «...Я 15 дней находилась между жизнью и смертью...»

20-летняя вдова остается с двумя детьми и многочисленными долгами; делать их князь Дашков был мастак. «...Меня долго держали в неведении относительно расстроенного материального положения, в котором мы с детьми находились...»

Едва оправившись от болезни, Дашкова решает расплатиться с кредиторами и восстановить благосостояние семьи. Раз поставив себе цель, она берется за ее осуществление со свойственной ей поразительной энергией.

Она переезжает из Петербурга в Москву, но, оказывается, что в Москве ей негде жить: свекровь отдала свой дом дочери. Екатерина Романовна решает поселиться с детьми в подмосковной деревне, но выясняется, что дом там развалился и для жилья непригоден. Тогда она приказывает выбрать крепкие бревна и построить маленький деревянный домик, куда вскоре и перебирается.

Она продает все, что у нее имелось ценного, оставив себе... «из серебра только вилки и ложки на четыре куверта», и за пять лет расплачивается с долгами князя Михаила.

«Если бы мне сказали до моего замужества, что я, воспитанная в роскоши и расточительности, сумею в течение нескольких лет (несмотря на свой двадцатилетний возраст) лишать себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не поверила; но подобно тому, как я была гувернанткой и сиделкой моих детей, я хотела быть хорошей управительницей их имений, и меня не пугали никакие лишения...»

После смерти мужа Дашкова пять лет почти безвыездно живет в деревне. Хозяйственна, расчетлива, практична.

Об этом ее первом, и лишь отчасти добровольном, изгнании известно совсем мало.

В декабре 1769 г. Дашкова предпринимает свою первую заграничную поездку. На два года. Для «поправления здоровья» детей. Но верней другое: Дашкова отправляется в путешествие, чтобы удовлетворить свою «безжалостную наблюдательность». Она хочет увидеть все, что есть в Европе достопримечательного: посетить различные города, познакомиться с музеями и картинными галереями, мануфактурами и фортификациями, общественными учреждениями и научными коллекциями.

Примерно за год до этого Екатерина Романовна с детьми побывала в Киеве. Она осматривает Киево-Печерскую лавру, любуется фресками и мозаикой, восхищается академией. И делает вывод: «Наука проникла в Киев из Греции задолго до ее появления у некоторых европейских народов, с такой готовностью называющих русских варварами. Философия Ньютона преподавалась в этих школах в то время, как католическое духовенство запрещало ее во Франции».

Характерная для Дашковой позиция. Некий духовный паспорт, который не раз предъявляла она собеседникам во время своих заграничных путешествий.

За ее плечами могучая и великая держава с древней культурной традицией — такой воспринимала она Россию. И считала себя причастной к ее славе.

В этой связи стоит привести любопытный разговор, который произошел значительно позже, в 1780 г., во время пребывания Екатерины Романовны в Вене, между нею и австрийским канцлером В. А. Кауницем[1].

На обеде у канцлера речь зашла о Петре I. Кауниц назвал его создателем России и русских. Дашкова заспорила, утверждая, что государственная и культурная история России имеет несравненно более древние истоки.

«— Еще 400 лет тому назад,— сказала я,— Батыем были разорены церкви, покрытые мозаикой.

— Разве вы не считаете ни во что, княгиня,— возразил он (Кауниц.— *Л. Л.*),— что он сблизил Россию с Европой и что ее узнали только со времен Петра I?

— Великая империя, князь, имеющая неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная

масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, ваша светлость, это доказывает, простите меня, князь, только невежество или легкомыслие европейских стран, игнорировавших столь могущественное государство...»

Должно быть, не во время светского застолья родилась та примечательная характеристика Петра I, которую мы находим в «Записках». Она, безусловно, была итогом длительных раздумий и поражает глубиной: гениален, деятелен, деспотичен. «...Отнял у крепостных право жаловаться в суд на притеснения помещиков... ввел военное управление, самое деспотичное из всех... торопил постройку Петербурга весьма деспотичными средствами: тысячи рабочих погибли в этом болоте, и он разорил дворян, заставляя их поставлять крестьян на эти работы...»

Деспотичным Петровым преобразованиям Дашкова противопоставляет «гуманно-реформаторскую» деятельность Екатерины II.

Воспроизводя в своих воспоминаниях разговор с Кауницем, Дашкова не забывает рассказать и о том, что канцлер немедля сообщил о взглядах заезжей российской знаменитости австрийскому императору Иосифу II.

Пожалуй, Екатерину Романовну больше интересовал другой адресат, до которого скорее всего также дошло содержание записки Кауница,— Екатерина. Отсюда, из-за границы, где родилась ее репутация заговорщицы и фрондерки, и должна была императрица получить доказательство ее лояльности.

В ту пору, когда Дашкова беседовала в Вене с Кауницем, главной ее заботой была карьера сына, зависевшая от отношения к ней императрицы. Надо заметить, что в этом случае Екатерине Романовне нередко изменяла обычная ее принципиальность.

Действительно ли считала Дашкова гуманной деятельность тогдашнего правления? Есть немало оснований в этом сомневаться. В одном из писем брату она горько сетует на то, что «как-нибудь» и «кнут» — это «главные пружины нашего государства» [2].

*

Дашкова едет за границу под скромным именем госпожи Михалковой. Это даст ей возможность (так она сама объясняет) не посещать иностранные дворы и соблюдать строжайшую экономию — «тратить только на еду и лошадей».

Через Ригу и Кенигсберг Екатерина Романовна со своими спутниками приезжает в Данциг. Она останавливается в гостинице «Россия». На стене в зале висят два монументальных полотна: раненые и умирающие русские солдаты просят пощады у победителей-пруссаков. И это после взятия Берлина войсками генерала Чернышева! Дашкова возмущена. Она негодует особенно яростно потому, что в гостинице, как правило, останавливаются русские путешественники: совсем недавно здесь был Алексей Орлов. «И он их не купил и не бросил в огонь? — допытывает она русского поверенного в делах.— В сравнении с ним я очень бедна, но все-таки я это устрою».

Как всегда, Дашкова не ограничивается словами. Она подговаривает секретаря русской миссии купить синей, зеленой, красной и белой масляной краски и после ужина, хорошенько заперев дверь, берет кисть и перекрашивает мундиры на картинах, превращая победителей в побежденных и наоборот, и вот уже пруссаки на коленях умоляют русских о пощаде.

Она уезжает из гостиницы очень довольная собой и веселится, представляя себе удивление хозяина, когда тот обнаружит, «что пруссаки вдруг проиграли обе битвы».

Дашкова живет два месяца в Берлине. Королева и многочисленные принцессы упорно приглашают ее. Чтобы отговориться, она пускает в ход все аргументы и наконец ссылается на этикет Берлинского двора, запрещавший частным лицам являться под чужими именами. «Этикет — это глупости; княгиню Дашкову надо принять под каким угодно именем»,— заявляет Фридрих II. Делать нечего, приходится срочно купить новое черное платье и ехать знакомиться с прусским королевским домом.

Дашкова с юмором описывает эту встречу. «Самая большая моя заслуга в глазах королевы и ее сестры...

заключалась в том, что я их понимала, несмотря на недостатки их речи (они заикались и шепелявили), так что камергеру, стоявшему рядом, не надо было передавать мне их слова».

Должно быть, встреча с прусской королевской фамилией упрочивает решение Дашковой не тратить время на посещение бесчисленных германских дворов.

В Ганновере Дашкова идет в оперу. Она принимает меры, чтобы ее не узнали, «потому что принц Мекленбургский предупредил меня, что его старший брат, правитель Ганновера, желал бы со мной познакомиться, а это вовсе не входило в мои планы». Но принц все же что-то заподозрил и отправил адъютанта в ложу, где находились Дашкова и ее приятельница Каменская, узнать, не иностранки ли они. Дашкова отвечает, что да, действительно иностранки, но фамилии назвать отказывается, ссылаясь на то, что женщины могут сохранять инкогнито. Сконфуженный посланец удаляется, а Екатерина Романовна обращается к своим соседкам по ложе и заявляет, что от любезных дам у нее нет секретов: она певица, а спутница ее — танцовщица, они ищут выгодного ангажемента. Она получает двойное удовольствие: от того, что сбила курфюрста со следа, и от того, что шокировала чопорных аристократок (они «сразу перестали быть с нами любезными и даже повернулись к нам спиной»).

Однако веселое расположение духа не мешает Екатерине Романовне делать и серьезные наблюдения. Она отмечает, что местные лошади на редкость красивой породы, земли хорошо возделаны.

В живописном бельгийском курортном городке Спа, куда съезжалась на целебные воды «вся Европа», Дашкова знакомится с двумя ирландскими семьями — Морганов и Гамильтонов. Завязывается дружба, которой суждено было длиться долгие годы.

Что именно так тесно сблизило опальную сподвижницу русской императрицы с дочерью провинциального ирландского пастора Гамильтон, неизвестно. Должно быть — то самое «избирательное сродство», прославлением которого дышит эпоха предромантизма.

Дружба Дашковой горяча, неизменна и деятельна.

Они решают провести вместе зиму в Эксе, в Провансе, где должен был лечиться отец Гамильтон. Дашкова осуществляет их общий замысел. Они договариваются о

новой встрече через семь лет, и — это особенно восхищало Герцена — Дашкова снова реализует задуманный план. Между ними не прекращается живой обмен мнениями — ни годы, ни расстояние не могут помешать...

«Может быть, у меня романтическое представление о дружбе,— писала Дашкова брату Александру,— но я ему следую, и мои принципы в этом вопросе так же неизменны, как и мой характер. Я осмеливаюсь открыто быть другом моих друзей, в каких бы обстоятельствах они ни находились и как бы к ним ни относились другие. И обратное: никакие соображения не могут заставить меня сохранить добрые отношения с тем (или — с той), кто порвал с моим другом. Вот как я веду себя и буду вести. Называйте это как хотите, но поймите, что я страдаю, если со мною поступают иначе... Вот, дорогой брат, с каким сентиментальным животным вы имеете дело: осмеливайтесь быть мне другом открыто, отдавать дань справедливости душе — смею сказать — чистой и благородной, и я, в свою очередь, буду для вас всем...» [3]

Когда через много лет после знакомства Дашковой с. Гамильтон из Ирландии в далекую Россию приедут посланницы этой дружбы Мэри и Кэт Уильмот, при встрече со старухой Дашковой их поразит старый шелковый платок, обмотанный вокруг ее шеи,— подарок ирландской подруги. Екатерина Романовна с ним никогда не расставалась.

Насмешница Кэт отметит в своих воспоминаниях несколько комическую сторону такого проявления дружеской верности, сентиментальная Мэри — трогательную.

Но вот чрезвычайно характерная для Дашковой деталь: рассказывая в «Записках» о начале дружбы с Гамильтон и Морган, Екатерина Романовна, при всей своей восторженности, не преминула упомянуть и о ее практических результатах: обе приятельницы каждое утро читали с ней по-английски, «они были моими единственными учительницами английского языка, которым я впоследствии владела довольно свободно».

На 10 дней Дашкова едет в Лондон. «Я не поехала ко двору и все свое время употребила на осмотр достопримечательностей этого интересного города». Она посещает Бат, Бристоль, Оксфорд и их окрестности.

В Оксфорде ее навещают русские студенты, учившиеся в тамошнем университете. В торжественной мантии

приезжает университетский вице-канцлер. Он подносит знаменитой путешественнице от имени университета альбом репродукций статуй и барельефов, составляющих местную коллекцию. «Такую честь редким приезжим делают»,— отмечает польщенная Дашкова.

Она осматривает Оксфордскую библиотеку и обращает особое внимание на русские манускрипты, в частности на русско-греческий словарь с изложением грамматических правил. Должно быть, мысль о необходимости составления русской грамматики и словаря появляется у Дашковой еще задолго до того, как она в качестве президента Российской академии приступила к претворению ее в жизнь.

Наконец Париж... Екатерина Романовна проводит здесь 17 дней. Осматривает мануфактуры, ходит по мастерским художников, церквам и музеям, по театрам, где занимает место в райке. «Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня от любопытных глаз».

Хотя немало парижских знаменитостей добиваются у нее приема, она не общается ни с кем, за исключением великого Дидро.

Это он отсоветовал Екатерине Романовне принять двух знаменитых дам, жаждавших ее общества,— Мари-Терезу Жоффрен и Сюзанну Неккер (жену крупнейшего финансиста и мать будущей писательницы Жермены де Сталь, чья война с Наполеоном прославит ее не менее, чем «Коринна» и «Дельфина»). А жаль, что отсоветовал! Читатели «Записок», несомненно, нашли бы любопытные характеристики этих двух хозяек известнейших литературно-политических салонов предреволюционного Парижа. Но Дидро сказал о Жоффрен, что она «одна из первых кумушек Парижа», что видеть Дашкову хотят только для того, чтобы потом сплетничать о ней, и, сославшись на нездоровье, она отказала. Отказ этот требовал известного мужества: мадам Жоффрен находилась в переписке с Екатериной II.

Но чем Дидро действительно оказал русской гостье немаловажную услугу — это советом не принимать Рюльера, бывшего атташе французского посольства в Петербурге. Встреча Дашковой с Рюльером могла еще более ухудшить отношение к ней императрицы[4].

По словам Дашковой, она ежедневно виделась с Дидро.

«Наши беседы начинались во время обеда и длились иногда до двух-трех часов ночи... Добродетель и правда были двигателями всех его поступков, общественное благо было его страстной и постоянной целью» [5]. Сам философ, правда, говорит несколько иначе: «... Я провел с ней в это время четыре вечера, от пяти часов до полночи, имел честь обедать и ужинать...» Но в конце концов, дело не в количестве проведенных вместе часов.

Какою увидел Дашкову Дидро? Он написал ее портрет под непосредственным впечатлением их знакомства...

«Княгиня Дашкова — русская душой и телом... Она отнюдь не красавица. Невысокая, с открытым и высоким лбом, пухлыми щеками, глубоко сидящими глазами, не большими и не маленькими, с черными бровями и волосами, несколько приплюснутым носом, крупным ртом, крутой и прямой шеей, высокой грудью, полная — она далека от образа обольстительницы. Стан у нее неправильный, несколько сутулый. В ее движениях много живости, но нет грации... Печальная жизнь отразилась на ее внешности и расстроила здоровье. В декабре 1770 года ей было только двадцать семь лет, но она казалась сорокалетней...» [6]

Этот портрет, не слишком лестный для молодой женщины, можно найти во многих старых журналах. Но не ради него писал философ статью о Дашковой: «отнюдь не красавица», она несомненно впечатлила его как личность.

«...Это серьезный характер. По-французски она изъясняется совершенно свободно. Она не говорит всего, что думает, но то, о чем говорит, излагает просто, сильно и убедительно. Сердце ее глубоко потрясено несчастиями, но в ее образе мысли проявляются твердость, возвышенность, смелость и гордость. Она уважает справедливость и дорожит своим достоинством... Княгиня любит искусства и науки, она разбирается в людях и знает нужды своего отечества. Она горячо ненавидит деспотизм и любые проявления тирании. Она имела возможность близко узнать тех, кто стоит у власти, и откровенно говорит о добрых качествах и недостатках современного правления. Метко и справедливо раскрывает она достоинства и пороки новых учреждений...»

Судя по этим словам, между 57-летним философом и 27-летней княгиней велись серьезные и доверительные

беседы. Дидро рассказывал Е. Р. Дашковой о положении дел во Франции, да и не только об этом, должно быть.

«... Вечером я приходил к ней потолковать о предметах, которых глаз ее не мог понять и с которыми она могла вполне ознакомиться только с помощью долгого опыта,— с законами, обычаями, правлениями, финансами, политикой, образом жизни, науками, литературой: все это я объяснил ей, насколько сам знал...»

С улыбкой отмечает Дидро англофильство Дашковой. «Она так любит англичан, что я боюсь за ее пристрастие к этому антимонархическому народу в ущерб моей собственной нации».

Это снисходительная улыбка старшего.

Дидро быстро распознал непоследовательность взглядов русской княгини: и некоторую нечеткость ее конституционно-монархических идеалов, и противоречивость ее отношения к Екатерине, в котором переплелись восхищение и разочарование.

Но жизненная позиция Дашковой, ее нравственный облик, ее личность импонировали Дидро. Его восхитили твердость ее характера «как в ненависти, так и в дружбе», мужество, с которым она переносила свою «темную и бедную жизнь» (философ здесь несколько сгустил краски), естественность ее поведения, «решительное отвращение к светской жеманности». Ему запомнилась даже антипатия, которую Дашкова почувствовала к борцу за свободу Корсики — Паоли, когда, встретившись с ним в Лондоне, узнала, что он живет «нахлебником и пансионером двора» («...она выразилась: «Бедность есть лучший пьедестал подобного ему человека». Я вполне понимаю ее мысль...»).

Знакомство с Дашковой сыграло, должно быть, не последнюю роль в решении философа посетить давно уже интересовавшую его Россию.

А как рассказала о парижских встречах 1770 г. сама Дашкова?

В «Записках» есть страницы, не раз привлекавшие особое внимание и первых их читателей, и современных исследователей. Те, где Екатерина Романовна излагает свои разговоры с Дидро о крепостничестве.

«Однажды разговор коснулся рабства наших крестьян [7].

— У меня душа не деспотична... вы можете мне верить. Я установила в моем орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограблений и притеснения мелких чиновников. Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы, следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов...

— Но вы не можете отрицать, княгиня, что, будь они свободны, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче.

— Если бы самодержец,— ответила я,— разбивая несколько звеньев, связывающих крестьянина с помещиком, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещиков к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы своею кровью подписалась бы под этой мерой. Впрочем, простите мне, если я вам скажу, что вы спутали следствия с причинами. Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, т[ак] к[ак] они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушат порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления.

— Вы отлично доказываете, дорогая княгиня, но вы меня еще не убедили...»

Однако прервем ненадолго этот диалог, чтобы вспомнить небольшой эпизод, происшедший за несколько лет до парижской встречи русской княгини и французского философа.

1 ноября 1766 г. в Вольное экономическое общество поступило щедрое пожертвование: неизвестная особа передавала Обществу «на такое употребление, какое оно заблагорассудит», тысячу червонцев.

Вольное экономическое общество, основанное в 1765 г. для «исправления земледелия и домоводства», как определено было в учредительном указе, находилось под особым покровительством Екатерины. Состояли в нем наиболее влиятельные придворные, главным действующим лицом был Григорий Орлов. Дашкова также являлась членом Общества.

В письме, сопровождавшем анонимное пожертвование

(кстати сказать, императрица предлагала дарителю две тысячи взамен его одной, если только он откроется, о чем было объявлено в четвертой части «Трудов к поощрению в России земледелия и домостроительства» и в некоторых иностранных газетах), рекомендовалось обсудить вопрос о «поземельной собственности» крестьян — крепостной зависимости.

Экономическое общество решило объявить конкурс на лучшее сочинение на тему: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» [8]

Не следует забывать, что дело происходило в либеральную пору екатерининского царствования: 1767 год, когда предполагалось подвести итог упомянутого конкурса, был годом собрания «депутатов всех сословий» (ни к чему, как известно, не приведшего). Шло следствие по делу кровавой барыни Салтычихи, которая своими злодействами над крепостными людьми ужаснула XVIII столетие. Существует предположение, что именно дело Салтычихи и послужило одним из поводов предложить Экономическому обществу публично обсудить вопрос о крепостном праве в России [9].

Премию (сто червонцев) и золотую медаль получил Беарде Де Лабей, член Дижонской академии. Сочинение Де Лабея было представлено под девизом «В пользу свободы вопиют все права, но есть мера всему». Обрисовав ужасы рабства и блага свободы, автор сделал вполне благонамеренный вывод: «Должно приуготовить рабов к принятию вольности прежде, нежели будет им дана какая собственность» [10].

Аргументация Дашковой в полемике с Дидро напоминает, увы, «делабейевскую», т. е. официозную в ту пору, точку зрения. И все же не сводится к ней. В словах Дашковой о «звеньях, приковывающих» звучат убежденность в необходимости либерализации жизни общества и недвусмысленные намеки на необходимость ограничения власти самодержавия.

Убежденность в преимуществах конституционной монархии никогда не покидала Дашкову, составляла одну из «констант» ее мировосприятия. Потому не столь уж существенно, высказала ли она свою точку зрения во время встречи с Дидро, за три года до начала Кре-

стьянской войны 1773—1775 гг. в России, или привнесла ее задним числом в свои воспоминания. Важней другое: между Дашковой и Дидро шел спор, выявивший чрезвычайно существенные расхождения касательно «рабства дикого», крепостного права. Долгие годы суждено было отношению к этому вопросу служить водоразделом, отделявшим подлинную революционность от разных вариантов либерализма.

Сцена спора с Дидро в «Записках» Дашковой завершается ее победой. «Боюсь, что я не сумею ясно выразить свою мысль, но я много думала над этим,— продолжает Дашкова, — и мне представляется слепорожденный, которого поместили на вершину крутой скалы, окруженной со всех сторон глубокой пропастью; лишенный зрения, он не знал опасностей своего положения и беспечно ел, спал спокойно, слушал пение птиц и иногда сам пел вместе с ними. Приходит злосчастный глазной врач и возвращает ему зрение, не имея, однако, возможности вывести его из его ужасного положения. И вот наш бедняк прозрел, но он страшно несчастен; не спит, не ест и не поет больше; его пугают окружающая пропасть и доселе неведомые ему волны; в конце концов он умирает в цвете лет от страха и отчаяния.

Дидро вскочил при этих словах со своего стула будто подброшенный невидимой пружиной. Он заходил по комнате большими шагами и, сердито плюнув па землю, воскликнул:

— Какая вы удивительная женщина! Вы переворачиваете вверх дном идеи, которые я питал и которыми дорожил целых двадцать лет!..»

Пожалуй, эта сцена делает больше чести литературному мастерству автора, чем искренности, а может быть, памяти?

Екатерина Романовна писала свои воспоминания более чем через 35 лет после того дня, когда мог состояться этот разговор, столь сомнительный в своем финале. Дидро уже не было на свете. Давно канули в Лету либеральные публичные обсуждения проблем крепостничества. Зато хорошо были памятны Пугачев и якобинский 1793 год.

Верила ли Дашкова, описывая давние споры, в то, что действительно переубедила тогда философа? Скорее — хотела верить. У нее было немало возможностей почувствовать, что взгляды Дидро на крепостное право

Страница «Записок» с пометой А. С. Пушкина на полях

оставались неизменными, более того, укрепились под влиянием его русских впечатлений.

Дидро писал в 1784 г., вернувшись из России: «Чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям рабством и предотвратить проистекающие от него опасности, нет иного средства, как отменить само рабство и управлять лишь свободными людьми. Эту меру трудно провести в стране, где нельзя дать почувствовать господам злые стороны рабства, а рабам — преимущества свободы, настолько одни деспотичны, а другие унижены» [11].

Страницы «Записок», на которых Дашкова излагает свои разговоры с Дидро о крепостничестве, привлекали к себе особое внимание Пушкина — об этом не однажды писали исследователи творчества поэта.

«Как справедливо отметил Ю. Г. Оксман, споры Дашковой с Дидро на острые социальные и политические темы не прошли мимо сознания Пушкина, автора «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева». Ведь эти споры касались важнейших проблем русского общественного развития, и во времена Пушкина они были не менее

актуальны, чем за три года до Пугачевского восстания, когда в Париже французский философ и русская княгиня пылко опровергали друг друга»,— пишет М. И. Гиллельсон в работе «Пушкин и «Записки» Дашковой» [12].

Должно быть, расхождение во взглядах на отношениях Дашковой и Дидро не отразилось. Дидро продолжал считать Дашкову человеком, серьезно интересующимся вопросами общественной жизни, о чем свидетельствуют хотя бы письма к ней той же зимой в Прованс. В одном из них, в рассказе об изгнании иезуитов и первых столкновениях королевской власти с парламентом [13], чувствуется уже приближение во Франции великой грозы.

Дидро писал: «...Это происшествие возбудило взрыв между всеми членами государства. Принцы сердятся, другие трибуналы сердятся. Умы волнуются, и волнение распространяется; принципы свободы и независимости, прежде доступные только немногим мыслящим головам, теперь переходят в массу и открыто исповедуются... У каждого века есть свой отличительный дух. Дух нашего времени — дух свободы. Первый поход против суеверия был жестокий и запальчивый. Когда же люди осмелились один раз пойти против религиозного гнета, самого ужасного и самого почтенного, остановить их невозможно. Если один раз они гордо взглянули в лицо небесного величества, вероятно, скоро встанут и против земного... Мы дошли до кризиса, который окончится или рабством, или свободой...» [14]

Перечитывая эти страницы много лет спустя, Дашкова оценила их пророческий смысл. «По выражению чувств, возбужденных этим событием, и по предчувствию его неизбежных последствий письма Дидро были полны предсказанием будущей Французской революции»...

Сама Екатерина Романовна во Франции 70-х годов никаких примет Франции 90-х не увидела...

Однажды, проникнув в чужой карете в Версальский парк, она наблюдает в толпе любопытных за королевским обедом, отмечает отменный аппетит Людовика XV и всей царствующей фамилии и чуть было не выдает свое инкогнито возмущенным восклицанием по поводу какого-то нарушения одной из принцесс застольного «бонтона».

В Лионе, не забыв осмотреть прославленные мануфактуры, она любуется торжественной встречей пьемонтской принцессы, невесты одного из членов французской королевской фамилии. Дашковой казалось, «что идея о монархе и гильотине еще так была темна, что Людовик, хотя исподтишка и называли его «королем по ошибке», был предметом народного обоготворения...»

Здесь, в Лионе, произошел небольшой инцидент, описание которого в мемуарах Дашковой привлекло внимание Пушкина.

В честь приезда пьемонтской принцессы давался спектакль в городском театре, где Дашковой и ее спутницам предназначалась ложа. Однако, войдя в ложу, Екатерина Романовна обнаружила, что она уже занята какими-то четырьмя лионскими дамами, не выразившими ни малейшего намерения уступить свои места знатным иностранкам. «Спорить не стоило, и поэтому я и Гамильтон, оставив Райдер и Каменскую (спутницы Дашковой.— *Л. Л.*) стоять за этими наглыми женщинами, решили уйти...».

В рукописи «Записок», которую читал Пушкин, слова «наглыми женщинами» подчеркнуты. На полях рукою поэта написано: «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не выразился».

М. И. Гиллельсон, которому мы обязаны открытием этой пушкинской пометы, интерпретирует ее как свидетельство точного понимания поэтом идейной непоследовательности Дашковой. «Как только Дашкова незаметно для самой себя проговаривается, Пушкин хватает ее за руку: вы признаете Дидро необыкновенным человеком, так извольте уж до конца следовать его наставлениям — такова по существу мысль Пушкина, высказанная в его лаконичной помете на полях рукописи ее Записок» [15].

Предполагал ли Пушкин действительно найти в княгине идейную последовательницу Дидро? Вряд ли. Читая «Записки», он представлял себе всю последующую жизнь и деятельность Дашковой — они не давали оснований подходить к ней с меркой Дидро.

Однако вернемся к нашей путешественнице. Ей сразу же суждено было быть наказанной за кичливость. Выходя из театра, Дашкова и Гамильтон попали в толпу, теснившуюся у входа. Солдаты разгоняли любопытных «ударами направо и налево». Пришлось назваться, по-

следовали извинения, часовой провел их к карете. Дашкова выражает сожаление по поводу того, что подействовало слово «la princesse», т. е. ее княжеский титул, а не «уважение к ее полу»,— в подобных рассуждениях она большая демократка.

Из Лиона Дашкова едет в Швейцарию.

На другой же день после своего прибытия в Женеву она посылает к Вольтеру спросить, может ли он принять ее. Фернейский патриарх отвечает, что будет счастлив.

Первая встреча с прославленным вольнодумцем разочаровывает Дашкову: Вольтеру 76 лет. Он стоит напротив своей гостьи на коленях в кресле, повернутом спинкой в ее сторону (он болен, ему тяжело сидеть), и не скупится на комплименты, театральные жесты и льстивые слова. «Пресловутая французская вежливость не исходит из сердца»,— записывает Дашкова. Кроме Вольтера, племянницы его мадам Дени («она была довольно тяжеловесна умом для племянницы столь великого гения»), Дашковой и ее спутников, за ужином присутствуют два крупных парижских торговца. Дашкова узнает в них оригиналы двух портретов, которые она видела в гостиной мадам Дени. Дядя и племянница стараются им угодить. «Все это...помешало мне так испытывать удовольствие и так удивляться, как я того ожидала...»

При прощании Вольтер спрашивает Дашкову, увидит ли он ее еще. Она просит разрешения навещать его и беседовать с ним вдвоем.

«В эти часы он был совершенно другим, и в его кабинете или в саду я находила того Вольтера, которого рисовало мне мое воображение при чтении его книг».

Дашкова беседует с проницательнейшим мыслителем Европы, катается по Женевскому озеру, прикрепив к корме судна русский флаг, распевает русские песни и обучает им своих швейцарских друзей.

Екатерина Романовна прощается с Женевой, а вдогонку ей летит изысканнейшее письмо Вольтера, полное преувеличений и чуть ироничных восторгов,— стиль, отточенный великим льстецом и насмешником в переписке с коронованными корреспондентами.

«Княгиня, старик, которого Вы помолодили, благодарит и оплакивает Вас... Счастливы те, которые провожают Вас

в Спа! Несчастные мы, которых Вы покидаете... на берегах Женевского озера! Альпийские горы долго будут греметь эхом Вашего имени — имени, которое навсегда остается в моем сердце, полном удивления и почтения к Вам.

Старый инвалид Фернея»[16].

В письме Вольтер называет Дашкову «достойным другом Томирисы». Полулегендарная массагетская царица Томирис считалась победительницей властелина Востока Кира (в VI в. до н. э.). Надо ли говорить, кого называл Вольтер этим именем в годы победоносных войн России?!

Известно и письмо Вольтера Екатерине II, где он описывает свою встречу с русской гостьей.

«Прежде всего должен Вас уведомить, что я имел честь видеть у себя в пустыне княгиню Дашкову. Лишь только вошла она в залу, тотчас узнала Ваш портрет, по атласу вытканный и гирляндами вокруг украшенный. Изображение Ваше, конечно, имеет особенную силу, потому что я видел, что, когда княгиня смотрела на это изображение, то глаза ее оросились слезами. Она говорила мне четыре часа сряду о Вашем императорском величестве, и мне время показалось не более как четырьмя минутами»[17].

В «Записках» Дашковой ничего нет об этом вышитом портрете.

Из Швейцарии на двух больших лодках путешественники спускаются по Рейну. Они останавливаются, когда им хочется осмотреть какие-нибудь достопримечательности. Карлсруэ с его прекрасным парком... Дюссельдорф...

Дашкова посещает здесь картинную галерею и поражает своей эрудицией директора: ведь полотно в полумраке ниши,— работа кисти Рафаэля!

В картинной галерее Дрездена проводит она несколько дней.

Но Дашкову давно уже тянет домой, и, ненадолго задержавшись в Берлине, она спешит в Петербург.

Первое десятилетие царствования Екатерины на исходе.

Уже правительственные войска «не единожды принуждены были употребить против них оружие и даже до пушек»,— говорит Екатерина о крестьянах, которые находятся в «явном возмущении». Уже переполнены восставшими казаками оренбургские тюрьмы. И уже бежал из моздокской тюрьмы через иргизские раскольничьи поселения на реку Яик Емельян Иванович Пугачев.

За первое десятилетие «века Екатерины» Западную Европу облетела легенда о «гуманной и просвещенной государыне», «философе на троне». Еще бы не философ! Ведь пресловутый «Наказ», написанный Екатериной в назидание собравшейся в Москве Комиссии для составления нового Уложения, был, как известно, откровенной компиляцией из различных произведений философов-просветителей. Екатерина сама заявляла, что порядочно обобрала Беккариа, Гельвеция и Монтескьё, а ей принадлежат лишь небольшие вставки, которые «не составляют двух или трех листов» [18].

Большую часть времени после своего возвращения из путешествия Дашкова живет вдали от двора — в своем имении Троицком.

Путь из Троицкого (за Серпуховом) до Москвы был по тем временам немалый, но княгиня педантично проделывала его каждые две недели — возила детей к бабушке.

Во время одного из таких наездов в Москву Екатерина Романовна знакомится с Потемкиным, в ту пору генерал-адъютантом и уже, по отзывам иностранных послов, «самым влиятельным лицом в России». (Академик Тарле называл Потемкина единственным человеком, который имел влияние на Екатерину II. [19])

В «Записках» нет характеристики Потемкина, но Дашкова не в силах сдержать ликование по поводу того, что Григорий Орлов «теряет свои прерогативы». «Горизонт моей жизни прояснялся...» — пишет она.

С победой над Турцией Дашкова поздравила государыню письмом и подарком, милостиво принятым. Это была картина Анжелики Кауфман, изображавшая прекрасную гречанку,— сюжет, уместный в данном случае,

Творчество Кауфман в России еще известно не было, но интерес к художнице подогревался слухами о романтических перипетиях ее жизни. Якобы какой-то отвергнутый поклонник-лорд способствовал браку Анжелики с неким шведским графом, оказавшимся (это выяснилось, естественно, уже после свадьбы) вовсе не графом, а камердинером мстительного лорда. Брак был расторгнут. Но Англия, где Кауфман только что избрали в Академию художеств, так ей его и не простила.

В Государственном Эрмитаже есть несколько полотен этой сентиментальной немецкой художницы, ими мы в какой-то мере обязаны Дашковой.

*

В 1773 г. в Петербург приезжает Дидро. Он стар и измучен дорогой. Доехать до Дашковой в ее подмосковное имение у него нет сил: «несчастная машина, расстроенная утомительным путешествием, окутанная от холода шубой в пятьдесят фунтов веса, иззябшая, истасканная и дрожащая... истинно жалкая машина не позволяет мне явиться к Вам...» [20]

Конечно, Екатерина Романовна с присущей ей энергией примчалась бы тотчас в Петербург, если бы могла. Но, должно быть, путь ко двору был ей тогда заказан.

Однако почему?

Поиски ответа на этот вопрос заставляют нас обратиться к событиям, до недавнего времени недостаточно оцененным в исторической литературе. Значение их по-новому высвечено в трудах советского исследователя Н. Я. Эйдельмана [21].

Речь идет о попытке Н. И. Панина, влиятельнейшего сановника, фактического министра иностранных дел, установить в России конституционную форму правления.

Идея эта была для Никиты Ивановича не нова: претворить ее в жизнь он пытался еще десятилетием раньше. В ту пору свои надежды Панин связывал с Екатериной. И ей, тогда еще великой княгине, да и племяннице — Дашковой — Панин не раз умно и осторожно доказывал преимущества конституционной монархии и, казалось, встречал сочувствие. Потерпев неудачу установить регентство после переворота 1762 г., одной из главных действующих пружин которого он был, Панин от своих надежд не отказался.

Через несколько недель после воцарения Екатерины он поднес ей проект реформы сената и создания нового института — императорского совета. Во введении к проекту содержалась резкая критика произвола «в производстве дел», из-за чего «всегда действовала более сила персон, чем власть мест государственных». Панин надеялся, что императорский совет произвол пресечет: через него станут проходить все документы, требовавшие подписи государя. Он задумал, таким образом, императорский совет как орган, ограничивающий самодержавную власть.

С осуществлением этого проекта, сперва вроде бы ею не отвергнутого, Екатерина не спешила. Время шло, и никаких ограничений самодержавия не предвиделось.

Между тем влияние Панина и на государственные дела, и на наследника престола усиливалось. Екатерина ни Никиту Ивановича, ни брата его, генерала, не любила, но Панин принадлежал к людям, ум и опыт которых она ценила. Да и «прожекты» казались забытыми: за Паниным закрепилась репутация человека образованного (Екатерина называла его «энциклопедией»), однако донельзя медлительного, сибарита, сластолюбца, ленивца.

Последующие события доказали, что «слава» была ложной: Панин от своих планов не отказался и деятельно пытался их осуществить.

Вместе со своим секретарем и будущим биографом Д. И. Фонвизиным, в то время автором «Бригадира», но еще не автором «Недоросля», он разрабатывает проект конституции. Новый государственный переворот должен был эту конституцию утвердить.

Более полувека спустя племянник писателя Михаил Александрович Фонвизин, герой Отечественной войны 1812 г., декабрист (чья могила составляет ныне одну из достопримечательностей подмосковного города Бронницы), писал в сибирской ссылке воспоминания. Для нас они представляют особый интерес: среди участников панинского заговора в них названа Дашкова.

Вот отрывок из этих записок: «Мой покойный отец рассказывал мне, что в 1773 или 1775 году, когда цесаревич достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев... и многие из тогдашних вельмож и гвардей-

ских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своей подписью и дал присягу в том, что не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие...

При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин — оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решился быть предателем: он открыл фавориту императрицы князю Г. Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников, стало быть, это сделалось известным и императрице. Она позвала к себе сына и гневно упрекала его за участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув... в него, бросила бумагу в огонь и сказала: «Я [и]не хочу знать, кто эти несчастные». Она знала всех по доносу изменника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня Наталья Алексеевна: полагали, что ее отравили или извели другим образом... Из заговорщиков никто, однако, не погиб. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом с пожалованием ему за воспитание цесаревича 5000 душ и остался канцлером; брат его фельдмаршал и княгиня Дашкова оставили двор и переселились в Москву. Князь Репнин уехал в свое наместничество в Смоленск, а над прочими заговорщиками был учрежден тайный надзор» [22].

Другими точными свидетельствами участия Дашковой в заговоре 1772—1773 гг. мы не располагаем. Что касается приведенных фактов, то бесспорны ли они? Ведь в данном случае мы имеем дело не с собственными воспоминаниями (нередко и в них подводит память), а с пересказом воспоминаний отца.

Что может заставить усомниться в причастности Екатерины Романовны к заговору Панина? Еще не изжитое в ту пору чувство привязанности к кумиру юности? Ненависть к Дашковой Павла I, которая проявилась, как только тот вступил на престол? Странная ненависть, если полагать, что княгиня входила в число заговорщиков,

пытавшихся еще в начале 70-х годов провозгласить его императором.

И все же более убедительными кажутся аргументы, которые могут заставить поверить в причастность Дашковой к заговору. Основной из них — близость воззрений Панина и Дашковой.

«Ему хотелось ограничить самовластие твердыми аристократическими институциями. С этой целью Панин предлагал основать политическую свободу для одного дворянства»,— писал декабрист Фонвизин [23]. Но ведь, очевидно, того же хотела и Дашкова. На необходимость «твердых законов» намекает она, вспоминая разговоры с Дидро и не только это. Должно быть, приверженность Дашковой к конституционно-монархической форме правления во многом и объясняется влиянием ее старшего родственника.

Сохранился интересный документ — замечания Дашковой на книгу К. Рюльера. Дашкова ставит в вину Рюльеру две ошибки: преувеличил нанесенные ей после воцарения Екатерины обиды (она чересчур горда, чтобы признать себя обиженной) и не написал о том, что, участвуя в событиях 1762 г., она предполагала сделать Екатерину правительницей, а не «самодержицей» [24].

Нет, нельзя исключить возможность того, что имя Дашковой значилось в списке, брошенном Екатериною в пылающий камин. И не случайно не могла Екатерина Романовна поехать в 1773 г. на встречу с Дидро: жизнь ее в деревне в ту пору была, по-видимому, фактически жизнью изгнанницы.

Сохранились прекрасные письма Дидро к Дашковой из Петербурга в Москву. Они полны той теплой доверительности, которая была, очевидно, характерна для их парижских бесед («...когда Вы, облокотившись на камин, следили за выражением моей физиономии...»)

Здесь и воспоминания о том, как Дашкова пела русские романсы и народные песни; даже прославленная Бороздина пе может изгладить их из памяти философа. («Как Вы счастливы, княгиня, с Вашей вдохновенной любовью к музыке...») [25]

Здесь и просьбы: напомнить Демидову * его обещание

* П. Г. Демидов (1738—1821) — русский просветитель и ученый-натуралист.

дать несколько образцов из «натурального его кабинета» — ископаемых минералов, раковин... «Попросите, пожалуйста, и о том, чтоб подаренные им вещи были поименованы и уложены» [26].

Здесь и знаменитая характеристика Екатерины II: «... Я нашел ее совершенно похожей на тот портрет, в котором Вы представляли мне ее в Париже,— в ней душа Брута с сердцем Клеопатры... Никто не умеет так ...расположить к себе людей, как она...» [27]

Надо иметь в виду, что для Дидро существенна была не столько личность монарха, сколько сам принцип самодержавия. Он не исключал произвола «со стороны повелителя доброго, твердого, справедливого и просвещенного».

Философ не раз повторял, что дело не в личных качествах монарха, а в объеме власти, которую он присвоил. «Лишь нация есть истинный суверен; истинным законодателем может быть лишь народ» [28]. «Нет ни прав, ни законов, ни свободы там, где государь распоряжается правами и законами по своему усмотрению» [29].

Дидро развивал перед Екатериной II идеи народовластия и, как он пишет Дашковой, говорил при дворе с той же свободой, «с какой Вы позволяли мне говорить на улице Гренвиль» [30].

Да и почему было императрице не послушать старого философа? Восхищаясь его красноречием, она лучше, чем кто-либо другой, понимала: никакого практического применения в России идеи Дидро иметь не будут. А уж менее других — его идея о необходимости созыва в России Законодательного собрания — эту мысль Дидро подчеркивал в замечаниях на ее «Наказ».

«Замечания на «Наказ» ее императорского величества депутатам Комиссии по составлению Уложения» были написаны Дидро летом 1777 г., по возвращении из Петербурга. В руки Екатерины они попали уже после смерти философа. В письме Ф. М. Гримму от 23 ноября 1777 г. она назвала их сущим лепетом [31].

Недовольство императрицы «Замечаниями» вполне закономерно: Дидро не скрыл в них своего разочарования по поводу того, что добрые намерения Екатерины не подтверждались добрыми делами. «Я вижу в «Наказе» ее величества проект превосходного кодекса, но в нем нет ни слова относительно способа обеспечить устойчивость

этого кодекса. Я вижу там деспота, отрекшегося на словах, но деспотизм по существу остался, хотя он и именуется монархией»[32].

Екатерина сказала как-то историку Сэгюру: «...Если бы я послушалась его, мне пришлось бы все перевернуть в моей империи вверх дном, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацию, и финансы для того, чтобы очистить место для невозможных теорий».

Должно быть, и философ постепенно избавляется от иллюзий, понимая, что «ученица» не склонна осуществлять на деле его рекомендации.

«...Когда он заметил, что в моем царстве ничего пе меняется по его мысли, он выразил мне удивленье с какой-то обиженной гордостью.

Тогда я откровенно сказала ему:

— Господин Дидро, я слушала от вас с величайшим удовольствием все, что вдохновляет ваш блистательный ум; но из всех ваших великих начал, которые я понимаю очень хорошо, можно составлять прекрасные книги, но не управлять государством. Вы забываете в ваших революционных планах различие наших положений; вы работаете на бумаге, которая все терпит; она мягка, гладка и не останавливает ни Вашего пера, ни воображения, а я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, которая раздражительна и щекотлива...»[33]

В письме Дашковой Дидро сформулировал вывод, к которому пришел вскоре же по приезде своем в Россию: «Идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совершенно другой цвет»[34].

Имел ли философ в виду только свою родину, когда, уезжая из России, писал Екатерине Романовне, что возвращается к своим соотечественникам, «из которых одна половина ложится спать ограбленная, а другая дрожит от отчаяния, что бедняки проснутся и догадаются»?..

*

В годы между двумя заграничными вояжами Дашкова живет по-прежнему уединенно. Много читает. Занята воспитанием детей. Ее интересы все с большей определенностью сосредоточиваются на вопросах науки, просвещения. Она участвует в основании научного общества при

Московском университете — Вольного российского собрания. Становится действительным членом этого общества, печатается в его органе — «Опыты трудов Вольного российского собрания».

Екатерина Романовна публикует здесь несколько серьезных статей и переводов, в том числе две работы с характерными заголовками: «Общество должно делать благополучие своих членов» и «О сообщественном устройстве». Первые переводы Дашковой — из Вольтера и Гельвеция — были опубликованы еще в 1763 г. во время пребывания ее на коронационных торжествах в Москве, в журнале «Невинное упражнение».

Сын подрастает, и со свойственной ей целеустремленностью Дашкова погружается в исследование педагогической науки. Она составляет для сына обширный список предметов, устанавливает сроки их изучения.

В вопросах воспитания Дашкова разделяла тревоги и иллюзии многих своих современников. Должно быть, надежды просветителей переустроить общество па началах разума и справедливости при помощи новых методов воспитания не раз обсуждались обеими Екатеринами еще в годы их дружбы.

Дашкова была свидетельницей и некоторых начинаний Екатерины II в этой области, в частности реформы школьного образования, осуществленной И. И. Бецким. Но задача создать «новую породу людей» довольно скоро перестала занимать императрицу. Для Дашковой же она осталась главной на всю жизнь. В письме ректору Эдинбургского университета У. Робертсону (середина 70-х годов), в статье «О воспитании», напечатанной в «Собеседнике» (1783), Дашкова снова и снова возвращается к этой проблеме.

Вот отрывок из размышлений о том, «что есть совершенное воспитание», пронизанных верой в просвещение, никогда Дашкову не покидавшей.

«В 16 лет я была матерью. В сем возрасте воображению позволено летать быстро, без расчета и без сомнения. Дочь моя не могла пролепетать еще ни единого слова, а я уже помышляла дать ей воспитание совершенное,— писала Екатерина Романовна М. Уильмот.— Я была удостоверена, что на четырех языках, довольно мною знаемых, читая все то, что о воспитании было писано, возмогу я извлечь лучшее, подобно пчеле, и из частей сих со-

ставить целое, которое будет чудесно. Все прочтенное мною показалось мне, однако, недостаточным... Во всех моих предприятиях всегда была я непоколебима; я продолжала размышлять о сем предмете с тем большим жаром, что все мои чтения о воспитании не представили еще мне целого, неподвижного и полного. Наконец, пришло мне в мысли, что по крайней мере можно найти некоторые правила, колико удобные, толико и неприменные для всех детей, правила, долженствующие быть токмо твердым основанием фундамента (подчеркнуто Дашковой.— *Л. Л.*), а что прочее могло быть переменяемо и приноравливаемо к климату, образу того правления, в коем дитя будет жить, и, наконец, его телосложению и способностям... Коротко сказать, я представляю тебе мои три маленьких словца когда, где, сколько... Вот что я положила бы начальным основанием воспитанию, если бы я могла еще льститься, что можно теорию общую, равно как и полезную, воспитанию предположить. И если бы я не знала опытом, что окончание воспитания определить не можно, что иной на пятом десятке еще требует руководства, не одними своими страстями руководствуем, но иногда коварными и презренными людьми, слабости его узнавшими; из опыта знаю... что непредвидимый случай иногда усовершает и ускоряет зрелость ума тогда, когда несколько лет наставления не предуспевают, что юноша, попавшись в развратное общество, в кое ласкательством и угождениями он завлечен, будучи притом надменен, все плоды лучшего воспитания и лучших примеров... уничтожит...» [35]

В письме этом слышится сомнение в правомерности единой воспитательной системы, не учитывающей особенностей личности.

Письмо писалось, когда давно потерпели трагическое крушение планы Дашковой, обучив сына и сформировав его нравственные убеждения и принципы, сделать из него человека выдающегося («прославляя себя, он прославит тем самым свою родину»). По свидетельству С. Р. Воронцова, сестра не однажды говорила, что сможет гордиться, воспитав человека, который не будет иметь ни одного недостатка, свойственного современному поколению.

Но оказалось, что гордиться нечем: Павел Дашков вырос вполне заурядным, ленивым князьком, хоть и до-

служился до генерал-лейтенанта, чему при энергии его матери удивляться не приходится. Г. А. Потемкин, единственный из фаворитов Екатерины, с которым Дашкова не рассорилась, взял его к себе в адъютанты, а с 1798 г. Павел Дашков стал военным губернатором Киева. Короткий взлет его карьеры совпал с правлением Павла I, когда чаши весов резко качнуло: приближенные императрицы были удалены со своих постов, а те, кого она не жаловала, возвышены. Павел Михайлович стал в ту пору ненадолго предводителем дворянства Московской губернии...

«Прост и пьяница»,— характеризует его Екатерина II. То ли юный Дашков не выдержал чересчур энергичного напора матери, то ли победило не воронцовское, а дашковское начало — пошел в отца красотой, да не в мать головой.

Екатерина злорадствовала: «С хваленым матерью воспитанием и дочь и сын вышли негодяи: сын и военного ордена не мог... заслужить» [36]. (Ничего не вышло, хочется добавить, и с воспитанием сына самой императрицы, что она с присущей ей трезвостью прекрасно понимала. «Вы дикое животное...» — говорила она, видя жестокие наклонности наследника престола. Пророчила Павлу: «... И недолго же ты процарствуешь!» [37])

Дашковой суждено было пережить крах просветительских иллюзий — и в общественном плане, и в личном.

А с каким тщанием еще во время первого своего зарубежного путешествия выбирала она место, где будет учиться ее сын! Екатерина Романовна остановилась на Эдинбургском университете: в то время там были сосредоточены крупные научные силы, да и его удаленность от «соблазнов больших столиц» привлекала Дашкову. «Я желала сохранить его нравственные начала неприкосновенными, спасти его от тысячи обольщений, столь неизбежных для молодого человека дома. Вследствие этого я решилась увезти его за границу... Я убеждена была, что английское воспитание всего лучше отвечало его развитию...»

Вслед за Бецким Дашкова полагала, что дети должны воспитываться вне привычной среды. Но только — не в закрытых учебных заведениях, а под наблюдением и влиянием родителей. Она писала ректору Робертсону: «...Я никогда не думала удалять сына от своей кровли и над-

зора... Думаю, что моя нежная любовь к ним (детям.— *Л. Л.*) будет самым верным хранителем нравственного и физического их блага...»

Дашкова говорит о карьере молодого русского дворянина, отличной, как она считала, от карьеры юношей в других странах. Военно-служебная карьера русского юноши «очень почетна» и начинается очень рано, а значит, молодой Дашков может посвятить общему развитию не более четырех лет. «Если к этим четырем годам прибавить еще два для путешествия (Екатерина Романовна считает это обязательным элементом образования.— *Л. Л.*), то мой сын — ему теперь тринадцать лет — на двадцатом году приступит к исполнению своих обязанностей, и я ничего более не желала бы, как видеть его возвышение тем же честным путем, каким шли предки его к своему превосходству».

Так она писала, выспренно и, должно быть, искренне. А за этой преамбулой шел деловой перечень предметов, которые Павел уже изучал, и тех, которые, по мнению матери, ему следовало изучить за пять университетских семестров. Любопытный перечень:

«1-й семестр. Языки, риторика, литература, государственные учреждения, история, математика и логика.

2-й семестр. Языки, история, государственные учреждения, математика, логика, опытная физика, рисование и фортификация.

3-й семестр. Языки и литература, история и государственные учреждения, фортификация и естественное право, публичное, универсальное и политическое; физиология и естественная история, рисование и математика.

4-й семестр. Этика, математика, фортификация, права народов, универсальное и положительное; общие начала положительной юриспруденции и гражданская архитектура.

5-й семестр. Этика, повторение физики, элементарная химия и после общее повторение всех предметов» [38].

В 1775 г. Дашкова попросила Екатерину разрешить ей уехать за границу для завершения образования сына. «Мне это было разрешено чрезвычайно холодно».

Еще в начале этого года, ознаменовавшего начало реакции в России, Екатерина Романовна писала брату Александру: «...Ты спрашиваешь, мой друг, имела ли я, как многие, любопытство видеть Пугачева, из чего я за-

ключаю, что ты худо еще меня, батюшка, знаешь. Сколь ни отвратителен он по злодеяниям своим и сколь возмездия по оным ни справедливы будут, но окованный человек и осужденный к смерти мне не иначе как жалостным предметом представляется. Я его не видела и видеть не хочу...»[39]

Она спешит выдать замуж дочь (за некоего бригадира Щербинина) и вместе с сыном, дочерью, мужем дочери и многочисленными сопровождающими лицами на долгие восемь лет покидает родину.

*

Путешествие начиналось трудно.

По дороге, неподалеку от Пскова, с лошади упал один из слуг, и по нему проехало двое саней. В соответствии с представлениями медицины той поры для спасения жизни требовалось незамедлительное кровопускание. Но хирурга не оказалось ни на первой почтовой станции, ни на второй. Найдя ланцет в дорожной аптечке, Дашкова тщетно умоляла мужчин, своих спутников, помочь несчастному. Никто не решался. Тогда твердой рукой она сама вскрыла вену больному, и, как это ни удивительно, тому стало легче. Она расплатилась за свой маленький подвиг нервными припадками, о которых, однако, «не сокрушалась, так как ценою их спасла жизнь человека».

Решительности и силы воли ей было не занимать.

Пробиваясь через деревни, «где царствовали неимоверная грязь и нищета», через непроезжие леса, окружавшие Гродно (30 казаков прорубали дорогу, чтобы мог проехать кортеж княгини), она наконец добралась до этого города, где надолго застряла: и сын, и дочь заболели корью.

Только к осени Дашкова попала в Эдинбург.

В Эдинбурге она некоторое время живет в старинном королевском замке. К ее апартаментам примыкает лестница, с которой некогда лорд Дарнли сбросил итальянского певца Риччио, фаворита своей красавицы-жены Марии — той самой Марии Стюарт, которой суждено было первой из коронованных властителей Европы окончить жизнь па плахе (1587). «Живя там, я не раз вспоминала о неразумной и несчастной королеве Марии»,— пишет Дашкова.

Дашкова называла годы, проведенные в Шотландии и Ирландии, самыми спокойными в своей жизни.

Сын обучается в знаменитом университете, а мать завязывает дружеские отношения со многими выдающимися людьми своего времени. Историки Уильям Робертсон (кстати, первый биограф Марии Стюарт) и Адам Фергюсон, физик Джозеф Блэк, экономист Адам Смит — вот круг ее друзей. «Я познакомилась с профессорами университета, людьми, достойными уважения благодаря их уму, знаниям и нравственным качествам. Им были чужды мелкие претензии и зависть, и они жили дружно, как братья, уважая и любя друг друга... Беседа с ними являлась неисчерпаемым источником познания».

Екатерина Романовна высоко ценила ту чистую нравственную атмосферу, которой ей довелось дышать среди своих новых друзей, столь отличную от атмосферы придворной.

Она беседует с учеными, ездит слушать ораторов, как всегда, много читает, пробует (и успешно) свои силы в композиции: в дублинской церкви исполняют ее музыку. Очевидно, концерт из произведений Дашковой состоялся и в Англии, в графстве Эссекс.

Сохранилось письмо великого Давида Гаррика, реформатора английской сцены, вернувшего своей родине Шекспира. Актер-реалист, он оценил в музыке Дашковой ее «патетическую простоту». Прекрасное определение! Оно в значительной мере характеризует и стиль «Записок».

«Мистлей, в Эссексе. 3 мая 1778 года.

Княгиня, душевно благодарю Вас за честь, которой Вы удостоили меня. Вчера лучший музыкант и превосходный композитор мастерски исполнил Ваше произведение. Небольшое собрание было в восторге; каждый чувствовал гармонию, прелесть и патетическую простоту Вашей пьесы. Ни малейшего пристрастия не было к Вашему званию, и, хотя музыкальный жюри критиковал Вас строго, за всем тем одобрение было единодушное; я боюсь, чтоб не сбылось пророчество одного из наших поэтов, что «Россия будет наставницей в искусствах для Британского острова».

Продолжайте, Ваше сиятельство, служить честью Вашей родины и украшением нашей; да послужит Ваша

чистая любовь к природе и простоте примером нашей сценической музыке, вокальной и инструментальной, поражающей слух, но не трогающей сердца. После этой официальной просьбы мне остается выразить личное желание — позволить пользоваться Вашим снисходительным расположением одному из самых преданных Ваших слуг.

Давид Гаррик.

Если б я был дома, я не замедлил бы раньше благодарить Вас»[40].

*

Наконец, весной 1779 г. курс обучения Павла Дашкова закончен.

Какой прием ждет ее и сына, новоиспеченного «магистра искусства» в Петербурге? Дашкова решает действовать осторожно. Обычно решительная и прямолинейная, она становится расчетливым, искусным дипломатом, когда речь идет о карьере сына. Екатерина Романовна пишет всесильному Потемкину и просит сообщить, на какое военное звание для сына может надеяться. Ответа нет... Продолжаются годы странствий.

Дашкова считала путешествие непременным элементом образования. Но познавательное, «умное путешествие», как она его называла. «Не забудь, что ты едешь не для одного удовольствия,— писала она в наставлениях сыну после окончания им университетского курса,— у тебя нет пустого времени, ты не избегаешь обязанностей общества, которое со временем потребует твоих услуг...»

Наставления сыну полны надеждой на то, что ему удастся осуществить ее несбывшуюся мечту — влиять на судьбу своей родины. Она пишет: «Тебе, конечно, известно, что из бесчисленного множества путешественников, проходящих большими дорогами Европы, едва ли один из тысячи путешествует при тех выгодных обстоятельствах, какими окружен ты. Умей же оценить их...

Главная вещь... состоит в том, чтобы не упускать ни одного удобного случая для приобретения знания и не забывать, что ты иноземец, мимоходом посещающий чужую страну... У путешественника должны быть постоянно открыты и глаза и уши, потому что сцена изменилась, и размышление, вызванное ею, исчезает вместе с ней.

Предметы твоего наблюдения так разнообразны и многочисленны, что я укажу тебе только некоторые главные. Сюда относятся свойство и форма правления, законы, нравы, влияние, народонаселение, торговля, географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства, действительные и мнимые средства общественного кредита, подати, пошлины и различные условия различных сословий. Эти исследования достойны внимания философа, и ни один путешественник не должен пренебрегать ими, если только он не хочет остаться тупым и бессмысленным зрителем всех этих явлений, не способным ни к умственному, ни к нравственному совершенству...

Исполнив условия твоего путешествия, ты... запасешься всегда нужными и неоценимыми сокровищами, которые пригодятся тебе в кругу семейной жизни, в уединении, на старости лет, на случай дряхлости,— это будет личная твоя польза. С тем вместе из тебя образуется полезный член общества, потому что, сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего отечества, стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что найдешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны» [41].

Она заканчивает письмо сыну предостережением — воздерживаться от оскорбительных сравнений, от резкой критики чужих нравов, обычаев и в особенности религий.

Дашкова путешествует по Англии, Голландии, Бельгии, Франции, Италии...

В Лейдене, где Екатерина Романовна останавливается на несколько дней, чтобы познакомиться с университетом, основанным еще в XVI в. Вильгельмом Оранским, и знаменитым хранилищем древних рукописей, она неожиданно встречается со старым своим недругом Григорием Орловым.

Во время следующей их встречи, уже в Брюсселе, произошел случай, который характеризует нравы галантного «осьмнадцатого столетия».

Увидев, что молодой Дашков очень красив, Орлов предлагает свою протекцию: он берется сделать юного князя новым фаворитом императрицы. «Эта странная речь заставила меня сожалеть, что сын при ней присутству-

ст...» Нелепый разговор стоил Екатерине Романовне много волнений: она очень беспокоилась, чтобы слух о нем не дошел до Потемкина...

Годы не утолили «безжалостную наблюдательность» Дашковой и не укротили ее энергию.

В окрестностях Брюсселя она составляет гербарий из растений, не виданных ею в России. В Париже она проводит время в обществе Дидро («он встретил меня с прежним радушием»), математика Д'Аламбера, историка Рейналя («...не сомневаюсь, что Ваш прием по возвращении в Россию будет так же лестен, как и во всех частях Европы... Чем больше я читаю историю, чем глубже всматриваюсь в наш век, тем больше убеждаюсь, что Вы выше его»,— писал Рейналь Дашковой» [42]).

Ученик Д'Аламбера дает ее сыну уроки математики. Гудон, автор скульптурных портретов Вольтера и Франклина, делает ее бронзовый бюст.

От Дидро Дашкова узнает, что в Париже находится Фальконе, автор Медного всадника, и тотчас приглашает его к себе... Прославленный балетмейстер Гардель обучает ее сына и дочь танцам, и Мария-Антуанетта, встретившись с Екатериной Романовной «запросто» в доме графини Полиньяк (французской королеве очень хотелось познакомиться с Дашковой, но та ехать в Версаль отказалась), делает комплименты Павлу и Анастасии по поводу их танцевального искусства (сама королева в ту пору уже не танцевала: во Франции дамам «из общества» это разрешалось только до 25 лет).

В 1781 г., так и не дождавшись ответа из России, Дашковы направляются в Швейцарию, где Павел изучает «науку военной фортификации», а оттуда — в Италию: Турин, Генуя, Милан, Пиза, Рим, Неаполь...

Интересно, что, неутомимо осматривая все достопримечательности этих городов и знакомя с ними сына и дочь, Дашкова не разрешала Павлу ни на один день прерывать занятия.

За книги обычно садились около 8 часов утра, после легкого завтрака, и читали все трое, попеременно. Когда спадала жара, шли или ехали изучать памятники архитектуры и сокровища музеев. По вечерам у Дашковых нередко собирались художники. Сын изучал живопись и гравировальное искусство. Екатерина Романовна тоже проводила вечера за мольбертом или с резцом в руках.

Дашкова поднимается на Везувий. Осматривает развалины Геркуланума и Помпей, советует королю очистить эти города от пепла и лавы и превратить в музей.

Она беседует с папой и одобряет его план создания Ватиканского музея. Бесстрашно осматривает инфекционный госпиталь, не забыв опрыскать уксусом платье — свое и своих спутников, и тут же шлет Екатерине его описание.

Страницы «Записок», посвященные итальянским городам, памятникам архитектуры, скульптурам и картинам, говорят не только о наблюдательности и тонком вкусе Дашковой, но и о значительных ее познаниях в истории искусства.

Наконец, приходит долгожданный ответ из России — милостивое письмо Екатерины. Должно быть, это.

«Петербург, 22 дек. 1781 года.

Княгиня, благодарю Вас за план и чертежи нового лаццарето, устроенного великим герцогом Тосканским и присланного Вами мне. С тем вместе с особенным удовольствием вижу, что Вы не только всегда занимаетесь благом Вашего отечества, но также ревностно преданы мне лично. Уверена, что теми же чувствами проникнуты Ваши дети, в которых я принимаю вдвойне живое участие, будучи любима обоими их родителями. Я приказала зачислить своего крестника в гвардию, в тот полк, который Вы предпочтете. Уверяя Вас в моем неизменном уважении, остаюсь искренно преданная Вам

Екатерина».

Можно возвращаться домой.

В 1782 г. Дашкова вернулась в Петербург. Была «милостиво принята».

Материальные свидетельства высокого расположения — поместье Круглое в Могилевской губернии, дом в Петербурге, дом в Москве...

Екатерина Романовна склонна приуменьшать свои новые богатства: и дом недостаточно хорош, и поместье разорено. Она подводит балансы, не забывает сообщить, какую сумму подарила отцу на покрытие его долгов. Считает «души», включая новорожденных младенцев, и ставит себе в заслугу, что не обратилась в сенат с требованием возместить ей 167 недостающих крестьян (умерших, очевидно, от голода — Дашкова права, когда пишет об особой нищете белорусских «казенных» земель) из значившихся по описи Могилевского поместья двух с половиной тысяч.

Даже трудно поверить, что страницы мемуаров, посвященные всем этим выкладкам, написаны вчерашней собеседницей Дидро и Вольтера! А между тем это так. И в этом сплаве просвещенности и ограниченности, прозрений и слепоты, некоторого даже нравственного величия и мелочности, бескорыстия и расчета — вся Дашкова. При всей безусловной незаурядности, при всем том, что она во многом опередила свое время, Дашкова помечена всеми его родимыми пятнами.

«Противоречив XVIII век. Однозначно оценивать людей того времени, их слова, дела и результаты их дел невозможно»,— пишет исследователь [1].

Первые месяцы на родине для Екатерины Романовны — полоса удач. Сын получает назначение и чин, о котором она так мечтала. Ей даже удается выхлопотать звание фрейлины для своей племянницы Полянской, дочери той самой «Романовны», которая была некогда счастливой соперницей Екатерины Алексеевны.

Все это было так давно! И так не страшны теперь Екатерине II обе сестры Воронцовы, и глупая, и ученая, такая дистанция отделила их за прошедшие 20 лет от вознесенной на вершину славы, сравниваемой с «солнцем в короне», Юноной, Минервой, Афиной Палладой, Семи-

рамидой (Вольтер), даже врагами своими прозванной «вечной счастливицей» (Фридрих II), самодержицей всероссийской, что почему бы ей и не позволить себе благородный жест! Она их так любила...

Дашкова снова в фаворе. За маленьким столом императрицы всегда поставлен для Екатерины Романовны куверт. Похоже, что государыне, действительно, «надоели дураки, окружающие ее», как, если верить «Запискам», сказал Дашковой князь Потемкин.

В начале 1783 г. Екатерина Романовна Дашкова назначена директором Петербургской академии наук.

Чем объяснить необычное по тем временам решение императрицы (Дашкова стала первой женщиной в России, занявшей государственный пост, не считая «коронованных особ»)?

Желанием быть оригинальной? Поддержать на Западе свою сильно пошатнувшуюся репутацию монархини, свободной от предрассудков? Стремлением обезопасить себя от новых причуд фантазерки Дашковой, дав ей должность, которая наконец удовлетворила бы ее тщеславие? Вряд ли можно свести решение Екатерины к подобным соображениям; если они и играли какую-то роль, то не главную...

Екатерина Алексеевна отлично умела «использовать кадры». Славой своей она в значительной мере обязапа была умению окружать себя талантливыми людьми. П. А. Румянцев, А. В. Суворов, Г. А. Потемкин, Н. И. Панин, А. А. Безбородко, А. Р. и С. Р. Воронцовы... Этот список можно продолжить. Понимание пользы, которую способен принести военачальник или дипломат, иногда побеждало даже личную неприязнь, как это имело место, например, в случае с Суворовым да и с Паниным.

Назначая Дашкову директором Академии, Екатерина II также, несомненно, руководствовалась соображениями пользы дела.

Дашкова не была ученым. Но она была образованной женщиной, искренне почитавшей науку. Екатерина ценила это «любление наук», которое еще великий Ломоносов считал непременным для главы Академии [2]. Немалую роль играли и личные контакты Екатерины Романовны со многими иностранными учеными, и присущее ей чувство национального достоинства — неприязнь к модному тогда «чужебесию», и ее хозяйственность, и ее не-

дюжинная энергия, и неизменная ее преданность давним мечтам обеих Екатерин о распространении русского просвещения. Екатерина Алексеевна умела вспомнить о них в нужную минуту с такой обезоруживающей неофициальностью!

Дашкова согласилась занять пост директора не без колебания и оговорок. Впрочем, соответствующий указ был передан в сенат еще до получения ее согласия: Екатерина II в нем не сомневалась.

«Я очутилась запряженной в воз, совершенно развалившийся...» Дашкова имела все основания написать так.

Молодая Петербургская академия переживала трудную пору. Смерть Ломоносова в 1765 г., реакционные меры самодержавия после разгрома Пугачевского восстания, в частности резкое сокращение ассигнований на нужды просвещения,— все это сильно дезорганизовало научную, а особенно учебную, деятельность Академии. (По замыслу Ломоносова, Академия должна была стать не только средоточием научной жизни страны, но и центром подготовки отечественных научных кадров. При ней открылись академическая гимназия и академический университет — «два департамента суть наинужнейшие к приращению наук в отечестве». В конце 70-х годов они пришли в полный упадок. Директор Академии, камергер С. Г. Домашнев, признавался в 1777 г., что академическая гимназия пребывает в «жалостливом и развратном состоянии».)

Президентом Академии считался К. Г. Разумовский. Назначенный на свой высокий пост в возрасте 18 лет, он занимал его целых полстолетия. Графа, гетмана малороссийского, генерал-фельдмаршала Разумовского дела Академии не интересовали. Но лицо он был неприкосновенное: брат любимца Елизаветы Петровны и участник переворота 1762 г., командир измайловцев, чья поддержка обеспечила Екатерине успех. В связи с этим была установлена должность директора, который по существу и являлся президентом (не случайно в старых исторических сочинениях Дашкову часто именуют «председателем» Петербургской академии наук).

До Дашковой эту должность занимал младший из всесильных Орловых — Владимир Григорьевич, а позднее его ставленник С. Г. Домашнев, вызвавший столь громкое возмущение академиков откровенным неуважением к науке

и разбазариванием академических средств, что пришлось создать специальную комиссию, которая должна была заниматься разбором академических дел.

Назначение Е. Р. Дашковой сопровождалось ликвидацией комиссии, а также разрешением обращаться по всем вопросам непосредственно к императрице (Екатерину Романовну известил об этом официальным письмом статс-секретарь Безбородко). Дашкова сразу же получила бо́льшие полномочия, чем ее предшественники.

Нет, ни в коей мере не уничтожалась и не ослабевала унизительная опека двора над Академией. Напротив. Но бюрократический аппарат, стоявший между ними, несколько упрощался — административные дела могли теперь решаться быстрее. Ведь даже великий Ломоносов, убежденный, что в Академии «вся власть и управление... должны быть переданы профессорскому собранию», учитывая реальные обстоятельства российской действительности, приходил к выводу, что президентом Академии должен быть «человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы» [3]. Дашкова получила этот свободный доступ.

И вот Екатерина Романовна впервые переступила порог Петербургской академии наук, чтобы занять председательское место на ученой конференции.

Первый шаг нового директора строго продуман. Еще утром этого дня Екатерина Романовна едет к знаменитому математику Леонарду Эйлеру, в течение ряда лет не посещавшему заседаний из-за возмущавших его порядков. Она обещает не беспокоить его впоследствии и упрашивает поехать с ней единственный раз.

Дашкова входит в залу, где собрались все академики, профессора и адъюнкты, вместе с великим слепцом, которого ведут под руки сын и внук,— как бы под покровительством самой Науки.

«Я сказала им, что просила Эйлера ввести меня в заседание, так как, несмотря на собственное невежество, считаю, что подобным поступком самым торжественным образом свидетельствую о своем уважении к науке и просвещению».

Она произносит свою краткую вступительную речь стоя и намеревается уже сесть, когда обнаруживает, что место рядом с председательским, т. е. первое место, по праву принадлежащее Эйлеру, собирается занять некий

«профессор аллегории», бездарный, но в больших чинах (Дашкова острила, что и научные его знания, и сам он — только аллегория). «Сядьте, где вам угодно,— обращается она тогда к Эйлеру,— какое бы место вы ни избрали, оно станет первым с той минуты, как вы его займете».

К тому времени, когда Дашкова стала директором, Петербургская академия наук существовала немногим более полувека.

Революция в химии, физике, географии, астрономии, геологии, металлургии и других областях, связанная в России с деятельностью М. В. Ломоносова, успехи русской математической школы, открытия русских путешественников, изучивших и описавших Сибирь, Камчатку, Поволжье, Кавказ и Юг России, появление замечательных для своего времени «Атласа Российского», «Российского географического лексикона», планов Петербурга и Москвы, капитальных исторических трудов — таковы были достижения русской науки к началу 80-х годов XVIII в.

Молодая Академия наук проделала за короткий срок огромный труд по изучению и описанию природных богатств страны.

Перед пораженными читателями в России и за ее рубежами впервые предстала страна обильная и столь обширная, что над нею, по словам Ломоносова, «солнце целую половину своего течения совершает и в которой каждое светило, восходящее и заходящее, во едино мгновение видеть можно» [4].

Но если достижения науки были чрезвычайно значительны, то для распространения их в стране, для их практического применения в экономике России и для просвещения русского общества почти ничего не делалось.

Между собственно академической деятельностью и запросами русского хозяйства существовала стена.

Дашкова пытается расшатать эту стену.

Впервые после кончины Ломоносова в стенах Академии звучат слова о том, что наука должна отвечать жизненным, практическим потребностям страны.

В последней трети XVIII столетия передовые русские ученые вели борьбу за возвращение академической жизни к тем нормам, которые предусматривались создателями Академии и оказались утраченными в послепетровскую, особенно бироновскую, эпоху. Директор Академии

Дашкова в меру сил поддерживала эту борьбу. Так, она пыталась возродить роль Академической конференции — собрания академиков, оттесненной и подмененной Академической канцелярией. Одно из первых распоряжений нового директора — освобождение ученых от опеки этого бюрократического учреждения. По решению Дашковой через канцелярию проходили только приказы, относившиеся «до исправления дел экономических, которые должны быть записываемы...»

«...Господа академики и адъюнкты никому иному не будут давать отчеты, как ее сиятельству г. директору или самой конференции»,— читаем в документе, сохранившемся в академическом архиве [5].

Дашкова была достаточно умна, чтобы понимать: она не может руководить наукой, возглавлять собственно научную работу Академии. Эта трезвость оценки своих возможностей, здравомыслие в сочетании с недюжинными администраторскими способностями помогли ей сразу занять на посту директора Академии достойную и плодотворную позицию.

В центре внимания Дашковой — академическое хозяйство, научно-просветительная и издательская деятельность.

Екатерина Романовна приводит в порядок запущенное хозяйство Академии столь же ревностно и с тем же тщанием, с каким некогда приводила в порядок свои собственные дела.

Она вникает во все. Самолично проверяет реестры книг и цены на книги, отчеты торговцев, качество шрифтов, количество израсходованной бумаги, счета мастеров: изготовителя типографского пресса, столяров... Многие из этих памятных бумаг сохранились в архиве Академии [6].

Случается, ее захлестывает хозяйственное рвение, и она вмешивается в то, во что вмешиваться не следовало бы. Она потребовала, например, чтобы ее указаниям следовал сам Дж. Кваренги, строивший в ту пору новое здание Академии. (В годы директорства Дашковой построены главное здание Академии наук и академический дом на 7-й линии Васильевского острова.) Она так досаждала знаменитому зодчему, что он будто бы перестал участвовать в строительстве, когда оно было еще в разгаре. К счастью, эти приступы «административного восторга» случались у Дашковой не часто.

Сэкономив благодаря четкому ведению академического хозяйства изрядную сумму, она просит у Екатерины разрешения открыть общедоступные курсы по основным отраслям наук. «А как чтение лекций на российском языке (подчеркнуто Е. Р. Дашковой.— *Л. Л.*) не только для студентов и гимназистов, но и для всех посторонних слушателей, кои допущаемы будут, кажется мне тем паче полезны, что науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится, то спрашиваю всемилостивейшего Вашего императорского величества повеления на отдачу из оной суммы 30 тысяч рублей в вечный капитал с тем, чтобы из процентной прибыли производить четверым русским профессорам за чтение таковых лекций на российском языке сверх настоящего их жалования» [7].

И вот ежедневно в течение четырех летних месяцев крупнейшие специалисты читают публичные лекции по основным отраслям наук: С. К. Котельников — математику, Н. Я. Озерецковский — естественную историю, Н. П. Соколов и Я. Д. Захаров — химию, В. М. Севергин — минералогию, А. К. Кононов и М. М. Гурьев — физику. Успех курсов был велик. «Я часто присутствовала при лекциях и с удовольствием видела, что ими пользовались для пополнения своего образования дети бедных русских дворян и молодые гвардии унтер-офицеры...»

Увлеченная новым начинанием, Екатерина Романовна передает В. М. Севергину свою любимую коллекцию минералов. Мы сказали бы сегодня: она заботится о наглядности лекционной пропаганды.

Уже в первой своей речи на заседании ученой корпорации Дашкова выражает надежду, что свет наук распространится из Академии по всему отечеству.

Заботясь о подготовке отечественных научных кадров, Дашкова спешит увеличить число учеников академической гимназии (она застает всего 27 учеников), не стесняется отослать «ввиду полной неспособности к наукам» шесть знатных оболтусов обратно к родителям. «...Кроме того, казна сберегла и деньги и время,— суховато комментирует Дашкова свои действия,— вместо них теперь 89 учеников, которые, смею утверждать, гораздо лучше накормлены, одеты и обучены, чем прежде» [8].

Сохранился своеобразный отчет Дашковой о первых годах ее директорства. В нем удивительно точно запечат-

лелась личность автора — ее деловой, лаконичный, энергичный стиль (см. приложение).

Только одно распоряжение в этом отчете касается не административно-хозяйственных дел, а непосредственно ученых. Оно также чрезвычайно характерно и для времени, и для Дашковой.

«Наблюдения и открытия, производимые внутри страны, сообщались за границу до их опубликования в России, и, к стыду Академии, там пользовались ими раньше, нежели у нас,— пишет Дашкова.

Я велела занести в журнал, что гг. академики не должны отныне сообщать подобные открытия за границу, пока Академия не извлекла из них славу для себя путем печати и пока государство не воспользовалось ими»[9].

Почти за 12 лет своего директорства Дашкова упорядочила академическое хозяйство, уплатила многочисленные долги Академии, значительно пополнила библиотеку, улучшила работу типографии, добилась составления карт ряда губерний, пополнила коллекцию минералов. Она способствовала организации множества ученых экспедиций в различные края России.

В годы ее директорства активизируется издательская деятельность Академии. По инициативе Дашковой Академия предпринимает первое издание сочинений Ломоносова с биографической статьей — «Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений» (ч. 1—6. СПб., 1784—1787).

Выходит вторым изданием «Описание земли Камчатки» (СПб., 1786) профессора естественной истории Степана Петровича Крашенинникова, вскоре переведенное на английский, немецкий, французский и голландский языки. Продолжают издаваться «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (ч. 1—4. СПб., 1771—1805). Расширяются картографические работы, продаются по сниженным ценам карты, «месяцесловы» — календари. Возобновляется выход «Академических известий». Основываются два периодических издания — «Собеседник любителей российского слова» и «Новые ежемесячные сочинения». Первое — литературно-художественный и исторический журнал. Второе — издание

просветительское, ставящее своей целью «общедоступное изложение научных истин», печатание «всех рассуждений, какие только к приращению человеческих знаний способствовать будут»,— иначе говоря, научно-популярный журнал.

Немногочисленные авторы, писавшие о Дашковой, не забывали отметить ее плохой характер — неуживчивость, пристрастность: не оценила гениального механика-самоучку И. П. Кулибина, невзлюбила талантливого В. Ф. Зуева, участника экспедиции Палласа, ссорилась с Дж. Кваренги... Но каков бы ни был в те годы ее характер, особой воли она ему не давала. «Вспышки самоуправства проявлялись у Дашковой весьма редко и исчезали довольно скоро»,— пишет историк Академии М. И. Сухомлинов, высоко ценивший ее деятельность [10].

Резкая и непримиримая по отношению ко всем, кто добивался почета не по научным заслугам, а по чинам и связям, Дашкова, как правило, была чрезвычайно тактична в отношениях с академиками и адъюнктами, деятельность которых представлялась ей направленной к чести и славе отечественной науки. Она пытается укоренить в академической жизни принцип равноправия, коллективной ответственности всех за судьбы Академии и строгой отчетности каждого в отдельности за свое дело. Здесь она не допускает ни малейших поблажек и для себя лично. Протоколы общих собраний Академии — для нее святыня, она строго запрещает приносить их к себе домой, а в случае необходимости сама приходит в Академию и снимает с них копии. Между тем предшественник Дашковой, Домашнев, сплошь да рядом подолгу держал протоколы у себя дома, нередко и вообще терял их, а преемник ее, Бакунин, мог и просто-напросто разорвать документ, содержавший неугодное ему решение (протокол заседания от 28 апреля 1796 г. так и сохранился, по решению академиков, в архиве Академии наук в разорванном виде).

Дашкова ревниво оберегает достоинство Академии, требует разборчивости при назначении академиков, как действительных, так и почетных, вникает во все подробности академической жизни, следит за впечатлением, которое производит каждый ее шаг, и, по свидетельству Сухомлинова, не остается равнодушной даже к слухам, если они связаны с ее деятельностью.

«Персонально я многое снести могу, места же публичного никакого унизить и помарать собою не могу» — эти слова Дашковой помогают понять весь стиль поведения директора Петербургской академии наук, «нашего доблестного начальника», как величали ее академики.

«Я сосредоточила все свои способности на исполнении обязанностей звания, в которое угодно было меня облечь Вашему величеству, и потому не могу бояться самой строгой проверки моего управления»,— докладывала Дашкова Екатерине II [11].

*

30 октября 1783 г. появился указ об учреждении Российской академии и назначении Дашковой ее председателем, что было увековечено в приличествующих событию виршах.

А ты, сотрудница писателей почтенных,
Честь пола твоего, свершай толь славный путь,
Любительница муз, тебе препорученных,
Участвуй в лике их и им красою будь:
Чудесное в сей век и новое явленье
В тебе, о Дашкава, ученый видит свет;
Минерва наших дней, гоня предрассуженье,
Достоинствам твоим награду подает [12].

А вот другое стихотворение «Ея сиятельству княгине Е. Р. Дашкавой». (Оно подписано инициалами М. Х. Нетрудно их расшифровать: Михаил Херасков.)

Призывающему гласу
Я последовать хощу,
Ко священному Парнасу
Прежнего пути ищу.
Сладко мне повиноваться
Председательнице муз.

. . . . . . . . . . . . . . .

Кто российской громкой славы
Не удобен в рог звучать,
Тот испорченные нравы
Постарайся обличать...
Пойте, росски музы, пойте,
Есть наперсница у вас;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Вверен Дашкавой Парнас [13].

На «вверенном ей Парнасе» Дашкова распоряжалась страстно, увлеченно и деловито.

Ведь ей принадлежала идея организации Российской академии, она создала устав этого учреждения, сыгравшего в истории русской словесности немаловажную роль.

Если Петербургская академия объединяла в основном представителей точных наук, то Российская академия была задумана как центр наук гуманитарных. (Впоследствии оба эти научные учреждения объединились: Российская академия влилась в Академию наук — в 1841 г. она была преобразована во второе отделение Академии наук, затем в Отделение русского языка и словесности.)

Российской академии «надлежало возвеличить российское слово, собрать оное в единый состав, показать его пространство, обилие и красоту, поставить ему непреложные правила, явить краткость и знаменательность его изречений и изыскать глубочайшую его древность»,— пишет один из ее постоянных сотрудников, первый непременный секретарь Российской академии Иван Иванович Лепехин, помощник и бессменный заместитель Е. Р. Дашковой [14].

В 7-й части «Собеседника любителей российского слова» (журнал издавался частями, а не номерами, сроки выхода этих частей бывали довольно неопределенны) мы находим статью, чрезвычайно характерную для взглядов Дашковой — в ней чувствуется влияние Ломоносова.

«Российский язык красотою, изобилием, важностью и разнообразными родами мер в стихотворстве, каких нет в других, превосходит многие европейские языки, а потому и сожалительно, что россияне, пренебрегая столь сильный и выразительный язык, ревностно домогаются говорить или писать несовершенно, языком весьма низким для твердости нашего духа и обильных чувствований сердца. В столичных городах дамы стыдятся в больших собраниях говорить по-российски, а писать редкие умеют... До какого бы цветущего состояния довели россияне свою литературу, если бы познали цену языка своего!..» [15]

Полна патриотического воодушевления, оптимизма и деловой энергии «Речь, говоренная при открытии императорской Российской академии октября 21 дня 1783 г. председателем сей Академии княгинею Екатериною Романовною Дашкавою, ее императорского величества статс-дамою, императорской Академии наук директором, ордена

святой Екатерины кавалером, стокгольмской королевской Академии наук и Санкт-петербургского вольного экономического общества членом».

Вот она — с некоторыми сокращениями. Характерный документ своего времени, эта речь, как и все, к чему прикасается Дашкова, несет на себе явственный отпечаток ее личности, хоть и не «по-дашковски» витиевата.

Как всегда, когда ей предстояло публично говорить, Екатерина Романовна страшно разволновалась, «вплоть до спазм», потом овладела собой и взошла на кафедру.

«Государи мои!

Новый знак попечительного о нашем просвещении промысла всеавгустейшей нашей монархини — вина настоящего нашего собрания. Содетельница толиких наших благ дает ныне новое, отличное, покровительство и российскому слову, толь многих языков повелителю... Вам известны обширность и богатства языка нашего; на нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндара лира не теряют своего достоинства; тончайшие философические воображения, многоразличные семейственные свойства и перемены имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи; однако при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речениям и непременного словам знаменования. Отсюда происходили разнообразность, в сопряжении слов несвойственные, или паче обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных; учреждением сей императорской Российской академии предоставлено усовершить и возвеличить Слово наше...

Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцев наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнениям нашим обширное поле...

Знаменитые деяния предков наших, а наипаче славный век Екатерины II, явят нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века; сие равномерно, как и сочинение грамматики и словаря, да будут первым нашим упражнением...

Позвольте мне, государи мои, быть благонадежной, что вы не сомневаетесь в истинном моем признании той чести, кою я, по благоволению монаршему, имею с вами в сем полезном для отечества учреждении сотовариществовать. Будьте уверены, что я всегда гореть буду беспредельным усердием, истекающим из любви моей к любезному отечеству, ко всему тому, что всему нашему обществу полезно быть может, и что неусыпною прилежностию буду стараться заменить недостатки моих способностей... Я не имела в виду и не надеялась на себя, не льстилась такое полезное и славное учреждение быть в состоянии основать; в помощи ж вашей надежду свою полагаю и тем самым желаю искреннее свое к вам почтение засвидетельствовать» [16].

Итак, Дашкова называет главную цель этого «полезного для отечества учреждения» — составление русской грамматики и словаря русского языка. Она указывает в своей речи, что академики должны также заниматься изучением памятников отечественной истории и увековечить в произведениях знаменитые события как минувшего, так и настоящего времени.

Почти все члены Российской академии избирались по непосредственной рекомендации президента.

Дашковой удается объединить вокруг этого молодого учреждения весь цвет тогдашней русской интеллигенции: писателей, образованных духовных лиц, государственных деятелей. Членами Российской академии были ученые — С. Я. Румовский, А. П. Протасов, С. К. Котельников, писатели — Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин. (В XIX столетии членами Российской академии станут И. А. Крылов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин...)

Более 11 лет Дашкова прилагала всю свою кипучую энергию к тому, чтобы «российское слово вычищалось и процветало».

Из 364 заседаний Российской академии, падающих на годы, когда Дашкова была президентом, две трети прошли под ее личным председательством.

В Петербургской академии наук проявлялись административные таланты Е. Р. Дашковой, в Российской академии раскрылись ее творческие дарования.

Здесь она не только организатор, но и душа всех начинаний. Она принимает деятельное участие в составле-

нии и издании «Словаря Академии Российской, производным порядком расположенного» — этот словарь, как известно, высоко ценил Пушкин.

То был для своего времени труд действительно выдающийся. Существенно, что в словарь входили научные и технические термины, которыми обогатили язык Ломоносов и ученые его школы; сочинения Ломоносова были одним из основных источников словаря.

Для этого первого толкового словаря русского языка Дашкова собирает слова на буквы «ц», «ш», «щ», дополняет собранное на многие другие буквы и объясняет ряд понятий, имеющих, как она выражается, «отношение к нравственности, политике и управлению государством».

«Просвещенная часть общества отдавала мне справедливость и сознавала, что учреждение русской академии и быстрота, с которой двигалось составление первого у нас словаря, стояла в зависимости от моего патриотизма и моей энергии. Но придворная партия находила, что словарь, расположенный в словопроизводном порядке, очень неудобен...» («придворная партия», которую Дашкова справедливо противопоставляет просвещенной части общества, была занята изъявлением восторгов по поводу словаря, который в пику Дашковой затеяла сама императрица).

Когда Дашковой давно уже не было на свете, в январе 1836 г. состоялось очередное заседание Российской академии. Отчет об этом заседании оставил нам А. С. Пушкин. Непосредственно с нашей темой связана высокая оценка в этой статье деятельности Российской академии и академического словаря.

«...Екатерина II основала Российскую академию в 1783 году и повелела княгине Дашковой быть председателем оной.

Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинуясь ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехе начатого труда и, несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы *Н*, сказала однажды с видом некоторого нетерпения: *все Наш да Наш!* когда же вы мне скажете: *Ваш*? Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицын: что сло-

варь? отвечали ей, что Академия дошла до буквы *П*. Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора было бы *Покой* оставить.

Не смотря на сии шутки, Академия должна была изумить государыню поспешным исполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течение шести лет. Карамзин справедливо удивляется таковому подвигу. «Полный Словарь, изданный Академиею,— говорит он,— принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями» [17].

После слов «в течение шести лет» Пушкин делает примечание: «Французская Академия, основанная в 1634 гои с тех пор беспрерывно занимавшаяся составлением своего словаря, издала оный не прежде, как в 1694 году. «Словарь обветшал, пока еще над ним трудились,— говорит Вильмен.— Стали его переделывать. Прошло несколько лет, и все еще Академия пересматривала букву *А*. Деятельный Кольбер, удивлявшийся таковой медленности, приехал однажды в собрание Академии. Разбирали слово Ami (друг.— *Л. Л.*). Но были такие споры о точном определении оного; рассуждали с такой утонченностию о том, что в слове Ami предполагается ли светская обязанность, или сердечное отношение; чувство разделенное, или одно наружное изъявление, или усердие без вознаграждения, что министр, у коего при дворе так много было друзей, признался, что он более уж не удивляется медленности и затруднениям Академии».

*

Еще в большей мере раскрылись творческие дарования Дашковой в журнале «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей». Он возник несколько раньше Российской академии, издавался «иждивением императорской Академии наук». И все же «Собеседник» может быть охарактеризован как орган Российской академии: они «совпадают по мысли, произведшей их» (Добролюбов).

На титульном листе — изображение Минервы на облаке. В последней трети XVIII в. богиня мудрости Минер-

ва имела прочную российскую «прописку»: это устоявшееся аллегорическое изображение Екатерины II.

В предуведомлении сообщалось: «Сие собрание разных сочинений в стихах и в прозе некоторых любителей российского слова издается по желанию нынешнего Академии наук директора ее сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая почитает нужным не только пещись по долгу звания своего о приведении наук в России в цветущее состояние, но и стараться о доставлении публике хороших российских сочинений... Польза, от сего происходящая, ощутительна как в рассуждении российского слова, так и вообще в рассуждении просвещения» [18].

Читатели предупреждались о том, что в «Собеседнике» будут печататься только произведения российских авторов (у Академии существовали специальные фонды для переводов и издания переводной литературы — она немало сделала и в этом направлении) и что «желающие сделать честь помещением своих трудов сему «Собеседнику»... благоволят присылать труды свои к ее сиятельству княгине Е. Р. Дашковой...»

Об участии в журнале Екатерины II официально объявлено не было. Вскоре, однако, выяснилось, что Минерва на облаке — не только высокий покровитель, но и деятельный соучастник издания.

Цели, которые преследовала Екатерина II, сотрудничая в «Собеседнике», очевидны: направлять общественную мысль, подчинить ее интересам самодержавия. Цензура извне перемещалась внутрь журнала.

Разве не охранительным задачам были подчинены в конечном счете и официально разрешенное «свободоязычие», и дозволенная критика «испорченности нравов» — дурных характеров, мотовства, супружеских измен и прочей чепухи, даже отдаленно не касавшаяся того, что составляло подлинную трагедию России — самодержавно-крепостнического строя, который осмеливались же критиковать сатирические журналы 70-х годов — новиковские «Трутень» и «Живописец»! (В «Живописце» был, в частности, напечатан «Отрывок из путешествия *** И. Т.», где автор — по мнению ряда исследователей, Радищев — обрушивается на крепостное право.)

Добрую половину «Собеседника» занимали анонимные сочинения самой Екатерины II — сатирические очерки

«Были и небылицы», «Записки касательно российской истории», давно уже по достоинству оцененные как псевдоисторические, ответы Фонвизину... Статьи на политико-просветительные темы Екатерина считала своей монополией, что довольно скоро уменьшило интерес читателей к журналу.

Произведения Дашковой, печатавшиеся здесь, известны мало. А между тем они заслуживают внимания.

Принято считать, что за два года существования «Собеседника» Дашкова опубликовала в нем около десяти статей. Должно быть, их несколько больше. Но дело не в количестве, как даже и не в разнообразии жанров, в которых проявлялся несомненный ее литературный дар (Дашкова выступала и как прозаик, и как поэт).

«Эти статьи,— писал Добролюбов о дашковских, противопоставляя их сочинениям императрицы,— сильно вооружают против того, что вообще есть низкого, гадкого в человеке и что особенно распространено было в некоторых слоях русского общества того времени,— против двоедушия, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, обмана, презрения к человечеству... Через семьдесят лет еще можно угадывать правдивость, меткость, благородную энергию этих заметок...» [19]

Добролюбов иллюстрирует свою мысль, цитируя «Послание к слову „*так*“».

Напечатанное без подписи, вслед за открывающей журнал державинской одой «К Фелице» и юношеским четверостишием Дашковой «Надпись к портрету Екатерины II» (оба тоже без подписи), оно было программным для того критического направления, которое стремилась утвердить в журнале директор Академии.

В «Послании» чередуются стихи и проза. То и другое — свидетельство литературной одаренности автора, хоть и несвободно от дидактизма; впрочем, он был свойствен многим созданиям литературы той поры, заслуживившим и бóльшую известность.

Дашкова ополчается здесь на невежд, льстецов и подхалимов, на «такальщиков», готовых соглашаться с любым вздором, ежели вздор этот несут господа.

Лишь скажет кто из бар: «Учение есть вредно,
Невежество одно полезно и безбедно»,
Тут все поклонятся — и умный и дурак —

И скажут, не стыдясь: «Конечно, сударь, так».
А если молвит он, что глуп и Ломоносов,
Хоть славный он пиит, и честь, и слава россов,
Тут улыбнется всяк
И повторит пред ним: «Конечно, сударь, так».

В прозаическом выводе автор еще более заостряет свою мысль: «*Так* на все, что большой господин ни скажет, есть раболепствие».

Но кто же это «раболепствие» создает и поощряет? Дашкова и здесь не ищет ласкающих слух выражений: «такальщиков» слушают подлецы.

Но самые и те, которым потакают,
Не лучше чувствуют, не лучше размышляют.
Кто любит таканье и слушает льстеца,
Тот хуже всякого бывает подлеца [20].

Дашкова не случайно столь негодует против «таканья». Она усматривает в нем некую циничную жизненную позицию, чрезвычайно ей противную: льстецы и «такальщики» отлично понимают, что криводушничают, да этак жить удобней, легче «приобресть себе и честь, и счастие неложно от знатнейших господ, от них срывать скорее по чину всякий год».

Любопытно, что «Послание» не осталось без ответа. Оно подписано: «Слово „*так*“».

«...Видите Вы, госпожа сочинительница послания ко мне, какую Вы себе беду приуготовляете Вашими сочинениями; превеликая толпа разного рода людей на Вас гневается. Однако ж прошу гнева их не опасаться, я их весьма коротко знаю. ...Продолжайте, милостивая государыня, защищать добродетель и осмеивать пороки, пренебрегая ворчание завистников, глупости и подлости...» [21]

Императрица вроде бы поощряла «госпожу сочинительницу» к критическим выступлениям, да только то были слова — в действительности отношения осложнялись.

Одна из основных тем «Собеседника», и Дашкова, несомненно, задает здесь тон,— борьба с французоманией — «мартышеством французским», «французским воспитанием».

«Причина этого настойчивого преследования,— писал Добролюбов,— объясняется отчасти тем, что тогдашнее

волнение умов во Франции грозило многим и в политическом отношении, отчасти же и тем, что княгиня Дашкова, понимавшая истинную сущность дела, естественно, должна была негодовать, видя, как русские люди, знакомясь с литературой и нравами Франции, перенимали самое пустое, самое глупое, самое ничтожное, не обращая внимания на то, что составляло действительное сокровище, что могло в самом деле образовать и облагородить человека».

Охранительным мерам Екатерины II против проникновения в Россию идей революционной Франции критик противопоставляет борьбу Дашковой и многих передовых людей того времени (вспомним Фонвизина, автора «Бригадира») против французомании русского вельможества.

«...Нельзя не отдать чести «Собеседнику» по крайней мере за то, что он понял нелепость этого положения и старался выводить на общее посмеяние как упорное старинное невежество, так и пустоцвет французской цивилизации, столь дурно усвоенной у нас тогдашними молодыми людьми...» [22]

Добролюбов называет здесь обе проблемы, многажды обдуманные Дашковой: необходимость усвоения передовой европейской культуры и бессмысленность поверхностного копирования внешних ее примет.

Во 2-й части «Собеседника» напечатана статья Е. Р. Дашковой «О смысле слова „воспитание“». Вот характерный отрывок.

«...Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб через воспитание наше мы не походили на россиян... Тогда танцмейстеры, французские учители или *мадамы*, по их мнению, все воспитание совершали... Воспитание сие не только не полезным, но и вредным назваться может... Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове «воспитание», прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, окроме веселия, без рассудка, без нужного примечания и погружая себя в Париже или Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом... и кошельком домой беспоправочны возвращаются. Не в поле, не в совете или служении отечеству они себя от-

личить... хотят; танцы, клавикорды или скрипка, разговоры о театрах... вот благородное и пространственное поле, которое наши дети выбрали и на котором отличиться желают». Настоящее же воспитание, как считает автор статьи, должно состоять из физического, нравственного и школьного, причем нравственное, по мнению Дашковой, заключается в том, чтобы «вкоренить в сердце воспитанника любовь к отечеству и правде, почтение к законам, омерзение к эгоизму и убеждение в той истине, что нельзя быть благополучным, не выполнив долгу звания своего» [23].

«Долг звания своего» сама Е. Р. Дашкова всегда выполняла ревностно. И в Академии наук, и в Российской академии, и в «Собеседнике», особенно ей дорогом.

Дашкова сплотила вокруг «Собеседника» многих талантливых литераторов — в этом несомненная заслуга и ее, и соредактора журнала советника дирекции Академии О. П. Козодавлева. Здесь печатались Фонвизин, Капнист, Княжнин, Богданович и самый большой поэт допушкинской поры Г. Р. Державин; в «Собеседнике» увидели свет и «К Фелице», и «Видение Мурзы», и «Бог». Потому-то, продираясь сквозь славословия по адресу «российской Минервы» и исторические небылицы, и сегодня с увлечением листаешь его толстые коричневатые страницы...

И все же не удалось Дашковой воздействовать своим «Собеседником» на развитие «истинных понятий». Екатерина II глушила критическое направление журнала, даже то робкое, которое наметилось было поначалу.

Государыню не разгневало сатирическое описание расточительства, лености, чрезмерной роскоши ее двора в оде «К Фелице» Державина: ведь жизни вельмож противопоставлялись умеренность и добродетельная скромность самой Фелицы («Мурзам твоим не подражая, почасту ходишь ты пешком, и пища самая простая бывает за твоим столом...» и т. д.), да и названа она была здесь «богоподобной».

А вот уже на «Вопросы» Фонвизина сочинителю «Былей и небылиц», касавшиеся проводимой ею самодержавной политики, Екатерина отвечала с крайним раздражением. Когда Фонвизин — анонимно, конечно, — попытался поднять на страницах «Собеседника» острые проблемы, связанные с моральной и интеллектуальной деградацией правящего класса, Екатерина эти попытки реши-

тельно пресекла. Гневный окрик государыни привел к тому, что писатель отказался сотрудничать в журнале, и к очередным трениям между Екатериной и Дашковой.

Тщетно было бы искать в «Собеседнике» страницы, написанные рукой А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, критическое изображение не отдельных отрицательных явлений, а социальных порядков, их породивших, как и наивно ожидать реальных результатов от имевших место сатирических выступлений.

В статье «Русская сатира екатерининского времени», написанной Добролюбовым три года спустя после его юношеской работы о «Собеседнике» и свидетельствующей о значительной эволюции его взглядов, критик указывает на «печальную бесплодность» любой сатиры, которая «не находила возможности развивать свои обличения из этих простых положений — о вреде личного произвола и о необходимости для блага общества «общей силы закона», которою бы всякий равно мог пользоваться» [24].

Добролюбов приводит множество примеров подобной бесплодности. Вот лишь некоторые. Сатира обличала роскошь и мотовство, а «Потемкин и другие вельможи забирали из казны деньги целыми мильонами и сотнями тысяч бросали на танцовщиц и на брильянты...» Сатира обличала тех, кто не заботится об общем благе,— «в это самое время вводились откупа, народ истощался рекрутскими наборами... страдал от неурожая и дороговизны, бродил без работы, помирая с голоду целыми тысячами...» [25]

Любопытно, что, рисуя трагическую картину истощения России в «блестящий век» Екатерины II, Добролюбов в значительной мере опирается на исследования Александра Романовича Воронцова, ставшего при Александре I государственным канцлером.

«...Оно (царствование Екатерины.— *Л. Л.*) было, конечно, с большим блеском, особливо по внешним делам; большие приобретения сделаны, служащие и к безопасности России, и к лучшему составлению всей массы. Но нельзя не признать, чтоб сердце России почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено: к тому прибавились налоги, прежде еще зрелости своей, чтоб Россия могла оные без изнурения выносить... Роскошь, послабление всем злоупотреблением, жадность к обогащению и награждения участвующих во всех сих злоупотреб-

лениях довели до того, что люди едва ли уже не желали в 1796 году скорой перемены, которая по естественной кончине сей государыни и воспоследовала...»[26]

Может быть, Дашкова и не обладала государственными талантами своего брата, но по многим вопросам их взгляды совпадали. Взаимопонимание между ними с годами росло, и, может быть, на решение А. Воронцова принять предложенную ему Александром I должность государственного канцлера оказало влияние письмо сестры, где были такие слова: «Думаю, что Вас призовут к участию в восстановлении многострадальной Руси — полагаю по совести, что Вам не следует отказываться»[27].

Письмо это было написано в Троицком 18 марта 1801 г. Мы почти на два десятилетия ушли вперед от той поры, когда в Академии наук и Российской академии на ученых конференциях председательствовала женщина в глухом темном платье с орденской звездой, а нередко — и в тяжелой шубе, накинутой на плечи. В залах бывало холодно. Составляя «штатное расписание» Российской академии, Екатерина Романовна чуть ли не первыми назвала истопников: «...Необходимо... было иметь кассира и четырех инвалидных солдат для топки печей и ухода за домом...»[28]

*

«Доблестный начальник», «покровительница муз»... Казалось бы, годы свершений — счастливые годы. Они не были счастливыми.

Дашковой все давалось с трудом, с «беспокойством и хлопотами».

Она ссорится с генерал-прокурором А. А. Вяземским, чинившим препятствия в издании карт русских губерний — он «стал внушать мне отвращение к директорской деятельности» (и это в первые же ее «академические» месяцы). Она не ладит с фаворитом А. Д. Ланским и со сменившим его Зубовым. (Герцен писал: «Историю Екатерины II нельзя читать при дамах».) Спорит с самой Екатериной, отстаивая свою точку зрения на порядок расположения слов в словаре Российской академии, и добивается, собрав мнения академиков, того, что словарь издается по ее, а не по императрицыному плану. Довольно решительно редактирует материалы, присылаемые

Екатериной в «Собеседник», а иногда и позволяет себе громко критиковать их (Екатерина перестала присылать свои «Были и небылицы» в журнал).

Впрочем, если верить «Запискам», Екатерина Романовна отдавала себе отчет в том, что назначение ее в Академию приведет к новым осложнениям отношений с Екатериной II.

Так описывает она свои чувства той поры: «Смущенная и пораженная, я велела никого не принимать и... стала размышлять над беспокойством и хлопотами, которые доставит мне это место; что еще хуже — я предвидела, что между мной и императрицей возникнут неоднократные недоразумения» [29].

Эти предвидения оправдались спустя самое непродолжительное время. Должно быть, Дашкова чересчур всерьез взялась за дела. Екатерина Алексеевна этого не любила. Понимание того, что ее самостоятельность мнимая,— для Дашковой драма. «...Она больна, печальна и очень изменилась...— писала брату Елизавета Полянская,— может быть, к ней и вернется фавор, пошатнувшийся за последнее время» [30].

Она довольно скоро становится при дворе объектом шуток. Любой ее срыв (а с годами характер ее портится) делается предметом длительных обсуждений и насмешек. Она приказала зарубить соседских свиней, забравшихся к ней в сад и попортивших любимые ее цветы, и вот уже затевается в земском суде «следственное дело о зарублении... голландского борова и свиньи»; суд выносит постановление взыскать с княгини Дашковой 80 рублей штрафа и «объявить ее сиятельству, дабы впредь в подобных случаях от управления собой (т. е. самоуправства.— *Л. Л.*) изволили воздержаться», в чем она должна была дать расписку [31]. Надо думать, что Екатерина Романовна чересчур сурово была наказана за самодурство и не без оснований усматривала в этом «посрамление своей личности». Глупая история стала темой пьески Екатерины II «За мухой с обухом», где действуют Постредова и Дурындин. Правда, когда пьеса была написана, императрица решила изменить имена и, как свидетельствует статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий, выкинуть «хвастовство Постреловой о вояжах», что делало намеки слишком уж прозрачными.

«...Вы говорите, что я чересчур остро чувствую мелкие обиды, которые мне наносят... Пусть оставят меня в покое и пусть Ваши друзья не добавляют к оскорблениям, заставляющим меня страдать... Ни о чем не прошу, как только о том, чтобы служить без унижений, в противном случае откажусь от службы и покину родину. Я и 14 месяцев не останусь в стране после того, как брошу Академию,— вот почему все, что происходит теперь со мной, так меня расстраивает и рвет мне душу на части...» «...Не могу спокойно сидеть и ждать новых оскорблений и придирок — я их ничем не заслужила» [32].

Уже летом следующего года Екатерина Романовна «испросила трехмесячный отпуск». Везет свою любезную миссис Гамильтон, приехавшую к ней погостить, в Москву и в Троицкое («где мне так хотелось жить и умереть»). Ее приводит в восторг, что Гамильтон, англичанка, видевшая немало прекрасных парков своей родины, одобрила и ее сад (он «был не только распланирован мной, но где каждое дерево и каждый куст были посажены по моему выбору и на моих глазах»).

Однако, должно быть, тихие радости были Дашковой заказаны. «Зимой у меня было много домашнего горя, которое сильно расшатало мое здоровье». Речь шла об отношениях с детьми. С дочерью эти отношения разладились уже давно. Похоже, что Анастасия Щербинина была во всем противоположностью матери. Из переписки доходят обрывочные сведения о ее сумасбродствах, периодических разрывах с мужем, скандалах, мотовстве, долгах; она попадает под надзор полиции, под опеку... Дашкова писала по начальству, поручалась, выкупала, стращала. Разлад превращался в полное взаимное неприятие, столь неодолимое, что даже в годы ссылки мать и дочь не смогли ужиться вместе. Первое время Анастасия ходила к матери обедать, потом перестала.

Читая черновик завещания Дашковой, где Анастасия «отрешалась» от всего наследства, «движимого и недвижимого», и собственноручную приписку старой княгини, запрещавшую впускать к ней дочь даже для последнего прощания, слышишь голос, словно задыхающийся от ненависти. «...В дом мой, ей не принадлежащий, не пускать, а ежели предлог будет сказывать, что телу моему последний долг хочет отдать, то назначить ей церковь, где будет тело мое стоять» [33].

«Милосердный монарх», пристав, полиция — все призывались в исполнители этой воли. Какая мощь озлобления! И сколько, должно быть, за ним горя.

В случайном разговоре, от чужих людей узнает Екатерина Романовна о женитьбе сына. Павел Дашков женился на девушке незнатной, дочери приказчика, что для княгини было несомненным ударом.

Но, по ее словам, больше всего горя испытала она от недоверия сына: он прислал письмо с просьбой разрешить ему жениться, когда «весь Петербург» давно уже иронически обсуждал этот брак.

Краткое письмо Екатерины Романовны Павлу Михайловичу очень для нее характерно. «Когда Ваш отец собирался жениться на графине Екатерине Воронцовой, он поехал в Москву испросить разрешения на то своей матери; я знаю, что Вы уже женаты несколько времени, знаю также, что моя свекровь не более меня была достойна иметь друга в почтительном сыне».

Екатерина Романовна пыталась отвлечься от семейных неприятностей деятельностью в обеих Академиях. Получался действительно заколдованный круг. Мелькали и мысли о самоубийстве, и однажды Дашкова напомнила Екатерине знаменитый афоризм из «Новой Элоизы» Руссо, пленивший ее еще в детстве («...Я тогда уже любила храбрость»): «Не надо бояться смерти: когда мы есть — ее нет, когда она есть, нас нет». (Они сходятся в оценке Руссо: «очень опасный автор... горячие молодые головы воспламеняются».)

Дашкова не понимала и не любила Руссо. Екатерина поняла и испугалась. До России доносились громовые раскаты великой революции во Франции. И как следствие их с конца 80-х годов в России начинается резкая правительственная реакция.

Не только Радищев, Княжнин, Новиков, опасной представляется теперь Екатерине II и Дашкова с ее либерально-просветительной деятельностью, с ее гордыней, с ее негибкостью — поразительным, почти комичным для пожилой дамы нежеланием отказаться от прекраснодушных юношеских фантазий.

«Между тем пришла и Французская революция. Екатерина, состарившаяся, износившаяся в разврате, бросилась в реакцию. Это уже не заговорщица 27 июня... не петербургский корреспондент Вольтера, не переводчик

Беккариа и Филанжери, разглагольствующий... о вреде цензуры и о пользе собрания депутатов со всего царства русского. В 1792 г. мы в ней находим старуху, боящуюся мысли, достойную мать Павла... и как бы в залог того, что дикая реакция еще надолго побьет все ростки вольного развития на Руси, перед ее смертью родился Николай; умирающая рука Екатерины могла еще поласкать этот страшный тормоз, которому было назначено скомандовать «баста» петровской эпохе и тридцать лет задерживать путь России,— писал Герцен.

Дашкова, аристократка и поклонница английских учреждений, не могла сочувствовать революции; но еще менее могла она разделять лихорадочную боязнь слова, рукоплескать наказаниям за мысль. Екатерина испугана брошюркой Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву».— *Л. Л.*); она видит в ней «набат революции». Радищев схвачен и сослан без суда в Сибирь. Брат Дашковой — Александр Воронцов, любивший и покровительствовавший Радищеву, вышел в отставку и уехал в Москву. Черед за Дашковой» [34].

«Меня опечалила судьба Радищева и еще более судьба брата»,— признается Екатерина Романовна. И все же в «Записках» это всего лишь «один молодой человек», который служил в Коммерц-коллегии под началом ее брата Александра и страдал «писательским зудом».

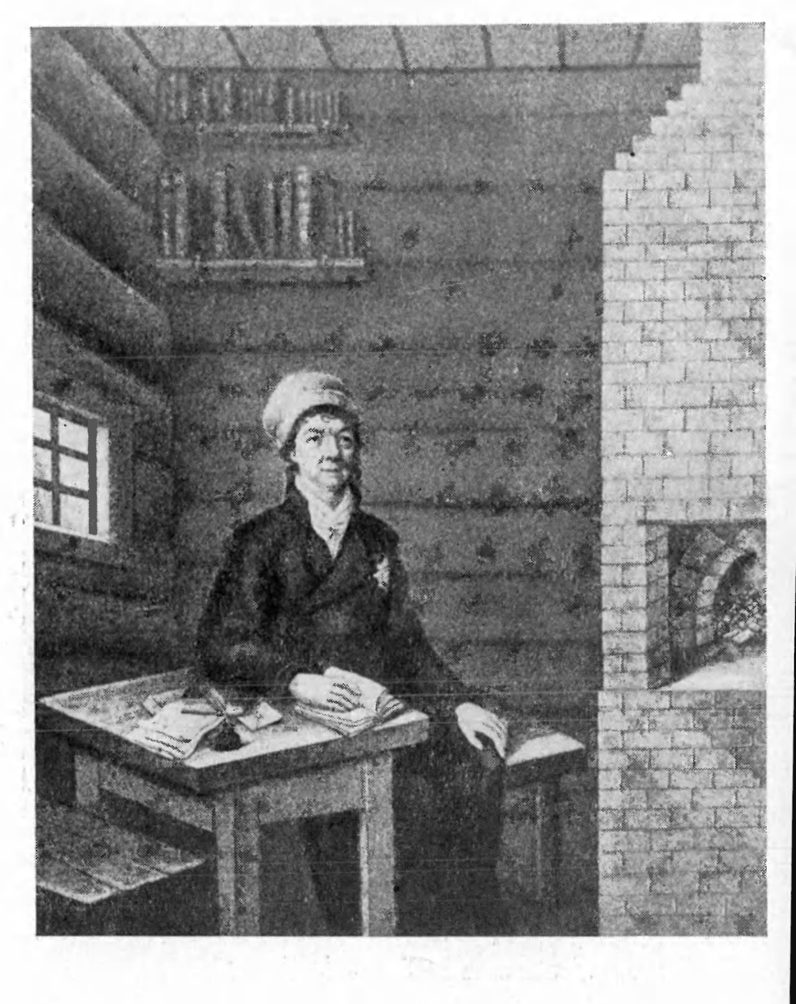
Екатерина II оказалась и здесь прозорливей — не усомнилась в революционном смысле «Путешествия из Петербурга в Москву». Хрестоматийными стали ее возмущенные возгласы, сохраненные для потомства Храповицким. Пушкин приводит и комментирует их в статье о Радищеве, представляющей для нас и особый интерес.

«*Он мартинист*, говорила она Храповицкому... *он хуже Пугачева; он хвалит Франклина*. Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соединению.... разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии. Радищев предан был суду» [35].

Итак, одной из причин особого гнева государыни была похвала Радищева Франклину. Пушкин осторожно (статья предназначалась для «Современника», но цензура ее не пропустила) напоминает о неприязни русской монархини к освободительной борьбе североамериканских колоний,



Е. Р. Дашкова. Портрет неизвестного художника. XVIII в.



Е. Р. Дашкова в ссылке. Гравюра А. А. Осипова по портрету Н. И. Тончи

# СОБЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА,

*Содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей.*

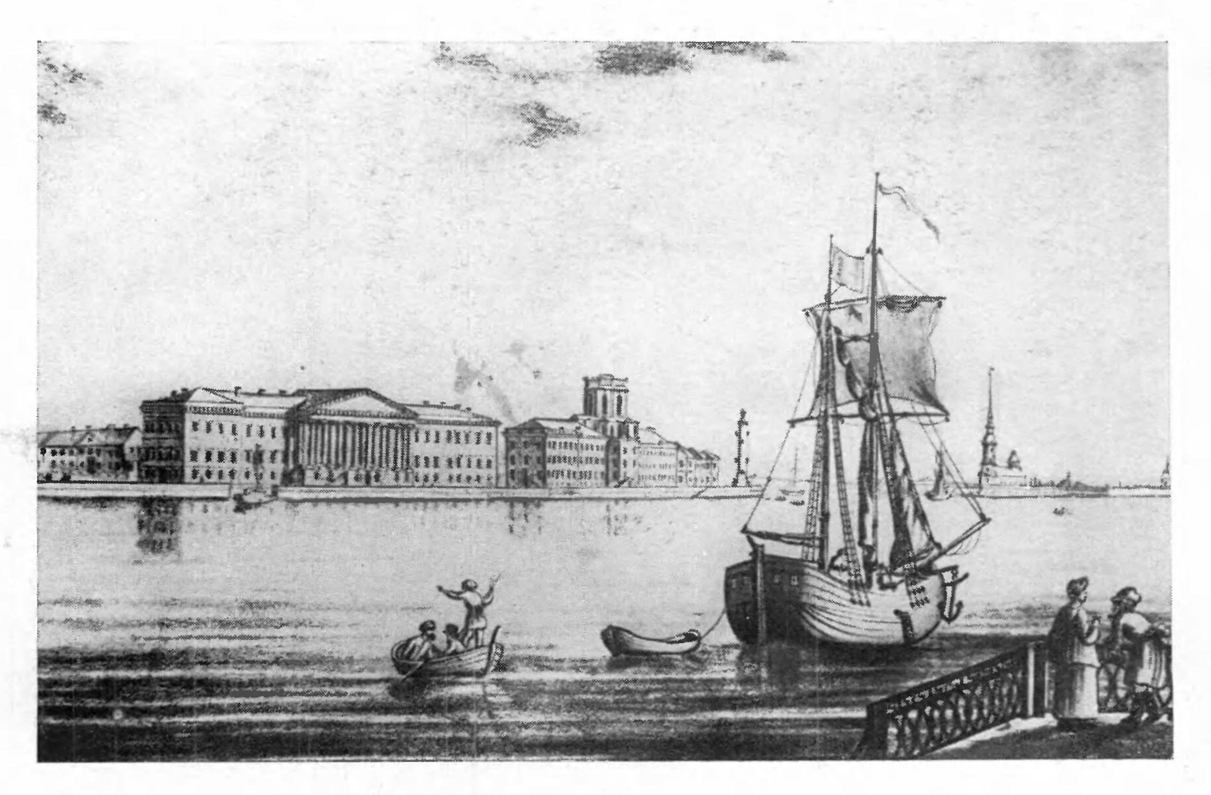
**ЧАСТЬ I.**



*ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,*

иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ 1783 года.

Титульный лист журнала «Собеседник любителей российского слова»



**Петербургская Академия наук. Гравюра XVIII в.**

вызывавшей интерес и сочувствие передовых людей Европы, России в том числе.

А ведь Дашкова была членом Филадельфийского философского общества и рекомендовал ее туда... Бенджамин Франклин! («...Я его считала выдающимся человеком...»)

Филадельфийское философское общество (иногда его называют Американским философским обществом) высылало своим членам издаваемые им книги. Дашкова не так давно получила несколько таких книг и поблагодарила за них Франклина.

Вряд ли все это способствовало доверию и симпатии Екатерины II к ученой статс-даме.

Вскоре между ними произошел окончательный разрыв.

Российская академия издавала альманах новых пьес, русских и иностранных — «Российский феатр», из которого главным образом и черпался театральный репертуар последней трети XVIII в.

Екатерина Романовна и сама была немного драматургом. В Эрмитажном театре шла ее комедия «Тоисеков, или Человек бесхарактерный». В «Российском феатре» она тоже принимала самое горячее участие, нередко собственноручно составляя «реестр пиес» для очередного номера. (Можно найти такой «реестр», список крыловских комедий, в фонде Дашковой в академическом архиве. [36])

Дашкова издает за счет Академии в пользу детей покойного драматурга Княжнина, члена Российской академии, трагедию «Вадим Новгородский», главный герой которой — республиканец, представитель новгородского народного веча. Разгневанная Екатерина обрушивается на Дашкову.

«— Что я вам сделала, что вы распространяете произведения, опасные для меня и моей власти?

— Я, ваше величество? Нет, вы не можете этого думать.

— Знаете ли,— возразила императрица,— что это произведение будет сожжено палачом?..

— Мне это безразлично, ваше величество, так как мне не придется краснеть по этому случаю...» Так воспроизведен разговор Дашковой и императрицы в «Записках».

А вот как описывает Екатерина Романовна события этих дней в подробном письме брату, по горячим следам.

В письме нет гордых слов: «Мне не придется краснеть по этому поводу». Вместо них: «Вы поступите, как Вам заблагорассудится, мадам». «На этом закончился наш разговор. Она села за игру. Я тоже...»

Дашкова полагала, что инцидент исчерпан. Она ошибалась. «...В воскресенье я, как обычно, поутру поехала во дворец. Скоро из спальни вышел Самойлов и, прошед нарочно мимо меня в бриллиантовую комнату, вполголоса мне сказал:

— Будьте умеренны, снисходительны.— Казалось, что он боялся, чтоб кто приметил, что он промолвил со мною. Признаюсь, что мне и жалко, и смешно было... Я подошла к ней (Екатерине.— *Л. Л.*) со словами:

— Я очень огорчена, что недоглядела. Прошу простить меня.— И не дав ей времени принять строгий вид, поцеловала руку, а она меня — в щеку. Она отослала парикмахера-француза и сказала:

— Сознайтесь все же, что это неприятно.

— Сознаюсь, потому и огорчена.

— Ведь мне хотят помешать делать добро, которое я делаю, насколько могу — и для отдельных людей, и для всего народа; и здесь, что ли, желают творить те же ужасы, что и во Франции?..»

Императрица не скрывала тех ассоциаций, которые вызвала у нее «промашка» Дашковой — со дня казни Людовика XVI до беседы, столь детально описанной Екатериной Романовной в письме брату Александру (ноябрь 1793 г.), миновало не более десяти месяцев...

На вопрос о Франции Дашкова отвечала, что, надеется, в России подобных безумцев нет.

«Однако есть, как видите»,— возразила Екатерина.

Разговор приобретал все более серьезный характер. «— Если государь — это зло, то зло необходимое, без которого нет ни порядка, ни спокойствия.

— Ваше величество уже оказывали мне честь высказывать эти мысли, столь трогательные в устах государя, и я отвечала вам, что не в ваше правление могут думать так.

— Что касается меня, я могу снести все, что будут обо мне говорить, и если преступление занимать то место, которое я занимаю (я ведь признаю, что не имела на него права — ни по рождению, ни прочих), так вот, если это преступление, то вы делите его со мной.

Я пристально посмотрела па нее; у меня хватило такта не развивать дальше это признание и это сближение. Она продолжала:

— Это ведь уже вторая публикация такого рода, сочинение, подобное этому, уже существует, и одно другого не лучше.

— За 11 лет, что я в Академии, впервые проскочило нечто подобное. То сочинение — тоже трагедия?

— Нет, путешествие. Жду теперь третьего.

— Мне кажется, я знаю, что вы имеете в виду, мадам. За год до появления этой книги автор напечатал жизнеописание одного из своих друзей, молодого человека, который пил, ел, спал и умер, как все прочие, не совершив ничего заслуживавшего упоминания. Однажды в Российской академии Державин, говоря о том, как плохо знают некоторые сочинители русский язык, спросил меня, читала ли я ... книгу Радищева об одном из его друзей. Я сказала, что не читала...

Державин дал мне книгу. Прочитав ее, я убедилась, что автор хотел подражать Стерну, автору «Сентиментального путешествия», что он читал Клопштока и других немецких писателей, но не разобрался в них, что он запутался в метафизике и что он кончит тем, что сойдет с ума. Я предсказала то же самое и Зуеву, и, если бы у него не было жены, которая за ним ходит, пришлось бы запереть его в сумасшедший дом.

— Кто это Зуев?

— Это академик,— сказала я. Потом мы говорили о Гершеле и его телескопе. Потом появились великие княжны, потом начался молебен, я осталась обедать...» [37]

Судя по этому письму (оно написано вперемежку по-французски и по-русски; Дашкова всегда писала так, когда волновалась), Екатерине Романовне казалось, что в тот день победа была за ней: государыня изволила вспомнить ее участие в своем воцарении, да и разговор вроде бы удалось перевести с Радищева и Княжнина на другие, менее острые темы. Дашкова не предполагала, что то был один из последних разговоров между нею и «самодержицей всея Руси».

Можно ли верить Дашковой, когда она утверждает, что не усмотрела никакой антимонархической направленности в трагедии Княжнина и что действительно считала это произведение гораздо менее опасным для государей,

чем некоторые французские трагедии, которые играют в Эрмитаже, как, если верить «Запискам», брезгливо бросила она полицмейстеру, пришедшему изъять все экземпляры «Вадима Новгородского» из книжного магазина Академии? (Драма вышла и отдельным изданием и была включена в очередной том сборника «Российского феатра».)

Примерно так же начала было она говорить на следующее утро с генерал-прокурором. Да тот намекнул: государыня помнит, что Академия причастна и к «брошюре» Радищева. Так что «Вадим Новгородский» — второе опасное произведение...

Дашкова пыталась оправдаться, ссылаясь на финал трагедии: она заканчивается торжеством добродетельного монарха. Но, должно быть, эти оправдания никого убедить не могли: человек она была прямой, лукавить не умела. Она знала, что эту трагедию делала трагедией именно победа «добродетельного монарха»: свободолюбивый герой пьесы, убежденный поборник народовластия, предпочел смерть жизни под монархическим игом.

Вероятно, она не призналась бы в этом самой себе, но в пафосных тираноборческих монологах героев Княжнина звучали какие-то отголоски ее собственных разочарований...

В «Розыскном деле о трагедии Княжнина „Вадим"» имеется секретное письмо генерал-прокурора сената А. Самойлова московскому главнокомандующему А. Прозоровскому с предписанием изъять у книготорговца купца Ивана Глазунова имеющиеся у него 400 экземпляров трагедии. («...Благоволите, Ваше сиятельство, исполнить все оное с осторожностью и без огласки по данной Вам власти, не вмешивая высочайшего повеления...» [38]).

Публикуя отрывок из этого «Розыскного дела», редактор «Русского архива» П. И. Бартенев делает интереснейшее примечание. Ссылаясь на свидетельство сына Княжнина, Бартенев утверждает, что Дашкова напечатала «Вадима», вполне понимая его опасное содержание, так сказать, в пику Екатерине.

«Со своей стороны заметим, что в то время, когда отсекли голову Людовику XVI, когда властвовал Робеспьер и яростно волновалася Польша, со стороны императрицы Екатерины II... было настоятельным долгом благоразумия зорко следить за наставлением словесности; тем более что

в этом случае замешана была кн. Дашкова, за действиями которой Екатерина должна была постоянно присматривать, зная по опыту ее пылкий и решительный характер. Сын Княжнина... прямо говорит, что княгиня напечатала «Вадима» из-за какого-то неудовольствия с государыней. Следовательно, тут примешались личные счеты Екатерины с неумеренным президентом Академии...» [39]

«Не читала», «недоглядела», «проскочило», «да что тут такого!» — все это были отговорки. Дашкова всегда понимала, что делает, хоть и не всегда отдавала себе отчет в последствиях.

Дашковой все тяжелей в «туманной столице». Она «чувствует себя совершенно одинокой в этой среде, которая становится ей с каждым днем противней».

В 1794 г. ей дают разрешение на двухгодичный отпуск. Официальной отставки Дашкова не получила, но фактически это была отставка.

Она едет в Таврический дворец для прощания. Императрица рассталась с Дашковой с уязвившей ту холодностью.

П. В. Завадовский писал А. Р. Воронцову в деревню: «Княгиня, твоя сестра, собирается к маю месяцу, чтоб оставить столицу. Отнюдь ею не дорожат, потому и разумно располагается...» [40]

*

Если от Серпухова поехать направо и, удержавшись от соблазна повернуть на Тарусу, столь притягательную нерасторжимостью своей связи с именами Марины Цветаевой и Константина Паустовского, продолжить путь прямо, к городу молодой науки Протвину, а за Протвином переправиться через Протву, то можно попасть в Троицкое.

Любой житель поселка вызовется быть проводником по дашковским местам: имя Дашковой здесь хорошо известно. Вам покажут церковь, где похоронена Екатерина Романовна, обелиск на четырех мраморных шарах, один из тех, которые принято было в те годы ставить в помещичьих усадьбах в честь Екатерины II, в художественном отношении малопримечательный, сохранившиеся белокаменные ворота... Должно быть, дом был расположен очень живописно: река здесь делает петлю, она, вероятно, почти опоясывала усадьбу, стоявшую на кру-

том высоком берегу. Парк спускается вниз несколькими ярусами. Вам покажут и насыпной холм, сделанный по приказу Дашковой. Пока холм не зарос лесом, с него, должно быть, хорошо просматривалась дорога. Дашкова будто любила подолгу сиживать здесь.

Может быть, втайне она еще ждала курьера из Петербурга, повеления вернуться в Академию... Никто за ней не ехал.

«Но такие натуры не складывают рук в 50 лет с чем-нибудь и в полном обладании сил,— справедливо утверждает Герцен.— Дашкова делается отличной хозяйкой, строит домы, чертит планы и разбивает парки. В ее саду не было ни одного дерева, ни одного куста, который бы она не посадила или которому бы она не отвела места. Она отстроила четыре дома и с гордостью говорит, что мужики ее одни из богатейших в околодке» [41].

В 1796 г. Екатерина II умерла. Новый император Павел I не замедлил доказать, что помнит отношение Дашковой к его отцу, Петру III. Дашкова получает указ об отставке от всех должностей и повеление жить в деревне, где и вспоминать события 1762 г. А через несколько дней Екатерина Романовна была разбужена в три часа ночи новым приказом Павла, присланным с нарочным: немедленно покинуть подмосковную деревню и ехать с семьей в Новгородскую губернию, где и ждать дальнейших распоряжений.

В зимнюю стужу, с трудом достав проводника, знающего, куда ей надлежит ехать, Дашкова отправилась в ссылку, окруженная царскими шпионами. Временный московский губернатор Архаров доносил Павлу, что послал вслед за Дашковой «испытанной верности и расторопности штата полицейского титулярного советника Иевлева для примечания и малейших ее движений».

Она селится в захолустье, в маленькой деревеньке сына, в крестьянской избе, затерянной в северной части Новгородской губернии; мимо окон гонят ссыльных из Петербурга в Сибирь...

«...Сколько раз я благодарила создателя, что была избавлена от обязанности являться при дворе в царствование Павла,— читаем мы в «Записках».— Сколько мне пришлось бы перенести горя и тревоги, так как природа отказала мне в искусстве притворяться, столь необходимом при общении с государями и еще более с их прибли-

женными, и на лице моем ясно отражались отвращение, презрение и негодование, волновавшие мою душу...»

Дашкова рассказывает о том, как проводила она, привыкшая к деятельной жизни, долгие зимние вечера в ссылке. Книг и бумаги было мало, и княгиня занимала себя тем, что рисовала на белом деревянном столе деревенские пейзажи, то, что она видела за низким избяным окном. Когда стол оказывался весь зарисованным, картины тщательно смывали и соскабливали, и можно было рисовать снова.

Дашкову пугает весенняя распутица, грозившая на несколько месяцев окончательно отрезать ее от мира. Она пишет дальнему своему родственнику Репнину с просьбой о заступничестве и не скоро, через третьи руки, получает ответ, полный страха и опасений. Репнин советует Дашковой в качестве «кавалерственной дамы» написать на имя императрицы и вложить в это письмо просьбу к Павлу I дозволить ей вернуться в Троицкое «и там заключиться в уединении».

«Вот все, что я могу Вам посоветовать. Помните, что я это делаю в величайшей тайне и прошу, чтобы это осталось исключительно между нами и чтобы никто решительно этого не знал. Не подвергайте меня опасности. Сожгите это письмо немедленно по прочтении и не пишите мне больше...» [42]

Екатерина Романовна не выполнила просьбу Репнина сжечь письмо, но совету его она последовала. Ей рассказывали позднее, что ее письмо привело Павла в ярость, он тут же приказал отправить курьера с приказанием отобрать у нее перья, бумагу, карандаши и запретить переписываться с кем бы то ни было. Тогда якобы супруга государя обратилась за помощью к его изобретательной фаворитке Нелидовой, и та нашла верный ход. Перед глазами Дашковой рисовалась бурлескная сцена: жена и фаворитка поддерживают царственного младенчика, в руки которого вложено прошение ссыльного президента Российской академии. «Мария Федоровна и Нелидова осыпали размягченного деспота тысячами ласк», и Дашковой разрешено было вернуться в Троицкое и безвыездно жить там.

«Летом я спокойно начала свои сельские труды... время мое было занято сполна... В ненастные дни я не выходила из комнат, рисуя в это время чертежи планов для

новых построек и садов, или занималась в своей библиотеке...».

В 1801 г. со смертью Павла I опала Дашковой кончилась. Должно быть, члены Российской академии обратились к Дашковой с просьбой снова встать во главе учреждения, ею созданного. Сохранился ее ответ непременному секретарю И. И. Лепехину:

«Государь мой Иван Иванович!

Прошу за меня объяснить Российской академии, сколь сделанное мне предложение от членов оной, изъявившее желание их, чтоб я восприняла на себя прежнее звание председателя, для меня лестно. Поставляя себе за честь такое ко мне расположение почтенных моих сочленов, искренно желала бы я посвятить пользам Российской академии, будучи к тому обязана долгом, яко ее член, если б силы моего здоровья дозволяли мне безотлучное здесь пребывание. Я надеялась бы больше на мою ревность, нежели на слабые мои способности, надеялась бы на усердие мое к пользам Академии, коей существованию, скажу, не обинуясь, я содействовала: но неудобовозможность по болезненному моему теперешнему состоянию удовлетворить во всем пространстве обязанностям звания, мною носимого прежде, не препятствует мне, однако же, признать согласно с Вами сию истину, что почтенному собранию Академии Российской председатель нужен по многим отношениям»...

Далее Дашкова выражает надежду, что выбор обратится на такую особу, «коя... будет пользу Академии и ее славу поддерживать». «Вы же сами,— продолжает она,— примите уверение в том почтении и дружбе, кои я всегда к Вам имела и с коими навсегда пребуду,

Ваша, государь мой, покорная услужница княгиня Дашкава» [43].

Письмо писалось, должно быть, под диктовку. Рукою Дашковой начертаны только последние четыре слова.

Дашкова присутствовала на коронации Александра I, но при дворе не осталась. Со свойственным ей здравомыслием она понимала: ее время кончилось.

О последнем десятилетии жизни Дашковой, совпавшем с первым десятилетием нового века, рассказывают воспоминания Мэри Брадфорд и сестры ее Кэтрин Уильмот. Особенно ценны свидетельства Мэри. Она поехала в Россию по совету своей родственницы Гамильтон на год или два, а прожила у Екатерины Романовны целых пять лет.

Мэри Уильмот (тогда она носила это имя) не успела еще осмотреться в Петербурге, где «у берегов великолепной Невы, возле понтонного моста» причалил корабль, доставивший ее из Англии, как оказалась в плену легенды о Дашковой. («Меня осаждали на каждом шагу сплетнями...» [1])

Ей рисовали портрет старой тиранки с необузданным нравом, скупой до того, что она собирает и рассучивает старые, потускневшие аксельбанты, а нитки продает; отшельницы, живущей в угрюмом уединении, которое изредка нарушается старыми екатерининскими вельможами, собирающимися за карточным столом, где идет далеко за полночь большая игра (и Екатерина Романовна приходит в ярость, если ей случается проиграть).

Все это так не вязалось с романтическим образом, который сложился у Мэри под влиянием рассказов Гамильтон о юной героине, скачущей с саблей наголо впереди войска, что молодая англичанка совсем растерялась и чуть было не повернула назад, так и не доехав до Москвы.

Знакомство с Дашковой опровергло обе эти легенды.

Мэри увидела женщину с открытым и умным лицом, одетую в глухое черное платье с серебряной звездой на левой стороне груди, с выцветшим шелковым платком на шее и белым мужским колпаком на волосах. Может быть, ее внешний облик и показался девушке странным, но «прием ее был так ласков, искренен, тепл и в то же время важен, что я тотчас почувствовала самую горячую любовь к ней... Княгиня очень деликатно напомнила мне о знакомых людях и обстоятельствах, перенесла на минуту в Англию своим прекрасным разговором на простом, но сильном английском языке...» [2]

Мэри Уильмот стала последней привязанностью Дашковой, заполнила хоть отчасти ту пустоту, которую обра-

зовал в жизни Екатерины Романовны разлад с собственными детьми.

«Моя русская мать» — так называет Мэри Екатерину Романовну в письмах и воспоминаниях.

И в этой привязанности Дашкова полна деятельной энергии. С первых дней приезда М. Уильмот Екатерина Романовна начинает заниматься с ней французским, руководит ее изучением русского. Для своей любимицы и ее сестры Кэтрин, тоже приезжавшей погостить к Северной Медведице, как прозвала себя Дашкова в те годы, она затевает бесконечные развлечения: катанье с гор, спектакли домашнего театра, частые поездки в Москву — на балы, на народные свадьбы и гулянья, к цыганам, к раскольникам, на Плещеево озеро, в Троице-Сергиеву лавру, в Ростов Великий...

Дашкова в те годы считалась первой московской знаменитостью — ее всюду встречали с поклонами и почестями, к которым, надо сказать, при всем своем уме она не оставалась равнодушной. На балы Екатерина Романовна любила приезжать первой. Иногда и свечи еще не были зажжены, а она уже нетерпеливо расхаживала по залу, приводя в трепет хозяев.

Кэтрин Уильмот писала из России: «...Никто, каков бы ни был его чин, не смеет сесть в присутствии ее, если она не попросит; и нередко случается, что она не позволяет; я видела однажды с полдюжины князей, простоявших в продолжение всего визита. Дашковой, кажется, никогда не приходило в голову притворяться в своих чувствах... Она режет правду как хлеб, нравится ли это другим или нет — для нее все равно; к счастью, природа дала ей чувствительное и доброе сердце, иначе она была бы общественным бичом» [3].

«Когда мы оставались дома,— вспоминала Мэри,— у княгини были свои собрания; здесь присутствовали знаменитости екатерининского века, осыпанные бриллиантами, звездами, полные былых придворных воспоминаний, говорившие о своих похождениях и заслугах, и в это время, казалось, они молодели. Я с удовольствием смотрела на княгиню в кругу ее современников: простота ее одежды, свежесть лица, отмеченного выражением истины, достоинства и самоуважения, резко отличали ее от этих красных и белых фигур, покрытых драгоценными камнями и украшениями...» [4]

Воспоминания обеих сестер полны удивления неутомимостью Дашковой и разнообразием ее занятий. В начале века Екатерина Романовна была увлечена хозяйственными хлопотами: постройкой домов (чертежи к этим постройкам она всегда «рисовала» сама), театром, больницей, манежем, оранжереями — приумножением своего уже очень большого в ту пору капитала; деловой корреспонденцией, а также перепиской с учеными, родными, друзьями; собственными литературными трудами. В воспоминаниях и письмах из Троицкого в Англию сохранились не только любопытные подробности, но подчас и наблюдения более глубокие. Одно из них — об отношении Дашковой к религии — высвечивает новую грань этой сложной натуры.

В кругу близких, рассказывает Мэри, Екатерина Романовна признавалась, что считает многие догматы православной церкви совершенной выдумкой, а духовенство — подчас невежественным и безнравственным.

«...За всем тем она плакала во время церковной службы, и эта смесь суеверия с светлыми понятиями придавала ей поэтический характер; противоречия еще сильней оттеняли ее мощные и разнообразные силы» [5].

Мэри Уильмот увидела главное: этот самобытный и по-своему цельный характер был сплавом противоречивых черт. Последнее десятилетие жизни Дашковой не сгладило эти противоречия, а обострило и выявило. Консерватизм привычек, демонстративная приверженность к патриархальным традициям сочетались у нее с острым интересом ко всему новому, с не изменившими ей любознательностью и вкусом.

Московский дом Дашковой на Никитской, в «приходе Малого Вознесения» (на этом месте теперь здание Консерватории) был построен по ее собственному плану. Комнаты, как свидетельствует Мэри, были «изящно убраны и теплы», что, надо сказать, особенно обрадовало обеих путешественниц, непривычных к русским морозам. На стенах висели картины, нарисованные самой хозяйкой, в некоторых комнатах стояли фортепьяно, было много книг и цветов. (Садом и оранжереей Екатерина Романовна неутомимо занималась до конца своих дней. Сохранилось ее шутливое письмо брату, относящееся к 1800 г., «Репорт от Вашего аглинского садовника Дашкавой», где вслед за самим «репортом» об окончании работ

по разведению сада в селе Андреевском (поместье А. Р. Воронцова) шел длинный список практических рекомендаций, поражающих профессиональной осведомленностью. [6])

Богатый духовный мир Дашковой, разнообразие ее интересов приоткрываются в ее письмах. В них обсуждаются политические, военные, светские новости, комментируются сообщения печати, русской и иностранной, новые достижения науки, медицины...

Отношение самой Екатерины Романовны выражено иногда полунамеком. Так, о манифесте Александра I при его воцарении Дашкова говорит: «Манифест написан рукой мастера и очень трогательно» [7]. В этом и последующем письмах высказана твердая решимость не возвращаться ко двору: «Если я могу своим опытом или какими-нибудь советами быть полезной родине и оказать еще несколько услуг сыну или нашему племяннику, это больше, чем я могу желать. Я не создана для дворов и буду избегать их больше, чем когда-либо...» [8]

«Наш племянник», о котором упоминает здесь Екатерина Романовна,— сын ее младшего брата Михаил Семенович Воронцов, будущий генерал-фельдмаршал, наместник Бессарабской области и недруг Пушкина — тот самый «полу-милорд, полу-купец...» (когда Дашкова писала это письмо, М. С. Воронцову было 19 лет, вскоре он станет одним из главных наследников своей знаменитой тетки).

Во многих письмах Дашковой упоминаются имена, не отделимые от Пушкина. По дороге в Кротово Дашкова останавливалась в деревне Вяземских...

Сосед ее «г-н Гончаров Афанасий Николаевич владелец Полотняного завода»,— она рекомендует его брату, как «честнейшего человека, возвышенной души» [9], это дед Натальи Николаевны...

Письма Дашковой поражают отсутствием какой бы то ни было выспренности, простотой и искренностью в выражении чувств.

Она любила природу и умела радоваться ежегодному ее пробуждению: «...Ты пишешь мне о зиме, а здесь уже два, три дня весна; снег стаял на дворе и даже на северном склоне холмы обнажены и река разлилась. Воздух мягок, и к столу уже шесть дней подают дикий цикорий и свежую крапиву»... [10]

Или вот этот отрывок из письма, написанного в годы наполеоновских войн: «...Все обеспокоены слухами о войне и передвижениями войск. Более, чем когда-либо, верю в систему Декарта. Дай бог, чтобы все эти вихри, движущиеся в противоположных и противоречивых направлениях, не вызвали и у нас грозу. Благословила бы небо, если бы была уверена, что Вы вне всех этих завихрений. Не помню, писала ли я Вам, что боли в левой стороне груди стали более определенными, но так как никакой опухоли нет, то надеюсь умереть менее мучительной смертью, чем смерть от канцера. Я сегодня спокойна — мне удалось побыть часок на воздухе, в саду. Я весела, даже напеваю...» [11]

В эпистолярном наследии Дашковой особое место занимает большое письмо ее подруге Гамильтон, которое мы однажды мельком упоминали. Это любопытный опыт автохарактеристики.

«Какую страшную работу, мой милый друг, Вы задали мне! Вы непременно желаете, чтоб я представила Вам различные портреты, снятые с меня, и присоединила бы к ним один своей собственной кисти. Могу уверить Вас, что их существует более двадцати (стоило ли труда так хлопотать?), и если девятнадцать слишком польстили Вашему другу, то некоторые отвратительно гадки.

Вы убеждены, что я буду говорить о себе искренно, не скрывая ни добрых, ни дурных сторон; но заметьте, что не одна искренность затрудняет меня на этот раз. Подумайте только о том, что в чертах моего образа есть краски и тени, падающие на сановитых людей и великие события.

Впрочем, повинуюсь Вам. И чтоб начать, замечу, что есть один очерк, нарисованный, как говорят, рукой самой императрицы; по восшествии на престол она писала польскому королю и, говоря об этом событии, уверяла его, что мое участие в этом деле было ничтожно, что я на самом деле не больше как честолюбивая дура. Я не верю ни одному слову в этом отзыве; завсе так удивляюсь, каким образом умная Екатерина могла так говорить о бедной ее подданной, и говорить в ту самую минуту, когда я засвидетельствовала ей безграничную преданность и ради ее рисковала головой перед эшафотом. Итак, вот один из двадцати портретов, который имею честь представить Вам.

Говорят также, что императрица выставила меня немецкому императору как самую капризную женщину. И этому не верю, потому что Екатерина коротко знала меня и могла видеть, что ничего не может быть противоположней этого свойства моему действительному характеру. Напрасно доказывать, что подтверждается всей моей жизнью: мог ли управлять моей волей каприз, когда я многие годы твердо вынесла не только нападки клеветы, но все лишения бедности; кто знает меня, того нет надобности уверять, что, несмотря на толпу моих врагов, окружавших государыню, я без ропота и без уступки держалась одной неизменной стороны: едва ли эта черта согласна с непостоянством ума или характера!..

Ум и проблески гения довольно многие приписывали мне.

В первом я не чувствовала недостатка, но на второй не обнаруживала ни малейшего притязания, разве только в музыкальном искусстве; ибо, несмотря на то что у меня не было учителя, вокального или инструментального, я так чувствовала и понимала музыку, что могла судить о ее красотах как профессионал. Мое сердце часто согревало воображение, но воображение никогда не вдохновляло сердца.

Некоторые из моих портретистов считали меня ученой и выставляли таковой.

Это совершенно ложная черта: я часто доказывала тем, кто хотел меня слушать, что моя ученость была делом вдохновения. Мое воспитание, в свое время признанное за самое лучшее, ограничивалось немецким, французским и итальянским языками, историей, географией, арифметикой, катехизисом, рисованием и танцами. Вот объем его. Правда, я страстно желала образовать себя, и едва ли была книга, попадавшая мне в руки, которую бы я не проглотила. На 13-м году, освободившись от гувернантки, я употребляла все свои карманные деньги на покупку книг; но, перечитывая их без выбора и метода, едва ли могла сделаться ученой. В 15 лет я полюбила и вышла замуж. Потом началась семейная жизнь, дети, болезни и после горе — обстоятельства, как Вы видите, вовсе неблагоприятные кабинетным трудам, которые я так любила...»

Дашкова вспоминает и другие характеристики, которыми наделяли ее «портретисты»: ее изображали самолю-

бивой, тщеславной, жестокой, беспокойной, алчной. Опровергая одно за другим эти обвинения, она заканчивает свое письмо таким признанием: «Наконец, вспомните, после мужа земным моим идеалом была Екатерина; я с наслаждением и пылкой любовью следила за блистательными успехами ее славы в полном убеждении, что с ними неразрывно соединяется счастье народа... Считая себя главным орудием революции, близкой участницей ее (Екатерины) славы, я действительно при одной мысли о бесчестии этого царствования раздражалась, испытывала волнение и душевные бури, и никто не подозревал в этих чувствах ни энтузиазма, ни истинного побуждения. Вспомните также о лицах, окружавших императрицу; это были мои враги с первого дня правления ее, и враги всесильные. После этого легко понять, за что и почему мои портретисты обезобразили Вашего друга, исказили истинные черты моего образа.

Мои знакомые и слуги, я уверена, отнюдь не могут обвинить меня в жестокости. Знаю только два предмета, которые были способны воспламенить бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна на светлой короне Екатерины II.

Что же касается до скупости, кажется, нет надобности говорить, что этот порок свойствеп только низкому уму, пошлому сердцу... Прощайте: простите моим клеветникам, пожалейте или презирайте их вместе со мной...» [12]

Письмо это не датировано. Скорее всего оно относится к тому времени, когда Екатерина Романовна погрузилась в работу над «Записками», перебирала старые бумаги и переживала вновь давние обиды. Иногда, специально принарядившись по этому поводу, как бы в обстановке некой торжественности, она читала домочадцам вслух поблекшие страницы писем своего «неизменного друга»...

«На переднем месте комнаты, в больших креслах за маленьким столом, в пурпуровом шелковом платье, в белом мужском колпаке, с собачкой Фиделью, спящей на подушке у ее ног ...сидит княгиня. Она поджидает нас домой, потому что нынешний вечер начнется чтением писем Екатерины II к Дашковой...» — сообщала родным в Лондон 5 декабря 1805 г. К. Уильмот [13].

В ту пору Екатерина Романовна уже около двух месяцев трудилась над «Записками», над «Моей историей», где сплелись история и вымысел, поэзия и правда.

Дашкова села за «Записки» осенью 1805 г., а в конце 1806 г. закончила их. По свидетельству Мэри, она писала почти ничего не правя, на одном дыхании. «Что сохранилось в ее памяти, она излагала быстро и почти никогда не поправляла и не изменяла написанного. По временам, вспомнив что-либо забытое, она прибавляла это в конец книги, означая страницу, к которой оно относилось; таких замечаний, впрочем, было не более семи или восьми... Когда несколько листов бывали готовы, я переписывала их набело. Таким образом, «Записки» были окончены к концу другого года...» [14]

Как убедится читатель, ознакомившись с письмом-посвящением, Дашкова ставила себе задачи, отличные от тех, которые ставят обычно перед собой авторы мемуаров. Ее целью было не «сохранить для потомства», «воскресить», «воссоздать» эпизоды своей удивительной жизни. Рассказом о своей судьбе Дашкова стремилась показать, как «опасно плыть на одном корабле с „великими мира сего“». «Придворная атмосфера душит развитие самых энергических натур» — таков был ее вывод.

Вот отрывки из письма, которое является введением к «Запискам».

«Приступая к описанию своей жизни, я удовлетворяю Вашему желанию, мой молодой и любезный друг. Перед Вами картина жизни беспокойной и бурной или, точнее говоря, печальной и обремененной затаенными от мира тревогами сердца, которых не могли победить ни гордость, ни мужество.

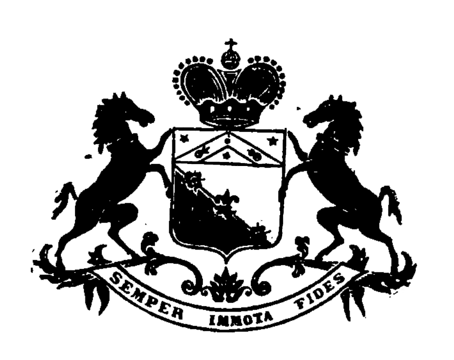
...Уже давно мои друзья и родственники требовали от меня тот труд, который я теперь посвящаю Вам. Я отклонила все их просьбы, но не могу отказать Вам. Итак, примите историю моей жизни, грустную историю, из которой легко было бы составить увлекательный роман. Она с Вашим именем явится в свете. Я писала ее без приготовления, так, как я говорю, и с полной откровенностью, устоявшей против всех горьких уроков опыта. Правда, я прошла молчанием или только слегка коснулась тех душевных потрясений, которые были следствием неблагодарности людей, обманувших мою безграничную доверенность им. Это единственные факты, обойденные мной; одно воспоминание о них еще доселе приводит меня в трепет.

БУМАГИ

КНЯГИНИ

# Е. Р. ДАШКОВОЙ

(УРОЖДЕННОЙ ГРАФИНИ ВОРОНЦОВОЙ).




МОСКВА.

1881.

Титульный лист XXI тома «Архива кн. Воронцова», в котором напечатаны «Записки» Дашковой (на франц. яз.).

Из моего рассказа будет видно, как опасно плыть на одном корабле с «великими мира сего» и как придворная атмосфера душит развитие самых энергических натур; за всем тем совесть, свободная от упрека, может дать нам достаточно сил, чтобы обезоружить твердостью души свирепость тирана и спокойно перенести самые несправедливые гонения. Здесь же мы найдем пример, как зависть и ее верная подруга — клевета преследуют нас на известной степени славы...

Но, конечно, и это зло, как и все в мире, пройдет. Поэтому позвольте лучше поговорить с Вами, мой милый и юный друг, о том, что ближе к нам,— о нашей взаимной и нежной дружбе; я невыразимо глубоко чувствую Вашу доверенность ко мпе; и Вы не могли лучше доказать ее, как покинув семейство и родину, чтоб посетить меня здесь и утешить своим присутствием старую женщину на закате дней ее, которая справедливо может похвалиться одним достоинством, что она не прожила ни одного дня только для себя самой.

Нужно ли говорить о том, как дорого для меня Ваше присутствие — как я... удивляюсь Вашим талантам, Вашей скромности, Вашей врожденной веселости, соединенной с чистыми побуждениями Вашей жизни?.. Я ограничусь одним простым уверением, что я уважаю, люблю и удивляюсь Вам со всей силой любящего сердца; Вы его знаете и поверите, что эти чувства только прекратятся с последним вздохом Вашего искреннего друга

княгини Дашковой.

Троицкое, 27 октября 1805 года» [15].

«Записки» Дашковой не историческое исследование. Ученый найдет в них фактические неточности, они субъективны и по многим оценкам, и по отбору материала; среди обширной мемуарной литературы есть произведения, которые рисуют несравненно более широкую картину русской действительности XVIII в. И все же это замечательный памятник культуры XVIII столетия, в равной мере принадлежащий и истории, и литературе, образец русского сентиментализма, с характерным для него стремлением к самопознанию и неприятием окостеневших норм действительности.

«Записки» не единственное, что писала Екатерина Романовна в начале XIX в.

Поздние ее произведения затеряны в журналах. Подписывалась она гордо: «*Россиянка*». Это не был псевдоним в обычном смысле. За одной из публикаций в журнале «Друг просвещения» следует примечание издателей: «С чувствованием живейшей благодарности мы получили письмо и пиесы, присланные от почтеннейшей соотечественницы нашей, которой угодно было скрыть свое имя. Но кто по чувствам и слогу не узнает в ней ту, которой Российская академия обязана своим существованием» [16].

Известные нам ее публикации той поры — это небольшие заметки-притчи, посвященные типично просветительским темам и целям: защита знания от невежества и достоинства личности от придворного угодничества.

Вот характерный отрывок из заметок «Нечто из записной моей книжки» — «О старинных пословицах».

«Почтенный двоюродный мой дядя часто говаривал о пословицах древних русских как о памятниках живейших, описывающих нравы и обычаи наших предков... Но, говорил он, сколь жалко бы было, если бы они утратились, столько же было бы унизительно, если в собрание древних российских пословиц без разбору поместили вкравшиеся в несчастные времена... низкие речения или пословицы, как, например: хоть не рад, да готов; как судии посудят; бог высоко, а царь далеко. Может быть, еще таковых, выражающих подлую готовность, недоверие к твердости законов... и должно с десяток выключить из собрания российских пословиц.

Мне самому случилось, продолжал дядюшка мой... отрешись от выбора, сделанного сотоварищами моими, по коему они хотели, чтобы я заменил умершего графа М. в управлении о водоходстве вообще. Когда я им сказал, что не имею той способности, быв совсем несведущ в гидролике, они убеждали меня тем, что доверенность очевидная ея величества... меня в кандидаты назначает.

«Была б милость государева, всякого со всего станет» — это вздор. Когда я чему не учился и не знаю, как бы меня монарх ни любил, я все-таки того знать не буду...

...Занимать места государственные, продолжал он, кои требуют знания и способностей, коих мы лишены, есть измена Отечеству и посрамление себе самому».

Творчество Дашковой еще не систематизировано и недостаточно изучено. Но самым значительным ее литера-

турным произведением, даже после тщательного изучения, наверняка останутся «Записки» — пример самовыражения яркого и талантливого человека, личности незаурядной, которая, как справедливо утверждал Добролюбов, во многих отношениях «стояла несравненно выше современного ей русского общества».

Судьба не щадила Дашкову и на склоне лет. Ей суждено было пережить еще одно несчастье: в 1807 г. в возрасте 42 лет внезапно умер ее сын.

Екатерина Романовна редко виделась с сыном в последние годы, так окончательно с ним и не примирилась — должно быть, это еще более усугубляло ее горе...

Павел Михайлович давно жил фактически в разводе с женой, которую отправил в какую-то отдаленную деревню, на наследство претендовали кто-то из родни его отца и Анастасия Щербинина. Екатерина Романовна с почти фанатическим упорством взялась защищать интересы неизвестной ей невестки от притязаний дочери.

Сестры Уильмот рассказывают о первой встрече свекрови и невестки, которых соединило общее горе. Но душевной близости между ними так и не возникло — ни при этой встрече, ни позже. Молодая Дашкова робела в присутствии Екатерины Романовны, а та в ее обществе скучала и вскоре поселила ее отдельно.

Со смертью Павла Михайловича род Дашковых пресекался. Должно быть, Екатерина Романовна не могла примириться с этой мыслью. Она затевает новые хлопоты, последние в своей жизни. Она добивается «высочайшего соизволения» на то, чтобы сын ее двоюродного брата Иван Илларионович носил двойную фамилию — Воронцов-Дашков, и назначает его наследником Троицкого. Переписывает завещание (первое было сделано перед ссылкой), не забыв оговорить, что сумма, которую будет ежегодно получать дочь, должна поступать к ней не сразу, а разделенная пополам, дает указания душеприказчикам, приводит в порядок письма... Одним из последних распоряжений Дашкова передала в дар Московскому университету свой «естественный кабинет», собранный во время путешествий.

Она умерла в январе 1810 г.

*

Мэри Уильмот тогда уже около двух лет жила на родине. Она уехала в октябре 1807 г., увезя многочисленные подарки. Это были вещи, дорогие Екатерине Романовне прежде всего связанными с ними памятными историями. Опал шведской королевы Христины, вымененный Паниным для дашковской коллекции минералов у сына одного из министров королевы за бриллиант равной величины... Веер, тот самый, который Екатерина Алексеевна, в ту пору еще великая княгиня, уронила в доме канцлера Воронцова и подарила девушке, поднявшей его с пола, на память об их знакомстве; Екатерина Романовна этим веером чрезвычайно дорожила, намеревалась наказать, чтоб его положили с ней в гроб, да, должно быть, передумала.

Но Мэри не сомневалась, что самой большой драгоценностью, которую она увозила, была рукопись воспоминаний.

Обстоятельства сложились так, что с этой драгоценностью ей пришлось расстаться.

Россия объявила войну Англии. У Мэри были большие затруднения с оформлением документов: ей чинили всяческие препятствия, за ней велось неустанное наблюдение. Должно быть, до властей дошли сведения, что у М. Уильмот имеются «опасные» бумаги. (Кроме своих «Записок» Дашкова отдала ей копии писем Екатерины II.) Боясь обыска и изъятия рукописи, Мэри ее сожгла. Ее утешало одно: она знала, что у ее сестры Кэтрин, уехавшей раньше, есть копия.

О возвращении Мэри в Англию можно было бы написать приключенческий роман: здесь и погони, и кораблекрушения, и высадка на какие-то острова. Она добиралась до дома почти год...

В Англии М. Уильмот пытается выполнить волю своей «русской матери» — напечатать после ее смерти «Записки». Препятствует С. Р. Воронцов, брат Дашковой, бывший русский посол в Англии, продолжавший жить в Лондоне и после своей отставки (1806).

Знакомясь с письмами М. Брадфорд к С. Р. Воронцову, можно увидеть, как за пять лет, с 1808 по 1813 г., меняется их тон и все более отчетливо начинает звучать голос оскорбленного достоинства. Вероятно, пытаясь не

допустить нежелательного для него появления «Записок» сестры с их закулисными подробностями переворота 1762 г., обсуждением проблем крепостничества и других вопросов, не утративших своей остроты в годы правления Александра I, Воронцов прибегал к любым аргументам, в том числе выражал недоверие к желанию Дашковой опубликовать мемуары.

«О воле княгини известно многим,— пишет в ответ М. Брадфорд,— в том числе правительству России: ведь это именно для того, чтобы отнять у меня рукопись, меня держали пять суток под арестом, когда я покидала Кронштадт» [17].

Должно быть, Семен Романович брал под сомнение и подлинность «Записок», на что не имел других оснований, кроме одного, впрочем немаловажного,— отсутствия оригинала.

Перед нами возмущенное письмо Мэри: «Я никогда не говорила, что рукопись, которой я владею, «написана по памяти, после того как был сожжен оригинал». Это был бы обман, ведь еще за два года до моего возвращения в Англию туда уже была привезена копия «Записок», снятая под наблюдением самой княгини, где есть отдельные строчки и целые страницы, в том числе посвящение, написанные ее собственной рукой, эту копию читали друзья княгини, бывшие с ней в переписке. Эта-то копия и находится у меня...» [18]

Каким образом Воронцову удалось все же задержать публикацию воспоминаний сестры, неизвестно.

Первое издание мемуаров Дашковой появилось только через 30 лет после ее кончины, в 1840 г., на английском языке. С этим (неполным) изданием «Записок» познакомился А. И. Герцен и очень ими заинтересовался.

*

А. И. Герцен стал крестным отцом русского перевода. «Записки княгини Дашковой, писанные ею самой, перевод с английского» Герцен опубликовал в Лондоне со своим предисловием в 1859 г. (Оно было напечатано и в немецком издании, вышедшем в Гамбурге двумя годами раньше; перевела «Записки» с английского на немецкий М. Мейзенбуг, друг семьи Герцена.)

Но предисловие к «Запискам» — только часть большой

работы А. И. Герцена о Дашковой, опубликованной полностью в «Полярной звезде» (1857, кн. III).

Мы много раз ссылались на эту статью, блестящий образец герценовской публицистики; в ней звучит восхищение Дашковой, в которой Герцен усматривал явление принципиально новое для своего времени: «Дашковою русская *женская личность*, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России и смело становится рядом с Екатериной. В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесени московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью».

Существует мнение, что Герцен идеализирует Дашкову, так как не сомневается в достоверности «Записок» и той роли в исторических событиях, которую их автор себе приписывает; тот факт, что роль эта была менее значительной, доказали более поздние изыскания, основанные на данных, которых Герцен, естественно, знать еще не мог. А если бы знал? Были бы вычеркнуты заключительные строки статьи, в которых так отчетливо звучит восхищение автора своей «фавориткой», как называл Герцен Дашкову: «Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!»? [19] Изменилась бы кардинально герценовская «концепция Дашковой»?

Чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, надо вспомнить, что Герцен и открыл, и не открыл читателям Дашкову и ее «Записки». Какая-то часть русского образованного общества, вероятно, эти «Записки» знала. М. Брадфорд упоминает о том, что копию, увезенную ее сестрой в Англию, читали раньше друзья Екатерины Романовны. Имелись, очевидно, другие рукописи, остававшиеся в России.

Историю одной из них рассказал М. И. Гиллельсон. Копию «Записок» нашел в бумагах покойной княгини ее родственник и душеприказчик Ю. А. Нелединский-Мелецкий и по просьбе своего молодого друга П. А. Вяземского дал переписчику. Эту принадлежавшую Вяземскому рукопись — копию с копии — читал Пушкин. И, должно быть, не только он один... Можно предположить, что у кого-то

имелись, кем-то читались, обсуждались и другие рукописные экземпляры «Записок»...

Бытовала и устная «легенда о Дашковой», далеко не однозначная по оценкам. Здесь нет возможности рассказать о том, как отразился образ Дашковой в литературе, переписке, воспоминаниях XIX в.,— это большая и самостоятельная тема. Напомним только «Рославлев» Пушкина, рассказывающий о событиях 1812 г. Юная героиня повести в ответ на замечание подруги: «...Женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта»,— произносит следующую, полную патриотического воодушевления, тираду: «Стыдись,— сказала она,— разве женщины не имеют отечества?.. Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтоб нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек? Нет, я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное... Я не признаю уничижения, к которому присуждают нас. Посмотри на madame de Staël... А Шарлот Корде? А наша Марфа Посадница? А княгиня Дашкова? Чем я ниже их? Уж верно не смелостию души и решительностию» [20].

Во второй четверти XIX в. имя нашей героини вспоминают и в другом историческом контексте: в Е. Р. Дашковой, и в старшей ее современнице, Н. Б. Долгоруковой, видят предшественниц декабристок.

Судьба Натальи Борисовны Долгоруковой (1714—1771) давала основания для таких аналогий: не отказалась от брака, когда на семью жениха обрушился гнев царицы Анны Ивановны, отправилась с мужем в ссылку, в Березов, через три дня после свадьбы, а разлученная с ним, узнав о его гибели, выразила свой протест единственно доступным ей способом — приняла схиму... Закономерно, что поэт-декабрист К. Ф. Рылеев посвятил этой сильной духом русской женщине одну из своих «Дум».

Но какие ассоциации с декабристками вызывал у их современников образ Дашковой? Должно быть, их усматривали не в биографических аналогиях, а скорее в психологических; в жизненной позиции Дашковой, в том, что она решалась противопоставлять свои взгляды и поступки общепринятым — одним словом, смела быть личностью в те годы, когда этим правом обладала только одна женщина в государстве — Екатерина II, не случайно же подписавшаяся однажды: «Слово „*так*“».

«Нет, я не терпела долгую немилость, которая могла бы унизить меня или как-то изменить мой характер,— возражает Дашкова Рюльеру в уже цитировавшихся замечаниях на его книгу.— Если императрица не всегда вела себя по отношению ко мне, как следовало бы, т[ак] к[ак] мешали ее фавориты,— это меня не удручало. Я часто осмеливалась выражать недовольство...» [21]

«Осмеливалась выражать недовольство...» И это в ту пору, когда Екатерина II стремилась представить свое «восшествие» на престол как акт народной воли и окружить его атмосферой всеобщего ликования.

Но, может быть, Екатерина Романовна принадлежала к тем натурам, которые вообще не умеют быть довольными? Отчего же! Она была вполне довольна, когда в юности на большом парадном обеде осадила зарвавшегося наследника престола, и когда перекрасила мундиры на картине, висевшей в берлинской гостинице, и когда уже в зрелые годы отстояла свой план словаря и осуществила его, и когда, будучи уже пожилой, озорно приказала опубликовать произведение, в котором Екатерина усмотрела «слишком строгий и горький упрек верховной власти», а потомки увидели вершину дворянского свободомыслия,— трагедию Княжнина.

В письме к А. Воронцову Завадовский отмечает, что особое негодование императрицы вызвало появление Екатерины Романовны при дворе на следующий день после первого разговора о «Вадиме» «в виде бодром и веселом». «Одним ли сим,— пишет далее Завадовский,— или еще и разговором возбудила негодование паче прежнего...» [22]

Она осмеливалась быть личностью — это и ценила в Дашковой значительная часть передового русского общества XIX в. И именно такое восприятие образа Дашковой подытожил и наиболее ярко выразил очерк А. И. Герцена. «Дашковою русская *женская личность* (оба слова выделены.— *Л. Л.*), разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность...»

Дашковой принадлежит особая роль в герценовской битве за прошлое, неотделимая от его исторической концепции.

Обращаясь к «безумному и мудрому» XVIII столетию, Герцен искал в нем не только прямых предшественников по революционной борьбе, но и самые разные формы кри-

тики самодержавия, любые варианты свободомыслия, ценил сильные, независимые натуры, усматривая во «внутренней» свободе личности один из залогов будущего освобождения общества.

Вот почему так дороги были революционеру-демократу Герцену княгиня Дашкова и ее превосходные, как он их называл, «Записки».

*

Но где они, «Записки» Дашковой, где ее бумаги по управлению двумя академиями, ее сочинения, картины, чертежи, письма — где все эти материалы, безусловно разные по ценности, но интересные историкам русской культуры? Эти вопросы и хочется поставить в конце книги. Многим из них суждено остаться пока вопросами.

Единого фонда Дашковой не существует. Может быть, целесообразно было бы его создать? Бумаги Дашковой, связанные с ее деятельностью, хранятся в разных архивах и книгохранилищах страны: в архиве ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (здесь, в фонде Воронцова, основная часть ее наследия), архиве Академии наук, Центральном государственном архиве литературы и искусства, Центральном государственном архиве древних актов, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Можно предположить, что есть они и в Англии, куда была увезена копия «Записок», с которой и был сделан английский перевод 1840 г., послуживший, в свою очередь, основанием для первого русского перевода, вышедшего в изданиях Вольной русской типографии Герцена.

А сколько копий было сделано с оригинала в России и сколько сохранилось? Автору этих строк известны три.

Наиболее изучена та, которую опубликовал в кн. XXI «Архива кн. Воронцова» П. И. Бартенев, сопроводив публикацию следующей вступительной заметкой: «Автобиография славной княгини Дашковой, составляющая главное содержание этой книги, сохранилась в архиве кн. Воронцова в современной рукописи, писанной рукою жившей у княгини ирландки мисс Вильмот, в лист серой бумаги и разделена на 2 части, в которых в первой 207, а во второй 129 стр. Заглавия обеих частей, приложенные

здесь в снимках, сделаны самою княгинею, равно как и некоторые добавления и поправки рукописи: во 2-й части стр. 16, 28 и 33... почти сплошь писаны княгинею собственноручно.

Таким образом, подлинность рукописи несомненна. Автобиография напечатана вполне, без всяких изменений, с исправлением только явных орфографических ошибок перепищицы...»

Описанная Бартеневым рукопись находится в архиве ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Очевидно, это и есть найденная Нелединским-Мелецким и переданная им позднее М. С. Воронцову. Рукопись заключена в кожаный переплет, на внешних сторонах крышек — герб Воронцовых, вытисненный золотом, на внутренней стороне верхней крышки переплета — экслибрис: «Библиотека князя Воронцова. Одесса, № 1281». Как видим, фамилия Воронцовых упоминается здесь много чаще, чем Дашковой.

Две копии «Записок» — в Москве, в ЦГАЛИ, в фонде Вяземского. На одной — большая правка, сделанная рукою П. А. Вяземского и еще чьей-то. Кто правил ее, кроме П. А. Вяземского, и почему? Сличали ли ее еще с какой-то рукописью, кроме той, Нелединского-Мелецкого, с которой списывали? Иначе чем объяснить размеры и характер правки, которая, по-видимому, не сводится к исправлению ошибок и описок переписчика: вставки, изменения текста, замечания на полях...

Там же, в фонде Вяземского, имеется и другая копия «Записок», на которой учтена вся предыдущая правка, копия более поздняя.

Но, может быть, существуют и другие рукописи «Записок» и читатели помогут их найти? И окажут тем самым содействие изданию нового, полного, перевода «Записок» Е. Р. Дашковой, произведения, в котором запечатлелась личность одной из самых замечательных женщин XVIII в.

*Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г.*

1

Денежные дела были чрезвычайно запутанны вследствие небрежности, с какою разграничивались так называемые штатные суммы от экономических (специальных); штатные заключали в себе деньги, отпускаемые ежегодно казной на содержание Академии; специальные суммы составлялись из денег, вырученных от продажи книг, и из других сбережений. Эти суммы оказались перепутанными между собой. У Академии было несколько должников, и сама она задолжала как в России, так и за границей, не выдавала жалованья профессорам и другим чиновникам, не платила за помещение для книжного магазина, за бумагу и т. п.; вследствие того что никто из должников не платил Академии, она сама не могла ликвидировать свои долги.

Обе суммы строго разграничены. Некоторые долги получены. Академия уплатила все свои долги.

2

Счета комиссара Зборомирского не были приведены в порядок при его жизни, а за последние два года их вовсе не существовало. После его смерти все его бумаги были опечатаны, что благоприятствовало беспорядкам и породило несправедливые взыскания с его вдовы и детей.

Бумаги рассмотрены, счета уплачены, а остаток денег передан его вдове.

3

Инспектором состоял господин Голубцов; он ничего не делал и только расписывался в получении жалованья. Он был назначен судьей в Каргополь, где тщетно ожидали его приезда; ничего не делая, он получал жалованье от Академии и занимал квартиру, нужную для других целей.

Я его уволила.

4

Заграничные шрифты для типографии были настолько стары и сбиты, что невозможно было печатать более одного тома Комментариев Академии.

Я велела отлить латинский и русский шрифты; их отливают и теперь. Что касается немецких шрифтов, я выписала их из Саксонии, а также и латинские, чтобы не задерживать печатание.

5

Не было книг, необходимых для гг. академиков, а в библиотеке многие сочинения были неполны, благодаря тому что в продолжение нескольких лет не выписывались последующие томы.

Гг. академикам, каждому по своей специальности, поручено было составить списки нужных книг, и их берут у Вейтбрехта в уплату его долга Академии.

6

Отливка шрифтов происходила в погребе, где после последнего наводнения так сыро, что железные и медные инструменты литейщиков совершенно заржавели.

Она будет перенесена в более подходящее место и ближе к типографии.

7

Коллекция минералов, присланная из Швеции в 1780 г., была передана Академии Домашневым лишь при моем вступлении на должность.

Она приведена в порядок.

8

Комментарии Академии остановились на второй части за 1779 г.

Как эти томы, так и еще несколько томов Комментариев уже напечатаны и выпущены в продажу.

9

Гг. профессора, обремененные делами, чуждыми их науке, не имели времени заниматься своими специальностями, что вредило успехам науки.

Каждый из них может заниматься своей наукой совершенно свободно, не встречая с моей стороны никаких препятствий; со своими делами они обращаются прямо ко мне и получают быстрое их разрешение, не подчиняясь канцелярской волоките, пугавшей некоторых из них.

10

Цена на книги и карты была столь высока, что препятствовала осуществлению благодеятельных намерений государыни, направленных к распространению просвещения.

11

Карты по приказанию директора продавались по двойной цене против настоящей , что порождало злоупотребления, а вследствие их дороговизны никто их не покупал.

Книги, карты и альманахи, поступившие в продажу со времени моего вступления в Академию, продаются за половину их прежней цены.

12

Пять карт Азовской губернии, готовые уже три года, не были изданы, потому что директор занимался исключительно придумыванием для них картушей.

Они теперь изданы.

13

Не было каталога книг, находившихся в Академии, вследствие чего публика не знала ничего об их существовании и цене.

Напечатано 1800 экземпляров каталога, как для Петербурга, так и для остальных губерний; теперь же вышло второе его издание в количестве шестисот экземпляров.

14

Лучшие ученики Академии покинули ее; я застала только двух, которые не умели переводить даже с немецкого языка.

В целях поощрения молодых людей и для возбуждения соревнования между ними я установила в гимназии два экзамена в год, за которые они получают награды в виде книг и золотых медалей. Четырех самых способных учеников я послала на счет Академии на четыре года в Геттингенский университет.

15

В гимназии вместо 50 учеников я застала всего 27; из них трое не подавали никаких надежд и были взяты в типографию, шестеро были отправлены родителям ввиду полной неспособности к наукам. Осталось всего 18, т. е. весьма незначительное количество для столь обширной империи, в которой ощущается недостаток в людях, умеющих читать. Сама Академия от этого страдала, так как, нуждаясь в людях, не знала, где их взять.

Те шестеро учеников были возвращены родителям, потому что им нельзя было поручить грубую работу, так как они были из сравнительно хороших семей. Кроме того, казна сберегла и деньги, и время. Вместо них теперь 89 учеников, которые, смею утверждать, гораздо лучше накормлены, одеты и обучены, чем прежде.

16

Вместо недостававших необходимых учителей в гимназии был музыкант, получавший 800 р. за обучение игре на скрипке.

Музыканту было заплачено, и он был уволен; вместо него я взяла образованного воспитателя и учителя итальянского и английского языков.

17

Протоколы общих собраний оставались у директора; некоторые из них были даже им утеряны.

После долгих напоминаний мне удалось получить их от него, и они теперь тщательно сохраняются. Я запретила приносить их к себе и читаю их, когда бываю в Академии, и у себя оставляю копии с них.

18

Книжный магазин был ревизован и осмотрен лишь два раза за управление Академией камергером Домашневым.

Я ревизую его, насколько это возможно при препятствиях, которые ставит мне комиссия, ведущая следствие по прежнему управлению; я могу принять его в свое владение только, когда это дело будет закончено: невозможно произвести точную ревизию, не сменив прежнего комиссара, которого я должна пока оставить, так как он еще не обвинен и не оправдан.

19

Из Академии получали книги для прочтения посторонние, вследствие чего несколько сочинений оказались разрозненными; книги не были размещены в алфавитном порядке и стояли в беспорядке.

Теперь только члены Академии имеют право брать книги, и то под расписку; все книги перебраны и установлены в порядке.

20

Никогда не была произведена ревизия и потребован отчет у комиссара, которому поручена была продажа в Москве книг, изданных Академией.

Счета приведены в порядок г. Штриттером; когда это было закончено, я продала, с разрешения императрицы, дом книжного магазина за 6500 р., которые и положила в ломбард на счет Академии.

21

Вследствие того что комиссару было разрешено продавать и посторонние книги, он завел свою типографию и, по всей вероятности, занимался больше продажей своих книг, нежели академических.

Книги, напечатанные не в Академии, были изъяты из магазина, и я строго запретила продавать в нем какие-либо издания, кроме академических.

22

Академия послала Комментарии и Акты в Гамбург, Бреславль и Лейпциг. За это не было получено ни денег, ни сведений о том, проданы ли они.

Я написала министрам — резидентам нашего двора — и нашим корреспондентам, прося их получить из рук комиссаров деньги и счета и прислать их в С.-Петербург.

23

Физические инструменты частью были испорчены, частью утеряны во время пожара, и так как они были заменены новыми, эта часть оказалась очень плохо оборудованной; инструментов мало, и они посредственного качества.

Я поручила гг. академикам составить список необходимых инструментов, и ежегодно их получается по нескольку из-за границы.

24

Прессы в типографии были тяжелы, плохи, ветхи, и их слишком мало.

Я заказала новый пресс, по образцу английского, для эстампов и карт; остальные я велела исправить и упростить, так что для применения их уже не требуется столько времени.

25

В Академии было 38 отставных солдат, которым платили по 30 р. в год. Так как им нечего было делать и над ними был плохой надзор, они не отличались ни хорошей нравственностью, ни субординацией и были совершенно бесполезны.

Они все заняты теперь делом, и публика может засвидетельствовать, что теперь слава, будто местность, окружающая Академию, опасная для прохожих, более не существует.

26

Некоторые книги в библиотеке не были переплетены, и переплетчик, невзирая на контракт, отказывался работать вследствие низкой платы.

Все книги уже переплетены, и вместо одного переплетчика, которому платят аккуратно каждые два месяца, к услугам Академии все переплетчики в городе.

27

Бумага расходовалась в громадном количестве, и не существовало шнуровой книги, регулирующей ее употребление.

Теперь расход уменьшился наполовину; как пишущим, так и мне выдается каждый месяц только нужное количество бумаги. Заведены шнуровые книги, проверяющие и регулирующие ежемесячный расход ее.

28

Химический отдел лаборатории был в очень плохом состоянии.

Теперь он отделан заново, а печи устроены по новейшей системе, признанной лучшею.

29

Управление типографией было до того плохо, что никогда нельзя было узнать, какая книга печатается и с каких пор, и работа, которую можно было исполнить в несколько недель, растягивалась на несколько месяцев.

Каждую неделю представляется отчет о печатающихся книгах и уже готовых листах ее; если печатание приостанавливается, прилагается и объяснение о причине подобной задержки.

30

Не было списка шрифтов, находящихся в Академии, и их образцов.

Теперь есть два листа образцов шрифтов; они сохраняются в канцелярии, и по ним сразу можно видеть различные шрифты.

31

Типографщики так небрежно изготовляли листы, что в библиотеке и в магазине есть сочинения, в которых не хватает листов, что было неприятно для читающей публики и дискредитировало издания Академии.

На каждом сочинении ставится фамилия типографщика, который и отвечает за сделанную ошибку или за недосмотр.

32

Хотя Россия изобилует минеральными богатствами, в Академии не было профессора минералогии.

Я выписала проф. Фербера *, известного по этой специальности и достойного соперника Линнея. Он приводит в порядок коллекции иностранных минералов по системе Линнея. Собрание русских минералов будет приведено в порядок, как только будут готовы заказанные шкапы.

33

Ремонт большого готторпского глобуса ** был поручен за пять лет до моего вступления адъюнкту Трескоту; он занялся этим один, не совещаясь ни с географами, ни с астрономами, взяв в помощь себе художника. Я узнала это только потому, что художник получал 25 р. в месяц за свою работу, о которой никто не имел никаких сведений.

Хотя никто и не сообщал мне о его занятиях, я сама пошла посмотреть на его работу и велела ее ускорить. Я приказала географическому департаменту, астроному Лекселю, а по его смерти профессору Румовскому наблюдать за этой работой, исправить ошибки художника и нанести на глобус новейшие открытия.

34

Как сказано выше, в библиотеке царил полный беспорядок. Она с каждым днем увеличивалась, и для книг не было больше места. Книги были все перепутаны.

Библиотека разобрана, и я приложила все усилия к тому, чтобы упорядочить ее лучшим образом. Прибавлены недостающие шкапы, и она увеличилась более чем на 3000 томов.

35

Географический отдел приходил в упадок вследствие неспособности его начальника и его подчиненных.

В видах поощрения я прибавила им жалованья. В течение трех лет появилось несколько карт, которые уже поступили в продажу. Я выписала сведущего по этой части человека, который и руководит работами.

* Шведский минералог и знаток горного дела, с 1783 г.— член Петербургской академии наук; боролся против представлений алхимиков о превращениях минералов. (*Прим. автора*).

** Знаменитый готторпский глобус (по названию крепости Готторн на острове реки Шпей) был привезен в Петербург в качестве военного трофея Петра I еще во время Северной войны, в 1714 г. (*Прим. автора*).

36

Лучшие граверы ушли, а те, что остались, ничего не делали, не будучи поощряемы ничем и, главное, лишенные хороших учителей.

Я выписала хорошего гравера и, увеличив жалованье ученикам, возбудила в них охоту работать.

37

Композиция металла для шрифтов была нехороша; буквы вскоре коробились и расплющивались и были вообще очень непрочны.

Я заменила ее композицией, какую употребляют в иностранных словолитнях; буквы сделались отчетливее, тверже и гораздо прочнее.

38

В казенном здании Академии отдавался внаймы всего один подвал за 60 р.; все остальные были завалены разною дрянью и приносили только вред зданию.

Все подвалы вычищены и приносят 400 р. дохода.

39

Архив конференции был в беспорядке, и в нем недоставало многих необходимых бумаг.

Архив приведен в порядок. Я велела списать в синоде недостающие метрические свидетельства о рождениях, смертях и бракосочетаниях; они опубликованы в т. VI Актов, согласно моим намерениям, заключающимся в том, чтобы гг. академики занимались работами, приносящими немедленную пользу нашему отечеству.

40

Материалы и инструменты для разных работ так многочисленны и разнообразны, что во избежание путаницы их получали от одного фабриканта, поставлявшего их по контракту на довольно крупную сумму, что давало повод к злоупотреблениям. Эти материалы были плохого качества, и следовательно, непрочны.

Теперь Академия покупает их сама и выбирает лучшие. Расход на них уменьшен против прежнего, хотя работ производится больше. Академия от этого выигрывает.

41

Наблюдения и открытия, производимые внутри страны, сообщались за границу до их опубликования в России, и, к стыду Академии, там пользовались ими раньше, нежели у нас,

Я велела занестп в журнал, что гг. академики не должны отныне сообщать подобные открытия за границу, пока Академия не извлекла из них славу для себя путем печати и пока государство пе воспользовалось ими.

42

Служитель, которому поручена была продажа книг, знал только русский язык и не был знаком даже с арифметикой; он не мог соблюдать порядок в счетах и к неудовольствию публики выдавал книги в перепутанном или разрозненном виде.

Я приставила к этому делу человека, знающего бухгалтерию и иностранные языки; сбыт книг увеличился.

43

Типографская краска была плоха, дорога и сильно пачкала.

Теперь она не уступает краске лучших заграничных типографий и стоит дешевле.

44

Типографские гладилки были так плохо сделаны, что на них уходило много кожи; они были тяжелы и неудобны.

Они сделаны по заграничным образцам; из одного куска кожи их выделывают четыре вместо трех, а выбор хорошей кожи дает значительную экономию для казны.

45

Пунсоны плохо содержались, и так как их раздавали мастерам без ордеров, то они снабжали ими все частные типографии, между тем как Академия страдала от недостатка шрифтов.

Они тщательно сохраняются; по мере надобности их раздают и отбирают немедленно по отливке *,

* Печатается по: Записки княгини Дашковой. Пер. с франц. по изд., сдел. с подл. рукописи. Под ред. и с предисл. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907, с. 302—311,

# ПРИМЕЧАНИЯ

## Вступление

[1] Воспоминания К. Уильмот и ее сестры М. Уильмот (Брадфорд) вошли в приложения к «Запискам» Дашковой, изданным герценовской Вольной русской типографией: Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. яз. Г. Е. Благосветова. Лондон, 1859, 511 с.

[2] Воспоминания Е. Р. Дашковой цитируются преимущественно по кн.: Записки княгини Дашковой. Пер. с франц. по изд., сдел. с подл. рукописи. Под ред. и с предисл. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907, 366 с. (ссылки на «Записки» не даются). На языке оригинала (франц.) «Записки» Дашковой, озаглавленные «Mon histoire» («Моя история»), напечатаны в «Архиве князя Воронцова» (кн. XXI. М., 1881). Цитируются по французскому подлиннику в тех случаях, когда перевод представляется не совсем точным.

## Екатерина «малая»

[1] «Русский архив», год седьмой, 1869, с. 1781—1782.

[2] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1793, т. 3. СПб., 1872, с. 892—893; Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901, с. 187, 272 (далее: *Храповицкий А. В.* Дневник).

[3] *Герцен А. И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.— Собр. соч. в 30-ти т., т. 12. М., 1957, с. 369.

[4] Там же.

[5] *Огарков В. В.* Е. Р. Дашкова (ее жизнь и общественная деятельность). СПб., 1893, с. 10.

[6] *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 370.

[7] *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени, т. 2. СПб., 1874, с. 122—123.

[8] Cl. de Rulhieres Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762. Paris, 1797 (об'этой книге см. ниже).

[9] Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 379—382.

[10] *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 373.

[11] Об истории «Записок» Екатерины II см.: *Эйдельман Н. Я.* Мемуары Екатерины II — одна из раскрытых тайн самодержавия.— Вопросы истории, 1963, № 1, с. 149—160.

12 Записки имп. Екатерины II. СПб., 1907, с. 342.

13 *Тарле Е. В.* Екатерина вторая и ее дипломатия, ч. I. М., 1945, с. 28.

14 Письма Екатерины II Е. Р. Дашковой напечатаны в кн.: *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 301. Приложения.

15 *Иловайский Д. И.* Соч., т. 1. М., 1884, с. 243.

16 *Ключевский В. О.* Соч., т. 4. М., 1958, с. 342.

17 Записки имп. Екатерины II, с. 533—534.

18 Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. 13 (т. 25—26). М., 1965, с. 16.

19 Там же, с. 17, 297.

20 Русский архив, год первый, изд. 9-е. М., 1866, с. 383.

21 *Бильбасов В. А.* История императрицы Екатерины II, т. 2. СПб., 1891, с. 21.

22 *Краснобаев Б. И.* Глава двух академий.— Вопросы истории, 1971, № 12, с. 38. (Письмо Екатерины Понятовскому включено в «Архив кн. Воронцова», кн. XXV, с. 414.)

23 Цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч., т. II. М., 1945, с. 1.

24 Архив кн. Воронцова, кн. XII. М., 1877, с. 324—325 (большинство писем Дашковой написаны и опубликованы в Архиве кн. Воронцова по-французски; цитаты даются в переводе автора).

25 *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 393.

26 Архив кн. Воронцова, кн. V. М., 1872, с. 163.

27 *Гиллельсон М. И.* Пушкин и «Записки» Дашковой.— В кн.: Прометей, т. X. М., 1974, с. 141.

28 *Дашкова Е. Р.* Записки, 1907, с. 316 (прил.).

29 *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 359 (прил.).

30 *Радищев А. Н.* Избр. соч. М., 1949, с. 13—14.

31 Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 430.

32 Там же, с. 432.

33 *Стасов В. В.* Брауншвейгское семейство.— Цит. по: Наука и жизнь, 1968, № 8, с. 100—106. Антон-Фридрих Бюшинг был в Петербурге дважды — в 1749—1750 и 1761—1765 гг. Автор многочисленных работ; некоторые из них были переведены на русский язык еще в XVIII в. (в частности, А. Разумовским). Стасов ссылается, очевидно, на его «Жизнеописание знаменитых личностей» (Lebensgeschichten denkwurdiger Personen, 6 тт. Hamburg, 1783—1789).

34 *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 393.

35 Михаилу Ларионовичу принадлежит и другая примечательная характеристика своей племянницы: «Она, сколько мне кажется, имеет нрав развращенный и тщеславный, больше в суетах и мнимом высоком разуме, в науках и пустоте время свое проводит» (Архив кн. Воронцова, кн. V. М., 1872, с. 105).

36 Любопытно, что эту сплетню разнес по миру пресловутый Джованни Джакопо Казанова, приезжавший в 1765—1766 гг. в Россию и посетивший Дашкову в ее деревне. «У меня было письмо

мадам Лольо к княгине Дашковой, удаленной из Петербурга после того, как она оказала содействие своей государыне в восшествии на престол, который она надеялась разделять с нею... Мне сказали, что Панин — отец княгини; до тех пор я упорно думал, что он ее возлюбленный...» Так начинается отрывок из мемуаров Казановы о Дашковой; они были написаны, когда Екатерина Романовна уже возглавляла Петербургскую академию паук, что, надо заметить, сильно раздражало знаменитого венецианца. «Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно навыворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в ученых учреждениях, заведывают государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране не достает одной только вещи,— а этим татарским красоткам — одного лишь преимущества, именно: чтобы они командовали войсками!» (Русская старина, 1874, т. IX, кн. 3, март, с. 540).

[37] *Стасов В. В.* Указ. соч., с. 105.

### Годы странствий

[1] Дашкова была наслышана не только о государственных талантах канцлера, но и о его избалованности и демонстративном пренебрежении к правилам приличия. Не могла она не знать и о скандальной истории, случившейся во время посещения Вены папой Пием VI. Кауниц пригласил папу на обед, но якобы так увлекся верховой ездой в своем загородном манеже, что заставил «святейшего» долго ждать и явился к тому же прямо в сапогах и с хлыстом в руке. Принимая приглашение Кауница отобедать у него, Дашкова предупредила, что если не застанет хозяина, то ждать не будет и отправится обедать домой («завтракаю рано и не могу сидеть без пищи столь долгое время»). Когда гостья переступила порог дворца, канцлер встречал ее.

[2] В цитируемом письме Е. Р. Дашковой А. Р. Воронцову, относящемуся, должно быть, к 1790-м годам (Круглое, 8 июля, без указания года), по-русски написаны только два слова: «как-нибудь» и «кнут», особо выделенные («le как-нибудь, le кнут»). Дальше Дашкова пишет: «И такова фатальность нашего времени, что настоящая философия не может даже желать сейчас ослабления обеих пружин» (Архив кн. Воронцова, кн. XII, с. 362).

[3] Письмо А. Р. Воронцову было написано во время ссоры Дашковой с Каменской, 4 ноября, без указания года (Архив кн. Воронцова, кн. XII, с. 366—367).

[4] Екатерина II была крайне недовольна книгой Рюльера, где приводилось немало фактов о закулисной стороне переворота, и рукопись которой автор читал в парижских салонах. Императрица поручила русскому посланнику в Париже приобрести рукопись, но единственное, чего добилась,— обещания не печатать книгу при ее жизни. Книга была издана только в 1797, вскоре после смерти Екатерины II наследниками автора (ум. в 1791 г.). Дашкова в первый свой приезд в Париж, должно быть, еще не читала рукописи, однако вскоре с ней познакомилась (о ее заме-

чаниях на книгу Рюльера см. ниже). В письме Екатерине II уже после отъезда русской путешественницы Дидро писал, что отказ княгини Дашковой принять Рюльера значительно поколебал веру французов в правдивость этой книги, «чего десять Вольтеров и пятнадцать жалких Дидро были не в силах достичь». Екатерина Романовна узнала впоследствии об этом письме и сохранила благодарную память об оказанной ей философом двойной дружеской услуге. Во время второго приезда в Париж Дашкова, очевидно, видела Рюльера.

5 *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 372 (прил.).

6 Oeuvres complètes de Diderot, t. 17, Paris, 1876, p. 487—490 («Sur la princesse Daschkoff»).

7 В оригинале: «...Рабства, в котором, как ему казалось, находятся наши крестьяне» (Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 137).

8 Русский архив, год третий (1865), изд. 2-е. М., 1866, с. 511.

9 Там же, с. 643.

10 Русский перевод сочинения Б. Де Лабея напечатан в кн.: Труды Вольного экономического общества, ч. VIII. СПб., 1768, с. 1—59.

11 *Дидро Д.* Собр. соч. М., 1947, т. 10, с. 467.

12 *Гиллельсон М. И.* Указ. соч., с. 137.

13 Речь идет, очевидно, о так называемом перевороте Мопу; канцлер де Мопу, чтобы сломить сопротивление парижского парламента (парламенты — судебные органы в предреволюционной Франции), в ночь на 20 января 1771 г. арестовал многих его членов.

14 *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 363 (прил.).

15 *Гиллельсон М. И.* Указ. соч., с. 144.

16 *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 381 (прил.).

17 Oeuvres complètes de Voltaire. Paris, 1817, t. 12, c. 783.

18 Цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч., ч. I, с. 19.

19 Там же, ч. II, с. 1.

20 Письма Дидро Дашковой из Петербурга в Москву (Троицкое) вошли в Приложения к «Запискам» (Лондон, 1859, с. 360—371, цит. письмо, с. 366).

21 См.: *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 97—130.

22 Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч., с. 115—116.

23 Там же, с. 118—119.

24 Архив кн. Воронцова, кн. VII. М., 1875, с. 654—655. О том, что Екатерина Романовна не скрывала своих надежд, участвуя в перевороте 1762 г., видеть Екатерину в роли правительницы до совершеннолетия ее сына, свидетельствуют и следующие строки Дидро: «Вы спросите, в чем причина ее опалы?.. Может быть, она надеялась руководить императрицей... Может быть, думая о том, на что Дашкова отважилась ради нее, государыня представила себе, на что она может отважиться против нее; может быть, княгиня претендовала на пост министра, даже первого ми-

нистра или уж во всяком случае на место в совете, а может быть, она была возмущена тем, что у ее подруги, которую она хотела сделать правительницей, достало искусства стать императрицей?..» (1876, p. 493).

[25] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 368 (прил.).

[26] Там же, с. 367 (прил.).

[27] Там же, с. 365 (прил.).

[28] *Дидро Д.* Собр. соч., т. X, с. 418.

[29] Там же, с. 429.

[30] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 365 (прил.).

[31] Сборник Русского исторического общества, т. 23. СПб., 1878, с. 372.

[32] *Дидро Д.* Собр. соч., т. X, с. 510.

[33] Записки графа Сэгюра о пребывании его в России. СПб., 1865, с. 149—150.

[34] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 365 (прил.).

[35] Друг просвещения, 1806, № 12, ч. 4, с. 190—193.

[36] *Храповицкий А. В.* Указ. соч., с. 234.

[37] *Тарле Е. В.* Указ. соч., ч. I, с. 27.

[38] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 337—339.

[39] Архив кн. Воронцова, кн. V, с. 183.

[40] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 348 (прил.).

[41] Там же, с. 339—345 (прил.).

[42] Там же, с. 313 (прил.).

### «Доблестный начальник»

[1] *Краснобаев В. И.* Указ. соч., с. 94.

[2] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 10. М.— Л., 1957, с. 139.

[3] Там же, с. 121.

[4] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 254.

[5] Архив Академии наук СССР (Ленинград), ф. 3, оп. 1, № 337, л. 244—245.

[6] Там же, № 351, л. 163—166.

[7] Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 383—402.

[8] «Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г.».— В кн.: Архив Воронцова, кн. XXI, с. 389—402.

[9] Там же, § 41.

[10] *Сухомлинов М. И.* История Российской академии, вып. 1. СПб., 1874, с. 35.

[11] Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 385.

[12] Собеседник любителей российского слова, ч. IX, 1783, с. 21—22.

[13] Там же, ч. 6, с. 19—20. Двумя процитированными отрывками да-

леко не исчерпываются посвященные Дашковой поэтические опыты. Вот, например, еще один:

А ты, имея ум пространный,
Чувствительность и тонкий вкус,
Предстательница здешних муз,
Свершай тобою путь избранный.
Сей путь тебе принадлежит.
Хоть тяжек он, но полон славы,
Хоть злость невежества претит,
Но Росской честь на нем державы.

Стихи подписаны инициалами: Я. К. (Яков Княжнин?)

14 *Сухомлинов М. И.* История Российской академии.— В кн.: Сб. отд. рус. яз. и словесн., т. 11. СПб., 1875, с. 15.

15 Собеседник любителей российского слова, ч. 7, 1783, с. 158—159.

16 «Речь, говоренная при открытии императорской Российской Академии октября 23 дня 1783 года председателем сей Академии княгинею Екатериною Романовною Дашковою, ея императорского величества статс-дамою, императорской Академии наук директором ордена святой Екатерины кавалером Стокгольмской королевской академии наук и Санкт-петербургского Вольного экономического общества членом».— Московския ведомости, 1783, № 87; Друг просвещения, 1806, № 3.

17 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12. М., 1949, с. 41.

18 Собеседник любителей российского слова, ч. 1, 1783, с. 3.

19 *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т., т. 1. М.— Л., 1961, с. 222—223.

20 Собеседник любителей российского слова, ч. 1, 1783, с. 15—23.

21 Там же, с. 146.

22 *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т., т. 1, с. 244.

23 Собеседник любителей российского слова, ч. II, 1783, с. 14—18.

24 *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т., т. 5, с. 401.

25 Там же, с. 400—401.

26 «Примечания на некоторые статьи, касающиеся до России» А. Р. Воронцова, были напечатаны в «Чтениях Московского общества истории» (1859, кн. 1, с. 95). Цит. по: *Добролюбов Н. А.* Указ. соч., т. V, с. 387.

27 Архив кн. Воронцова, кн. XII, с. 342.

28 Там же, кн. XXI, с. 270.

29 В оригинале: «les zizanies» — «раздоры» (Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 252).

30 Там же, с. 457, 462.

31 Там же, с. 404—407.

32 Архив кн. Воронцова, кн. V, с. 186—187.

33 *Дашкова Е. Р.* Записки, 1907, с. 316 (прил.).

[34] *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 405—406.
[35] *Пушкин А. С.* Собр. соч., т. 12, с. 33.
[36] Архив Академии наук СССР (Ленинград), ф. 3, оп. 1, № 328, л. 62.
[37] Архив кн. Воронцова, кн. V, с. 216—224.
[38] Русский архив, изд. 2-е, 1866, с. 605—606.
[39] Там же, с. 605.
[40] Архив кн. Воронцова, кн. XII, с. 152.
[41] *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 408.
[42] Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 452—453.
[43] Архив Академии наук СССР (Ленинград), ф. 8, оп. 5, № 61.

**Легенда о Дашковой**

[1] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 395—396 (прил.).
[2] Там же, с. 398.
[3] Там же, с. 458.
[4] Там же, с. 402.
[5] Там же, с. 404.
[6] Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 408—410.
[7] Там же, кн. XII, с. 342.
[8] Там же, с. 344.
[9] Там же, кн. XXI, с. 447.
[10] Там же, с. 447.
[11] Там же, кн. XII, с. 356.
[12] *Дашкова Е. Р.* Записки, 1859, с. 358—359.
[13] Там же, с. 464.
[14] Там же, с. 406.
[15] Там же, 1859, с. 1—4.
[16] Друг просвещения, 1804, № 4, с. 38.
[17] Архив кн. Воронцова, кн. XXI, с. 373—376.
[18] Там же, с. 376—378.
[19] *Герцен А. И.* Указ. соч., с. 422.
[20] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 153—154.
[21] Архив кн. Воронцова, кн. VII, с. 653—655.
[22] Архив кн. Воронцова, кн. XII, с. 96.

# УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

## СОДЕРЖАНИЕ

Лия Яковлевна Лозинская

ВО ГЛАВЕ ДВУХ АКАДЕМИЙ

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. В. Шевелева
Художник И. Б. Кравцов
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор Ф. М. Хенох
Корректоры В. Г. Петрова, В. А. Шварцер

ИБ № 4275

Сдано в набор 19.10.77.
Подписано к печати 22.03.78
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$ Т-00199
Бумага типографская № 3
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 7,8
Уч.-изд л. 8,1
Тираж 180 000 (2-й завод 100 001—180 000)
Тип. зак. 2971
Цена 55 коп.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Отпечатано с матриц 2-й типографии из-ва «Наука» на ордена Трудового Красного Знамени ф-ке «Детская книга» № 1, Зак. 2578.

55 коп.






ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·